

*Автор благодарит всех,
оказавших помощь
в издании этой книги.*

ТАТЬЯНА ЯСНИКОВА

РОДНИК

КНИГА СТИХОВ

Иркутск 2015

SBN

ББК 84 (2=Рус) 7

Я 82

Ясникова Т.В.

Я 82 РОДНИК. Книга стихов.

Иркутск 2015. стр. 320

Фото Станислава Духовникова.

Дизайн обложки Виктора Ясникова

ОТ АВТОРА

Книга «Родник» состоит из стихотворений, написанных после 2008 года, за редким исключением. Предшествующий период в пять лет отражен в сборнике «Ключи». Переключка названий кажется случайной. На обложке «Ключей» ключи-буквы Обри Бердслея.

Но и «Родник» — родник — напоминание о символическом ключе этого мира. Родники сохранились в дебрях и горах, и мне хотелось, чтобы читатель так же относился и к текстам книги, уходя в нее, как в загадку известного и неизвестного.

Я родилась в прибайкальском селе, для меня таким родником является и Байкал — по сути, он родник и есть, так как в самом своем глубоком месте соединен с изначальными подземными водами. Родись я в городе, вряд ли я бы имела такое пространственное мышление, которое меня и спасает. Но и расстраивает — везде я сталкиваюсь с вопиющей ограниченностью людей, вместилищем страхов. Когда мы говорим, что неосвоенных пространств уже не осталось, — то для поэзии это не так — познание и чувства в своем свободном взаимодействии порождают неисчерпаемость тем.

Стихи я пишу с девяти лет, а до этого была бесконечная проза, которую я не записывала, так как начала сочинять до овладения письмом. Литература и изобразительное искусство — то, с чем родители-студенты знакомили меня «с рождения». И одновременно я жила ощущениями крестьянской жизни в доме родителей отца. В их многодетной семье он был самый старший, и поэтому меня окружало множество детей — его братьев и

сестер, их друзей, родни с разными степенями родства. У бабушки с дедом был многочисленный скот и птица, огромный огород, ночевали совхозные кони, и неподалеку кипело жизнью байкальское побережье — с большим числом молодежи, ходом баркасов, барж и катеров. После окончания Уральского университета родители работали в газете «Байкальские огни» — и эти огни я видела повсюду — папа всегда брал меня в свои поездки. А что деревня сейчас? Память о Великой Отечественной войне так и остается в ней центральным событием — вид запустения и скорби возвращен деревне в полной мере.

Первыми поэтами для меня были Пушкин и Есенин — золотая рыбка обитала в Байкале, а рожь при луне волновалась на старинном Всемирном поле за огородами. И еще был ветер, он всегда гудел в вышине, и тревожный закат за Байкалом. Старшие шутили: «Хочешь посмотреть на Москву?» — и поднимали меня высоко, чтобы я смотрела на запад.

Эта книга является шестой по счету. Не имея особого желания публиковаться, я накопила за пять лет свыше пятисот стихотворений. Они не все вошли в это издание, не все найдены. Для облегчения восприятия я сформировала разделы. Они, в основном, тематические. Так «Млечный путь» — связан с деревней, «На появление фонаря», «На нашей улице» — с Иркутском, «Академсад» — стихи писались на даче в садоводстве «Академсад» (часть текстов, написанных там, вошла в другие разделы), «Корабль Лорена», «Символ» — разделы напоминают отчасти о том, что я по профессии искусствовед. «Январь 13» включает стихи за короткий срок января 2013 г., не разнесенные по разделам, чтобы представить целостность работы. Показать все написанное в хронологическом порядке не оказалось возможным. Не одними же стихами приходится заниматься! Раздел «Обещание» затрагивает тему «любви», самую сложную для комментариев. В церкви можно увидеть множество женщин, они спасаются там от несчастий, принесенных мужчинами, в то время как последние где-то пребывают в объятиях химер. Разделы «В горах», «Гул турбин», «Дороги» говорят о склонности к

преодолению пространств, что типично и для русского характера, и для старожилов Сибири в частности. В связи с разделом «Чудотворная страна» стоит напомнить, что религиозная традиция не является для меня «открытием девяностых». Через литературу и искусство, и деревенский быт она мне была дана при рождении.

Мне приходилось слышать по поводу своих стихов упреки в том, что я могу нарушить размер, рифму, по-своему употребить ударение. На самом деле, мне памятны все случаи, где я отклонилась от «нормы». Стихотворение — это произведение искусства и, — иногда приходится выбирать между требованиями формы и содержания. К тому же, отклонение от нормы работает на эмоциональную окрашенность текста. Например, там, где у меня вместо отдан звучит «отдан», это способствует переносу внимания на корень слова. Или «брести» вместо «брести», «грядут» вместо «грядут». Я бы даже сказала, что корневое ударение является основным, а всякое прочее родилось, как уход от подлинности. Во всяком случае, для тех, кто не воспринимает целостную структуру стиха, я могла бы выписать все употребленные мною «неточности». Для меня стихосложение, речь — это способ взаимоотношений с действительностью. А у нее свой язык.

Я и не ставила перед собой задачу ваять стихотворения — памятники. Творчество включено в поток жизни, поэтому многое из написанного не может не носить этюдного характера. Известно, что целостный образ воспринимается с дистанции. Поэтому настоящее творчество требует уединения. И это один из основных его вопросов, — до какой степени сближаться с мнениями и людьми, чтобы избежать влияний. Мне вспоминается в связи с этим один давний простой и показательный эпизод из моей жизни. Автобусная остановка перед Большеохтинским мостом. Идет всегдашний питерский дождь. Я хожу, не разбирая луж, из одного ее конца в другой. И вдруг вижу: на меня смотрят все — наряженные в цветастые платья накрашенные женщины под зонтами. И мне становится скучно. И я

снова хожу, как ходила. Возле Академии художеств таких, как я, больше. И это зона моей безопасности. Хотя, кажется, и среди этих женщин ничего мне не угрожает. Однако, ощущение дистанции никуда не денешь.

Всякое поколение неоднородно. Но, если перед читателем книга, значит, я пишу для того, кто читает. И не могу говорить за тех, кто, к примеру, занят питием или другими видами самообольщения. Мне представляется, что мое поколение готовилось, прежде всего, для интеллектуальной жизни. Оглядываясь назад, я вижу, что раздел, отрыв от народной жизни проходит для меня по тому дню, когда наш род в последний раз собрался на общий покос за селом Темлюй. На квадратные километры было множество работающих людей, и никого чужих. Мне было девять лет. Мне дали грабли, взрослые, конечно, но полегче, и дед сказал: «Греби сено». И я гребла до самой темноты, пусть с перерывом на обед, едва видя других на их протяженных участках. Я исполняла долг и не ощущала никакой связи с происходящим. А потом выяснилось, что взрослые очень даже оценили мою способность к колхозной работе. Когда я не поступила на философский факультет МГУ (а со мной поступали медалисты со всей страны, которые, вместо того, чтобы оказаться собранными вместе, потом рассеялись, как прах), я стала работать дома на Красноярском заводе комбайнов, чтобы иметь рабочий стаж, дававший льготы при поступлении. И мастер участка приходил и смотрел, как я выдаю продукцию, и вздыхал. Потому что мои сверстники из рабочей среды в это время кучковались на заднем дворе и курили. А я, стоя за станком, ничего, кроме чуждости этому миру не ощущала.

У меня всегда была хорошая интуиция. И она меня звала к дистанции — не увлекаться ничем ложным. Легко ли, тяжело ли от того, что настоящего, твердого так мало, особенно в мире слова? Привычно. Логика включена в хаос, а не наоборот, и мнения не относятся к истинам.

Итак, «Ключи» открыли «Родник».

Родник

* * *

Уходя далеко
От толпы человеческой,
Ты увидишь родник поэтической речи.
Он невнятные слезы роняет один на один,
Разливает ручей, уходя до болотных трясин.
То не жизнь и не смерть.
То глядит глубина,
И доносит зеркальную тайну она
Тихо-тихо.
Так попробуй меня отыщи
В этой чудной смолистой забытой глуши...

* * *

*Молчать лучше всего там,
где о тебе знают всё.*

Дышит прохладой бор —
Ему — молчанье.
Уходят вершины гор —
Им — молчанье.
Они, молчанье тая,
Наполнены вечной силой.
Эта сила — твоя,
Она молчанье вместила.

СТИХИЯ

Отдан стихии поэт
Во все его дни золотые.

Стихия — это Россия,
Ему ни слова в ответ.
Сила поэта в ней —
Его первородной стихии.
Его первородная сила —
Природа забытых путей.

* * *

Дальше и дальше уйдя от истоков,
Вольёшься ли ты в океан?
В хляби ль утонешь из грязи и стоков —
Ушёл — и стихии отдан.
Там, у начала, где корни лелеют, —
Пылаешь зеленой слезой.
Или кидаешь под песенку Леля
Черной жемчужной росой.
Опомнишься вдруг — где жилое-былое?
Потерян, стихии отдан...
Душа — это пар, и летят под Луну
Снежинки в поющий урман.

* * *

Мы связаны темною тайной глубин,
Остались мы с нею один на один.
Да так, ненадолго.
Вращаясь, кружится по водам воронка
И манит к вращению, будто ребенка
Его карусель.
Ах, что за чертовка! Один на один
Мы связаны темною тайной глубин —
Свидетель — природа.
Она с непомерным вниманьем глядит
И связи, огромные связи сулит
Со всем мирозданьем.

15 ИЮЛЯ

1

Сухо треснул сучок, как в классическом сне.
Сквозь тайги бурелом пробиралась.
Сквозь дремоту ветвей, отдающих весне
Нежно-хвойно-смолистую шалость.
Как везде на Руси — щебет птиц, всполох гроз,
Иван-чай и ромашки в бурьяне.
Замирается день, как вопрос на вопрос,
А души каждый атом изранен.
Мы живем не в раю, мы живем на краю,
Безмятежное лето не чуя.
Сквозь густой бурелом я себя тороплю,
Пусть дремучую тайну люблю я.
Я до дома дойду, где белеют листья,
И поэты былого зажаты
На темнеющих полках прочитанных книг,
Будто вечного боя солдаты.
Я со всеми едино в классическом сне
Ветер слушаю с песней знакомой.
И на белых листах русской нежной весне
Отражаются ласточки дома.

2

Я прошла по касательной к жизни,
Я ее прикоснулась едва.
Огоньки загораются в избах,
Да тихонько доносит слова.
Прохожу я дорогою сада.
Там синеют, белеют цветы,
Созревают ряды винограда,
И черемухи кроны густы.

Так идти бы, идти, не сгорая,
Как далекое солнце любви...
Ты мне тем и была дорогая —
Но и тем ты меня не зови.

* * *

Помимо зыбкого мира лжи
Есть яркий мир сияющей правды.
Неведом он слепым от души,
Которым кривда и есть услада.

Они воспаряют в надеждах своих,
Вдыхают запах монет разменных.
Трубят архангелы не для них,
И бытие не для них потрясенно.

В ПОСОЛЬСКЕ

Там бурно гуляет волна,
Коричневый гребень вздымая.
Покинула дно глубина,
Заговорила немая.

Там стройно священник поет
В недавно покрашенном храме.
И клонится нищий народ
В свою ослепленную память.

И я, задыхаясь, иду
К гудящей сверкающей чаше.
Свою не приемлю судьбу,
Себя забывая все чаще.

Священная песня и гул
Одно же звучат воедино.
То слушая, Китеж тонул,
И вынута сердцевина.

По трассе потом полетим.
Мертвеет коровник.

В колоннах сквозных повторим,
Как брат Парфенонник.

Зеленая воля и шквал,
Низины встряхнувший.
Отец наш глубокий Байкал,
С угрозой взглянувший.

* * *

Проходят ветра сквозь деревню
Волна за упругой волной.
А понизу вечно не дремлет
Холодный и легкий прибой.

Омыты сиянием гнева
Сердца удалой простоты.
Но властвует оцепенело
Туман ледяной высоты.

И вижу тогда не лицо я
И нив золотой окоем,
А свет перевозданной неволи,
Дарящей небесным огнем.

Ничто не купили, не продали,
Как лучшие эти поля,
Как ветер, летящий болотами
За белый предел февраля.

О синие горы ударившись,
О вышние горы Земли,
Вернется он верным товарищем
К дорожной знакомой пыли.

Травинки, к прибою прижатые,
С привычною лаской согнет.
Возьму я его в провожатые,
Пойду — в вышине запоет.

* * *

У мира всего на виду
По гребню степному бреду.
Далекая радость сияет,
А снег ослепительно тает.
Деревни старинные рядом
Горят предвесенним нарядом.
И шлёт неустанные стрелы
Светило в земные пределы.
И что тогда лживые речи
И скудные дни человечьи?
Со мною предел мировой,
А понизу белый прибой.

В СТЕПИ

Я свою жизнь, как солдат,
                    простояла на самом краю.
Что говорить!
И сейчас, как солдат, я стою.
Тридцать уж этому минуло лет,
А куда отступать?
Нет ни тылов, ни знамен,
Не идет обновленная рать.
В тихой степи я зажгу
                    на закате костер.
Дым, синий дым: это я
                    и огромный простор.

РОДНИК

Что в тебе моего?
Что во мне моего?
А в тебе моего,
Что во мне моего:
Только данное свыше.

Пусть земля дает пищу:
Золотое очарование,
Золотое очарование...

* * *

Привыкнуть думать о себе
Без связи с бытием.
Готовить что-то на обед
В доме совсем пустом.
Глядеть на бешеный асфальт,
Где мчатся сто машин.
И на настигнутую даль
Крушением причин.

Случится то, что впереди —
Сиреневый рассвет.
И сердце грустно заболит,
Пусть не сказало «нет».

Большие все пойдут толпой
В огромные дома.
И ты наедине с собой
Такая же сама.

Такая же, как тот рассвет,
Настигнутая даль.
Услышав горестное «нет»,
Лицо не закрывай.

Оно с обратной стороны
Живет на слово «да».
Ведь блеск, идущий от Луны,
Не достигает дна.

Не будет следствий: нет причин.
Не будет связей, нет.
Все стало духом; бьют ключи,
Что вырвались на свет.

НА БАЙКАЛЕ

Там, где пена волн,
Там, где ветер лют —
Там стоит сосна,
Её вихри гнут.
Солнце светит ей
Всей Вселенною.
Тучи идут к ней —
Горы пенные.
Торжество её
                    бессловесное
Словно бурь Байкал
Волей честное.
А падёт она,
                    иссушённая,
Понесёт волна
                    приручённая.
У неё родня —
                    встали свечками.
Запоют ветрам
                    песню вечную.
И из края в край
Не найти конца
Ни шумам долин,
Ни громам Отца.
Не найти дорог,
Не найти тревог
Там, где сила сил
Затрубила в рог.

В горах

* * *

Брусничный лист,
Черничный лист,
Да каменные тропы.
Дарителю — с ладонью вниз
Усмешка мизантропа.

Не отгони, как тихий бред,
Туч комаров от лице.
И так, и так лучистый свет
Корням кедровым снится.

Верстами скальными бегут
Серебряные слёзы.
И так, и так они придут —
По стланику морозы.

Поддай дарителю покой.
Здесь труд его не нужен.
Под распростертою рукой
Лишайники да лужи.

Ты, видно, царь: живёшь один.
Никто не упрекает.
Как в Риме — время в мире льдин,
Как мир, тихонько тает.

Сюда жить люди не придут.
И даже Прометеи.
Им всё — один напрасный труд,
Напрасная затея.

Так гордо и привольно здесь,
Что хочет сердце биться.
Поставь рассеянный свой крест,
И тот вдруг окрылится.

Как хорошо вспоминать
С улыбкой мизантропа
Дарителя, что движет вспять
По ледникам и тропам.

* * *

У тебя-то и нет ничего,
От тебя и года отступили.
И бледнеет безветренный свод
Над столбами в классическом стиле.

Ты же видишь, что нет никого.
Разве шмели на чертополохе,
Голубянки над сочной травой,
Муравей, подбирающий крохи...

Отчего ж так просторно, свежо,
На душе затаённой спокойно.
И не холодно вроде ещё,
И под солнцем зенита не знойно...

— Это коршун несётся в обрыв,
Это камни внизу зеленеют.
Это глина сухая струится с горы
Из-под ног и молчание с нею.

* * *

Нагроможденье глыб, суровые уста,
Из сжатий выпускающие реку.
Лист осени на солнечных кустах —
Улыбка рощи золотому веку.

Обнять, принять, отринуть, обмануть
Жизнь надо на неясном протяженье.

Найти бы тот бесстрастный, ровный путь,
Каким уходишь без униженья.

Вдруг остановишься:
Вселенная, она
Даёт нам мысль и счастья ощущение.
Но оттого, что это всё без дна,
Растёт тревога с жаждою отмщенья.

* * *

Ближние стали дальними,
Далёкие стали близкими.
Встречаются с самыми крайними
В тумане заоблачной истины.

Мелькнувшие в крови и плоти,
Вы словно ушли туда,
Где призраками живёте,
Строя свои города...

Бродили по старому парку
В падение влажной листвы,
Напоминавшей огарки
Парижа или Москвы.

Как после взрыва осколки
Мы разлетелись стократ.
Будет разлука долгой,
А, может, и вечной, брат.

Зачем моё тихое имя
Со стынувших валунов
Читаешь, как клоун в гриме,
Напоминающем кровь...

Из этого камня далёкого
Близкое изваяем,
Феноменально высокое.
О, ты теперь над холмами...

* * *

Скованы мы и угрюмы?
— В рабстве или в плену...
В пропасть кидается с шумом
Вода к каменистому дну —
Из мраморов и базальтов,
Что сами мрачнее себя.
Как рожи летели в азарте,
Стукаясь и грубя.

И получилась темень
Из тяжелейших их.
Лилий упавшее семя
Подхватит чистый родник.

Не сам Микеланджело, а
Из Фра Анжелико люди
Послушно спешат из жерла,
Хомо хомини люты.

Кто мысль о свободе им
Внушить помогал успешно?
Падают в облачный дым,
Бьются на молнии трещин.

Свобода есть смерть всегда,
А смерть обретенье свободы.
Пусть пенится эта вода
У самого узкого схода.

Когда минувешь его —
То всё несказанное встретишь...
Куда, каменистое дно?
Куда ты, звездочка, метишь?

* * *

Народы кинутые мечутся
Под ураганным ветром дня.

Ловлю торжественное, вечное,
И обтекает он меня.

Я вижу взрывы и пожарища,
От коих ночь белее дня.
А я, как все, как все — такая же.
Но обтекает он меня.

Я на вершине одиночества —
Народ на ней неуместим.
Он, в бездну канувший пророчества,
В уснувших грядках повторим.

* * *

Духовные горы эти кто-то воздвиг.
Их спутники — тучи,
что никнут, легко озараясь.

Меня, как магнитом притянет
торжественный миг,

Которому я отдаюсь, на хребты поднимаясь.
Ступая по камню, все больше я вижу окрест.
И шелково шепчет

в низинах струящийся лес.
Он корни свои окунает в мыслительный прах.
И слепнут они, будто и —
не бывали в горах.

Все ближе я к солнцу — но канет за синей страной.
И вижу я — камень молчащий
и скальные тени со мной.

Бурлит, закипая, расщелина сильного дна.
Там воды святые, там быстрая Лета видна.
И солнца не надо, не надо и жизни другой,
Лишь только бы стать
этой горно поющей водой.

* * *

Свет лежал на скалах мягкий,
Зарывался в пестрый мох.
Полз мороз прозрачной тряпкой —
Ох.
Так всемирные твердыни
Мыслью скрытые, стоят.
Отодвинешь полог — стынут
И не сдвинутся назад.

* * *

Далеко посылаю я свой еле видимый свет
Меж двух горных хребтов
по долине бурлящей реки.
И едва уловимый приходит сквозящий ответ;
Времена, города, магистрали
отсюда, как есть, далеки.
Я читаю об Альпах в Саянах бурятским божкам.
Я по первому снегу тропую кедровой иду.
Здесь хватает всего, и по заячьим быстрым стежкам
Зрю весь мир, утонувший в тумане,
в бездомном бессонном бреду.
Равно удалены от меня и чужие, и наши дела.
Я не выйду на связь, потерявшись,
как ночь среди белого дня,
Что становится зримой, когда опускается мгла.
Что ж мне делать с чуть видимым светом, моим от меня?
Альпы им не осветить, ни даже камня Саян.
Тайников и узилищ, и нор избегает он сам.
И тогда я свечу в потемневшее прошлое неба и стран.
И тропинка блестит меж хребтов,
уводя в зимовье к пастухам.

* * *

Как быстро гаснут своды дня,
Создания тайну не храня,
Что все пройдет...

Как быстро горных рек вода
Уносит мостик без труда,
Скрывает брод...

И вот, поэтому влеки
Себя по берегу реки,
А там село.

Не загорятся огоньки,
Не выйдут утром пастухи,
Угасло всё.

И в подтверждение того
Уйдут из сердца моего
Века и быль.

Я вижу грусть в дневных очах,
В косых, клонящихся лучах
Дороги пыль.

Та грусть растет, растет, растет.
И сквозь глаза течет, течет.
И власть ее, что велика,
Притягивает облака
И дождь идет.

И снова ширится река
И радуются берега
Разливу вод.

* * *

Я принимаю чашу пространства
Из молчаливых рук.
Не выпить ни в жизнь, и не надо бояться
Темных раскаянья мук.

Ведро почерпнешь из реки неуставшей,
Это замкнется круг.
Столь же прозрачно оно, настоящее,
Вычерпать недосуг.

* * *

Омыло снегом жёлтые листы,
И побросало в воды, что чисты.
Мне здесь один присниться может сон,
Тот, что в поток бурлящий погружен.

Здесь край отшельников,
бежавших от себя,
Белейший снег при этом возлюбя,
Да мостики над быстрою водой,
Путь посуху связавшие собой.

На каменный нехоженный хребет
Здесь падает рассеянейший свет.
Из глубины вселенной он идет,
А птичка в кроне песенки поёт.

Мелькают вечерами огоньки
На валунах у глыбистой реки.
Уснут отшельники, и снова видят свет,
Тяжелокаменный заснеженный хребет.

* * *

Днем собирала я шишки и бусы брусник.
Тучи кружились жемчужные в кедровом ветре.
Вверх поднимались цепочкой на каменный пик
Травы, которым высоко воздастся по вере.

Днем бодхисатве дарила конфет, ну и он
Пусть их и не съел, но зато рассмешил богомольцев...
Ночью дом Будды темней, чем невидимый конь:
Тот бродит по склонам и брякает снов колокольцем.

Чем он так страшен — из круглого леса дуган?
Сверху черники уже выросли и шиповник...
Это же ночь. И хребты обнимает туман,
Белый, холодный, у северной ночи любовник.

* * *

Я искала свое «я» и везде находила
В этой долине, где бурные воды на север текут.
Каждый лист, каждый камень
«Я» отражал и вмещал.
И увидела я: нет конца, есть начало,
И это томящий секрет.
Бурундук испугался меня и юркнул:
Всё живое боится конца
Без конца.

* * *

Эта гора проступает, как дальний день.
Я ее вижу и знаю: я не дойду.
Тенькает птица, да падает с веток хвоя...

* * *

Прошлое вечно темно,
Столь дела его неприглядны.
Что же светят порфир и алмаз,
Ворох веток горит беспощадно...
Что ж звезда светла
Среди сумрака летнего ночи...
С нею ищешь тепла.
Что-то смутное хочешь
На острые камни ступая:
Путь ли, время ль иное...
Тоска неземная ночью.

* * *

Время сыплется верное сквозь циферблат
И слезами дрожит на поверхности лилий.
Нам сказали когда-то: «Ни шагу назад».
Мы сегодня стоим посреди пустыря изобилий.
Что ль за нами Москва? А пред нами Литва?
Здесь истории нет и в помине.
Просто очень болит от всего голова.
Да земля октября беззащитная стынет.

* * *

Это моя пролетела жизнь,
Неназванная страна.
То сходятся тучи дней в миражи,
То брезжит голубизна.
Уносится, будто стаи гусей
Строчками в тихую гладь.
Упало перо — напиши о ней,
О родине, в горную падь.
Трава прошумит, прогревшись до дна:
Смотрите в кусты рябин.
Там горькая, проклятая страна
Рдеет, как куст один.

ШУМАК

1

На вершине горы
Догорал костерок.
Так в ночи исчезал
Яркий месяца рог.
А в низине бурлила
Свирепо вода.
Дурака поджидала
Туда и сюда.

Тот дурак эту реку
Не вспять повернет.
Не направит ее
Прямо в топи болот.
Он зажжет костерок.
У реки посидит.
Красный месяца рог
Грош ему посулит.

2

Левкипп говорил, что Земля —
Это бубн с бубенцами.
А Демокрит ей вихренье атомов придал.
Ходим по бубну, гремя,
И летим с праотцами
Сквозь зеркала, окружившие
Солнечный зал.
Ослеплены, но отчетливо, радостно слышим
Шум потрясающе быстрой реки ледяной.
Время уносит страдания и яростью пышет...
Что же мне делать, мне лесом идти под луной...

3

В слегка приоткрытую дверь
На белых дорожках мая:
Чего не хватает теперь?
Снега еще не хватает.
И он замечает хребты.
Весенние поймы и горы.
Спрятались лоси в кусты,
Зайцы в сухие норы.
Карузо поет *Пьета*, и —
Опустилось забрало.
Не Микеланджело, а —
Бурятский божок с перевала.
Майских цветов настой.
О, как этого мало.

Уже опустилось забрало
Ночи таежной, глухой.
В одном приращении мхов
Век за которым уж веком
Ветер гуляет по рекам,
И нет человеческих следов.

4

Бабушка с дедушкой рек
Легкою парой снежинок
С кедра упали на снег
Горных лавин и тропинок.
Бабушка с дедушкой рек
Белые и золотые
Светятся так среди всех,
Что все видны остальные.
Равные боги сидят
Близ многих ручьев в изголовье.
Кедровый сбывшийся сад
Они называют любовью.
Белка выводит бельчат.
Бабушка с дедом снежинки
Безмолвию мира молчат,
Во сне округляясь в слезинки.

5

Полисемантики здесь
Общее столпотворенье.
Скалы склонили навес
Над тропами стихотворенья.
Буковки и крючки
Красно сплетённые вместе
Никнут с кедровой руки
Чтимою скалами вестью
О синей тетради стихов
С полисемантикой места,
Где разных богов не счесть,

Звон облаков благовеста.
Знаки в озноб сплетены,
В мхи, валуны и скалы.
Призраком горной страны
Лампочка вполнакала.
Конечно, ты хочешь прочесть
Судьбы предсказанье?
Самая крепкая весть —
Скал начертанье.

6

С вихрем вращаюсь,
С кедром качаюсь,
Со скал срываюсь —
Я песчинка.
В песочных часах песок
Перевернешь — и снова
С вихрем вращаюсь,
С кедром качаюсь...
Горы поймёшь
На вершинах горных.

7

То, как Малх написал про Плотина,
Я в ущелье гор прочитаю.
Дремлет выше пустая поскотина,
Сбруя свалена у сарая.
Он беседовал с Оригеном,
Ну, и что теперь тот Ориген...
Малх записывал неизменно,
А слова крепче камня стен.
В синем воздухе времени скрыты,
Оттого-то и воздух твердь.
Я закрою страницы книги,
Чтобы в небо познания смотреть...

* * *

Вместе с меркнувшей природой
Принимаю я дары —
Сон и чашу небосвода,
Где звезда моя горит.

Как же я её узнаю,
Если звёзды без числа?
Сон подскажет, где сияет,
День запрячет, где была.

Ну, и как её открою,
К ней с надеждой обращусь?
Может быть, горит над морем —
Та, которую ищу!

Мачты пишут путь по небу,
Самописцами скользя.
Поднимаются над гребнем,
Неизведанным грозя.

Но зыбучая полова
Не подскажет никогда
Средоточия такого,
Где горит моя звезда.

То подскажет скальный остров
С чащей северных пород...
Их макушки в жажде роста
Смотрят в небо круглый год.

Из далёких стройных елей
Верно, есть, что ждёт меня.
Указует точку цели,
Связь негромкую храня.

Вот и берег, вот и остров,
Тот ли он из островов?
Сколько пней, упавших в осыпь
Мшистых сумрачных стволов...

Сколько троп не поисходишь,
Лес за жизнь не обойти.
Он поменьше неба вроде, —
Кто б звезду помог найти!

Время правит невесомо.
Вот и ёлку в дом внесли.
Так звезда моя над домом,
В тёмнооблачной дали?

ИДОЛ И ПЕСНЯ

Одиннадцать — холодный час
На восхождении к зениту.
Земная птица поднялась.
Тяжёл ушедший в глину идол.

Он, оспенный, её послал
О днях величия напомнить.
А может это свет зеркал
Блеснул на улицу из комнат.

Немея безъязыким ртом,
Кругом кренились истуканы.
Послевоенных граждан дом
Был окружён всем иностранным.

Но птица выше поднялась
И всё же песенной осталась.
Свобода там, на небесах, —
Девятый вал и десять баллов.

Там слушать некому её.
Молчанье бродит, внемля буре.
Хоронит, что ли, вороньё
Все звуки в сумасшедшем гуле...

Вторая половина дня —
Вещей и стоп предвозвращенье.
Столпов недрогнувшее «я»
Начало и конец свершенья....

О, идол мой, о, идол мой,
Я песня, спетая тобой.

* * *

Нам ирреальное затем,
Чтоб рисовать туман побега
И площадь бедного ночлега
Без ожидания перемен.

В молчании поводырей
И в скрежете долготерпенья
Вся память утра алтарей,
Воздвигнутых от дней паденья.

Нам ирреальное затем,
Чтоб всем народы не владели.
Они привыкли, в самом деле,
Всё поглощать, деньгам взамен.

Тысячелетний истукан
То холоден, то сыр, то жарок.
И это всё, что без помарок,
Вчерашний день, что завтра дан.

Он чужд вполне для городов,
Не из резины, не из жести.
И сотни сгинувших родов
Не людям посылают вести.

Но незамеченной траве,
Суровым елям у болота,
И незаметным для кого-то
Синице, голубю, сове...

Вторая половина дня —
Вещей и стоп предвозвращенье.
Столпов недрогнувшее «я»
Начало и конец свершенья....

Слетают тени ко дворам
Пустым, пустынным, осторожным.
Для невозможной жизни там
И для нежизни невозможной.

Зияет вечер близ домов
Как очевидная любовь
К глухой межскальной глубине
И маргариткам на окне...

А люди что, а люди где?
Близ гор забытое селенье —
От гад ползучих восхождение.
И в нем заветное тепло.
Как повезло, как повезло.

* * *

Что случилось с тем,
что от меня отступило?
Стало ли статуей,
божеством, или танцем,
Что себя повторяет
в сгустившихся тенях.
Что случилось с тем,
что от меня отступило —
Иные века и иные мгновения.
Или многоликие шансы.

Так быстро скачут,
что не ухватишь.
А жар-птицу за хвост —
так огонь поймаеть,
Союза нет с человеком
и Богом.
Одно только разумом
правишь и правишь,

Оно все кружится, кружится где-то.
Уплотнится как пуля — меня настигнет.
А расширяясь — налетит ураганом.
Прошое, прошое мчится, как ветер,
И мы рисуем на камне настоящее,
Такое твердое, как улыбка Бога.

1

2

* * *

34

Кривые стволы кривотолков
Танцуют пахуче и зло.

Сосён сердцевины объяты
Желаньем нагой тишины.
А иволга будит закаты
Вечерней и мглистой весны.

И ветер-колдун налетает
Погреться под птичьим крылом.
И с ветром весна обживает
Свой мрачный игольчатый дом.

И вот — совершается это —
Неведомое никому.
В тумане и холоде лета
Чуть слышно метели струну.

* * *

Фотоны сверкающей лавой
Сметают снега.

Фаворского света стихия
Цветы зажигает.

Но это не всё:
Столь стеснённо рокошет тайга,
Что кажется —
Это её небеса покоряют.

Они оставляют,
Они оставляют следы:
Порой безмятежность,
Но чаще — шумящие реки.
Нагрелись на медленном солнце кресты —
На маковках март наступает столетний.

А реки ярят у подножий
Играющих гор.
Стучат в валуны, будто в бубны,

Медведей сзывая.
Здесь чужд человек,
Здесь святой, проходимец и вор
Едино и мощь тишины,
И движенье лавин принимают.
И клонится строго
Земная калёная ось,
Стрелою грозя в неизбежность
мирского заката.
Прошел здесь охотник.
Следов не оставил здесь лось.
И бусинки влаги
дрожат на кустах тальника там.

Млечный путь

* * *

Ушедшие древние,
Слепые, глухие, хромые, горбатые.
Любили дымок на реке за деревню,
И то, что служили солдатами.

Шагали на запад в строю, неубитые.
Блестела на танках броня...
А то, что вы спите, веками забытые,
То помнит сырая земля.

Глухая, немая, слепая, горбатая,
В извилинах старых дорог,
В опавшей листве, табунами измятая,
Кирзою крестьянских сапог.

* * *

На малой родине
Ветра и хлещет снегом.
И это именно так дорого всем нам.
Мы живы здесь
Не отчуждённым хлебом,
А памятью,
Ведущей по холмам.

А там деревни
Сгорбленных старушек,
Пшеницу сеющих дрожащею рукой,
Преумножающих
Под солнцем самым лучшим
Вечерний, очарованный покой.

Преумножающих стословие державы,
Дающей им и валенки, и соль.
Их греет луч великой русской славы
И павших их рубиновая боль.

* * *

Перед тобой на ровном снежном поле
Вся жизнь моя — возьми и оцени.
Ей холодно от ветра и неволи.
Снег и неволя — это её дни.

Когда на миг зажжется свет заката,
И греется, и плачется она.
И вспоминает, как ушли солдаты;
Когда для них закончилась война.

Для них, а не для нас. Поныне длится.
И нет приюта раненой душе.
А Млечный путь задумчиво искрится,
Пургою пролетая по меже.

* * *

Я нахожусь все время
Не там, где я нахожусь.
Сознание ближнее точит и рвется —
Ну, к тем облакам, во вчерашнюю грусть,
Которая будущим обернется.

Дано было больше, чем обещанье,
Свет горизонта и память того,
Что не шаталось оно, мирозданье,
Строилось, ширилось из одного
Корня, который мудрая сила.
И крону, и листья не уносило.

А так — поутру мою грусть унесло
В холодный оазис, бывшее село,
Что обратилось облачной стаей,
А я осталась, где пребываю.

* * *

«Моты прясть», —
Гудел ветрило и с дождем
Сыпал снег на старую дорогу,
Что вела в поля поводырем
К общинным стадам голуборогим.
В ночь, овеванную холодом, унес
Время на синеющий утес.
А крестьянка моты продавала
И сама разутая стояла...
Ночью с блеском циферблатов снилось
То, что прежде за холмами скрылось.

* * *

Из вод этой горной, бурливой реки
Тела состоят местных жителей.
Их тянет на берег. Но тонут они,
Неслыханной доли просители.
Вот их с незапамятных дней имена:
День, Вечер, и Солнце, и Облако,
Дождь, Звёзды, и Небо, и Сон, и Луна,
Что самая, самая добрая.
Она не приносит ни холод, ни жар,
Не сушит поля по долине.
Её заблудившийся заяц позвал —
Повисла на спящей рябине...
А речка дугою над Солнцем встаёт,
Его поглощая собою.
И Дождь тогда долго и нудно идёт
Сибирской родной стороною.
Витюха, он тоже из здешней воды.
Забросил он удочку ловко.
Щучонку поймал и в ведро посадил,
И с ним говорила плутовка.

Тут местные жители все собрались —
Ныряли, горели, брыкались.
Поскольку такая им нравилась жизнь,
Блестеть в этой речке остались.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Сладко падение капель в сугроб —
Южного ветра привет.
Быстро и медленно в синий сироп
Мелькнул юго-западный свет.

Война - это новое в хмурой стране
И неостывающий плач.
Запомнишь — всё подлинное на войне,
А мир обманчив, как мяч.

Ловко пасуют его игроки,
Скачет то здесь, то там.
Глянь — потерялся, и воды реки
Уносят его к морям.

Крошечный, крошечный,
крошечный мир.

До самого неба война.
Кругом обернёшься: а это Сибирь,
Что рельсами испещрена.

В мареве свежем прохлада веков,
Озера тихая гладь.
До неба дотронешься детской рукой,
Слезы закапают в падь.

Бесится, бесится чёрный металл.
По рельсам на запад бежит.
И там, где вчера пастушонок играл,
Ракетчиков рота стоит.

Бабушка мяч принесёт играть
Взрывателям улиц и нив.

Мир, это мир! Возвратился вспять,
Отрешенность сохранив...

Пока кипела кругом война,
Старушка спасала его.
Это Сибирь, где укрыт любой,
Это такая страна.

Южного ветра повеял привет.
Синий славянский Дунай
Несёт прямо в окна белый свой свет,
Пышный, как каравай.

* * *

Жемчугом дома над лугом и трава
Горным изумрудом тонет в росах.
Ни к чему здесь партии слова,
О надоях скорбные вопросы.

Небо белоснежное, река
В кольцах белой пены и камней.
Кто мешает жить материкам?
Да, конечно же, товарищ Ленин!
Вздыбил землю наш великий вождь.
Снизились надои, урожай.
Он ужалено кричит: «Даёшь!»
Закрома под корень вырубает.

На душе и страшно, и светло.
Долг исполнен, ждёт тюрьма за это.
Христианской кровью обмело
Дедов древнеликие заветы.

Сгорбились над речкой жемчуга,
Маки зарумянились к Байкалу.
Безмятежной свежести луга
Ветерком озёрным обметало.

В школу дети не идут — летят.
Берегут ботинки и тетради.

Пожалею маленьких ребят:
Будут коммунисты Бога ради.
В космосе задумчивом помчат,
А земля скорбящая зачахнет.
«Что случилось?» — спросим Ильича.
Он рукой гранитною: «На Запад!»

* * *

В этой области давней меж снегом и небом
Никакого значенья грехи не имеют.
Даль пространства за все, что ни было, немеет
И пуста для того, кто ни разу здесь не был.
Нет здесь места прощенью, здесь день изначальный
По тропинке идёт с посошком за хребты.
Остановишь — кивнет, и, смеркаясь, дорогою дальней
Удалится до ранней объятой пожаром звезды.
И — ни слова — а мысль глубоко кружится.
И возница солому за речку везет.
Отсвет судного дня на широкое поле ложится,
И судьба ковыляет жнивьём, поглощая восход...

* * *

За окном избёнка старая —
Память о войне.
Снег за сенником, амбарами —
Память о войне.
Дождь и ветер стены выбелил —
Память о войне.
Шумный лес китаец вырубил —
Память о войне.
Конь без всадника Егория —
Память о войне.
Перелески и нагория —
Память о войне.

А лыжня вдоль бора древнего —
Память обо мне.
И пороша за деревнею —
Память обо мне.

ДЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

По аллее между елей
Еду на велосипеде,
Вспоминаю Дешт-Кипчак,
Чье торжественное древо
От пожаров уцелело.
Ворон каркнул: «Крак!»
Сумрак под крылами птицы,
Бусами горят глазницы,
Ум уносит знак.

Январями хороводы
Возле елей дети водят.
Им дары и приношенья —
Вольных предков утешенье,
Что дыханье дней.

По снегам мой дед —
Отправлялся в мрачный ельник
Привозил в санях метельных
Дешт-Кипчака след.
Славянин, тем поклонялся
Миру сокола и барса,
Дару божества.
Раз в году мы верно славим
Дешт-Кипчак,
Не зная правил,
Праздник волховства.
И шумят набаты мрака.
Выть волкам, зайчатам плакать,
Вечно спать полкам.
И в Америке, и ближе,

И в Берлине, и в Париже,
Славят Дешт-Кипчак.
Что волхвы наволховали,
Эти цепи, эти шали
Не порвать никак.
По алее мимо елей
Еду на велосипеде
Марки «Аваланш» —
Там лавина, здесь лавина,
И кипенье, и быстрина —
Белых орд реванш.

* * *

Не могут над белым полем
Черные дни колдовать.
Ночи придут с луною
Белый табун подковать.
Не шелохнется ветка,
Не числя своих времен.
Вспыхнет гроза рассвета —
И сгорбится под мостом.
Самое лучшее время —
С водою речной молчать.
И, завернувшись в темень,
Лучшее вспоминать.

* * *

В сумерках ни буквы не видать.
Голосом глагольное приходит.
В день дождливый сыплет по погоде
Бусинок серебряная рать.
О тумане станем ли вздыхать!
Ветер-невидимка налетел.
Он сказать нездешнее хотел.
Плачет ель, и ворон на суку

Говорит задумчиво «Угу!
Знаю, но сказать вам не могу».
И река — бурливо на бегу:
«Знаю, но открыть вам не могу».
Сыплется с небес за ратью рать,
Что ни лжи, ни правды не видать.
На дворе зеленая весна
Располным неведеньем полна.

ПОСЕЩЕНИЕ СЕЛА

Красное солнце садится
В пыль и туманы дорог.
Надо домой торопиться.
Край до былинки продрог.
Тысячами крестьяне
Полям озябшим ушли.
Вешнею свежестью тянет.
Запахом черной земли.
Безмолвие вспоминает
Желтое пламя пшениц,
Красное русское знамя
И полыханье зарниц.
Красное солнце земное
Клонится к лону полей.
Нету тепла, и не стоит
Загадывать рай на земле.
Сидишь, обхватив руками
Буйную голову враз.
Месяц висит над стогами
И в печке огонь не погас.

* * *

Красными волнами ходит
До горизонта земля.

Пылью сквозит мелодий
Закат в неземные края.
Садится на тело морское, -
Венера на небо взойдет...
Эта минута покоя
Все времена превзойдет.

* * *

Волна набегала, и маленький мальчик
В белой рубашке бежал полосой прибоя.
Невод угрюмо тянули отцы, полный рыбы.

* * *

За семью печатями
Тайна сотворенья.
А её изъятие
Оставляет тени.
От чего же, от чего ж
Тень лежит на мире?
Даль земная сеет дрожь
Храмов и кумирен.
Отражается в воде
Сумрак колебанья.
Зачерпни его, и нет
У него названья.
Сколотили терема,
Встали на каменья,
Говори, любовь сама
О тайне сотворенья!
Но опять ответа нет.
Снова колебанье.
И летит о полночь свет
В хляби предсказанья.

Ну, чего нам эта тень,
Что лежит на мире,
Или сумрачная сень
Храмов и кумирен?
Чёрно вспашем — прорастёт
Крохотный росточек.
А война на нас пойдёт —
Пыль дорог, платочек.
За печатями наш край,
Но другой не выбирай.
В нём для жизни краткой
Всё от тайны сладкой.

* * *

Я с детства видела весь мир,
Он несся на меня.
Меня и ангел не хранил,
Ведь не просила я.
Поля за нашею избой
Всемирными звались.
Поскольку предки всей гурьбой
Мирам отозвались.
Раскорчевали мрачный лес,
Где гунн скрывался, дик.
И стало весело окрест,
Поскольку росс велик.
Меня ж на запад поезда
Помчали, чуть родись.
И утверждали голоса,
Что ждет другая жизнь.
Но я не верила в нее.
Мне данный реализм
Давал по осени жнивье
Послевоенных тризн.

Миры летели на меня,
В том не было пути.
Стояла крепко я, храня,
В чем можно превзойти.
И так поныне я стою,
Никто меня не взял.
Сибирь срубают на корню,
Идет за палом пал.
Со мною ум свободный мой
И больше ничего.
Я отвечаю головой
За верный мой расчет.

* * *

Судьба приходит в пламени одежды.
Горит, как жёлтый парус, на ветру.
В одном своём порыве безнадежном
Берёз и клёнов золотит кору.
Сперва не виден первый луч заката.
Гора предчувствий снежно-высока.
И пёстрое внизу проходит стадо,
И серебрится бурная река.
Но вот уж невозможно отказаться
От таинств в затуманенной дали...
И гуще всё закат и безвозвратно
Уводит жизни от родной земли.

* * *

Так почему гляжу я на восток,
Который погружается в туманы,
Во мраке дня, обширен и глубок,
Скрывает вечереющие раны?
Так почему же запада сиянье,
Минут, попутных дальней глубине,

Не вызывает явного желанья
Признать грядущее в блестящей западне?
Восток — всё это родина моя.
Там прошлое сошлось неудержимо.
И потемнели синие края
Той чаши, что моё вспоила имя.
И небо пьёт в той дальней глубине:
Что знаю я и что присуще мне.
А я, от родины отрешена,
Гляжу, как долу клонится сосна.

* * *

Встали бело-синие в садике цветы,
Солнце раскалённое дышит с высоты.
И поля пшеничные за родной рекой
Белые, яичные в небывалый зной.
И в деревне каждой выбиты на камне
Имена отважных на ребячью память.
Раскачай качели, растяни гармонь.
Поле за неделю в закрома свезём.
И зимою грустной белые хлеба
Всё напомнят русским, где живёт судьба.
Во поле студёном, снежном, ветровом,
Да в горбатом клёне за речным мостом.

* * *

Однообразный жизни стон.
Поля под жёлтой стернёю.
Хотя я знаю, что со мною,
Не переменится тот сон.
Иду на станцию пешком.
А тучи гуще и чернее,
А моря полоса белее,
Волна летит на волнолом.

И я, как целый этот мир,
Смотрю огромными глазами
На солнце, где-то над морями,
На необъятную Сибирь.

В Провал идущие пути
Скрестились с подлинною жутью.
И жизнь, как витязь на распутье,
С ума не может не сойти.

На станции шумит сирень.
Теплом запахло стародавним.
Пусть бабушка откроет ставни,
Увидит новый белый день.

Опять на запад поезда
Детей увозят и увозят.
Журавль рыдает на морозе.
И так на многие года.

Столетия, выплавав глаза,
Стоят над жёлтою стернёю.
Над той пустынной стороною,
Где ветры буйные друзья.

* * *

Для обычной жизни
Люди рождены.
Только необычные
Видят они сны.

Грубое боренье —
Твёрдый камень почвы.
Хрупкое цветенье
Счастья не пророчит.

Но к нему приносят
Страсти и мольбы.
Ни о чём не просят —
Власти и столбы.

Вот сидит за кассой
Прибайкальской почты
Евлалия прекрасная,
Пастухова дочка.

Вертится на стуле.
Дома всё в порядке:
Вымыты кастрюли
И политы грядки.

И в деревне старенькой
У бабки Агриппины
Есть цветочек аленький
Под кустом рябины.

Пожелай удачи
Около Елани
Удочкам рыбачьим,
Щуке на кукане.

Бодрая почтарка
С рвением солдатским
Вам наклеит марки
С перстнем митридатским.

Свежим веет бризом
Музыки далёкой.
И не видно близи
Скудной и жестокой.

Для обычной жизни
Люди рождены.
Только необычные
Видят они сны.

* * *

Сколько праздников виделось, виделось.
Не привиделось столько трудов.
И земля завернулась, обиделась
И клубком укатилась с паров.

Так куда ж? По упавшему семени
Я пойду забытье отыскать.
Мне клубок векового бремени,
Что непознанная благодать.
Ухвачу, наконец, и раскинутся
Небывалого счастья поля.
И под ноги избитые кинется
Вся в шелках и купавках земля.
Сколько отдыха виделось, виделось
От метелей уставшей душе.
Что ж, гляди на дорогу с улыбкою,
Стол накрыт для несчастных уже.

* * *

Свою судьбу узнаю я
В стихии тех воспоминаний:
Стоит вечерняя изба
В пространстве зимних
предсказаний.

Недостижимо далеко,
Она как сон в снегу летящем.
Кто к ней таинственно влеком,
Себя не видит в настоящем.

За дверью, будто в западне,
Качая сына, баба плачет.
Что происходит в той стране,
Ему судьба сейчас назначит...

Свою судьбу узнаю я,
Едва избу увижу эту.
Она пустынна и бела,
Как сон из воздуха и света.

Открыты ставни, три окна
Глядят за речку, за сугробы.

Тоску страдания она
Таит, безмолвная, до гроба.

И ныне лепит лёгкий снег
Кому-то дальнюю дорогу,
Кого уводит санный бег
Навек от милого порога.

* * *

Страницей ходила белая метель.
Здесь ей хлеб несжатый.
Ну, а здесь — постель.
Здесь перекликаться
С гулом поездов.
Там ей отзываться
Стону проводов.
Здесь она проникла
В избы без дверей.
Ко всему привыкла
На миру людей.
К брошенному клубу.
К вымершей деревне.
Тропу не уступит
И весне-царевне.
Но с весной-народом
Ей не совладать.
Выйдет хороводом
Праздничная рать.
Яростью нальётся
Зорь далёких гнев.
Встретишь у колодца
Дюже красных дев.

* * *

Манит золото, золото, золото.
Взгляд прикован к пустому двору.

За оградою кованной, кованной
Клён застыл на холодном ветру.

Листья клёна звенящие, жёлтые,
И семян неупавших крыла —
Это золото, золото, золото,
Что зима для людей припасла.

Я во дворик пойду и, наверное,
Там затею такую игру:
Буду первая, первая, первая
На декабрьском жгучем ветру.

* * *

Тихий вечер. Кругом невозвратное
В свете огненной тучи горит.
Ожидает дорога обратная
До холмов и прибрежных раки.

Там забавные травы колючие
И бегут, осыпаясь, пески.
Здесь и жди небывалого случая
Вынимающей душу тоски.

Пусть она над долиной поднимется.
Пусть же вспомнит, что было вчера.
Здесь мы были детьми журавлиными,
Здесь же память под крест залегла.
Здесь однажды катились с беседушкой,
Вопрошая деревьев гурьбу.
И приехали к бабушке с дедушкой,
В отходящую с миром избу.

ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

Вот дом, заросший сирени кустами.
И тишины наплывающий шар.
Такая шипообразная память:
Она впилась и неси ее жар.

Она их видит такими густыми,
И не отдавшими звуки земле.
Срубая их со словечками злыми,
Ты думай, чтоб были ноги в тепле.
Внеси усладу корявых дровишек.
Мечта их сизый струящийся дым.
А он как голубь над ветхою крышей
С горячим сердцем таким молодым.

* * *

Голуби, голуби, к курам летите!
Зерна у хозяйки мешок.
Белые голуби в летнем зените,
Крупку старик истолок.
Эта деревня седая с прорухой
Мёд источает и зной.
Всеми забыты старик со старухой,
Новою русской ордой.
Дела им нет до проклятых правителей.
Дела до правды им нет.
Голуби, голуби, кучно летите
К курам на мирный обед!
Горл воркованье, берёз упованье
Будням посвящено.
Так исполняется жизни желанье,
Длится и длится оно.

СПЛЕТНИКАМ

Я жизнь свою прожила одна.
С миром один на один.
Приходит, приходит ко мне
тишина
От всеми забытых равнин.
И с нею не станешь ведь
говорить

«Здравствуйте, — скажет он
в лунный бурьян, —
Здесь жил до меня другой.
Здесь пусто не будет, и вот я сам,
Наполненный синий тоской»

Распахнутая удаля
Вбирает кубометры.
Тяжёлый серый купол
Клубит течение ветра.
На плоских тропах почвы
Нет радости объёмов.
Усталый путник ночи
Не ищет двери дома.

Ни воинов, ни пушек,
Поля защищены
Прошедшим и грядущим
Старанием войны.

56

Ворот тесовых стон.
А путник
                    прутник встретил
И среди полей ромашек
Поёт о новолетье,
Прутом ивовым машет.

AB OVO

Вращаются вихри тумана и ветра, и дыма
В степи, где засохшие травы не скажут о войнах.
Не скажут, а солнца подарят довольно.
Подарят пустынно.
Но кто-то всё знает о прошлом.
Так люди склоняются низко над символом каждым.
Живое со смертью роднится живою, противясь.
К началу вернёмся,
Где пылью стокрасочной время летело, вращаясь.
Столь плотная скорость вращения
                                    родила яйцо, семя, птицу.
И в муках вращения доли пространства один появился
И много, как в танце балета, —
Услышали звуки они, что посыпались вдруг, замедляясь.
И так как материя всюду планетную плотность крепила,
То встала толпа
И увидела степь, и траву, и светила.
И вырвался вздох облегченья.
Глаза им
Сказали о самом желанном,
Что не ускользает — о почве.
И конь подбежал...

ПОДСНЕЖНИК

Предо мной торжественная бездна.
Бег сырой, оттаявшей земли.
Перед тем, как солнце дней исчезнет,

Гладь ослепит озера вдали.
Пустит в воду стрелы огневые,
Жарко освещая склон лесной.
Полотнища ветра бросит злые
Под ноги просившему покой.
И замрет раскрывшийся подснежник.
То ему тепло, что холода.
Он мечтанье этих мест древнейших,
Он других не видел никогда.
Он природы этой приношение,
Бело-синих восходящих скал,
Серых волн, стучащих о колени
Плит земных, что держат бег и шквал...
Вечерочком путник собирает
Нежные неяркие цветы,
И в дому, где печка согревает,
Вспоминает ветер высоты.

* * *

Медленной мелкою рябью
Бегут на восток облака.
Их школьник в небесной тетради
Накрасил, косые слегка.
В них детское, бедное что-то,
Наивной природы игра.
Незавершённая штопка
На зимние наши утра.
И думаешь вдруг: отчего же
Нисколечко не тяжело?
Зачем же ничто не тревожит?
Зачем не витийствует зло?
То истинное расстояние,
Что вечною грустью в груди,
Облегчило непониманье

Путей и дорог впереди.
Пусть тоже спешат невесомо,
Собой ничего не дают,
И снежной поземкой знакомой
Выписывают Абсолют.

* * *

Тоска любви пронизывает грудь.
И некому сказать: «Не позабудь».
В неверном мире некому сказать:
«О, ты, моя святая благодать».
Но, говорят, что этот век пройдёт.
И выйдет из пучин морских народ,
Нездешней доблестью и правдою горя,
Как солнце на весну от января.
И будет посреди степи курган.
Не памятник угасшим городам,
А связь живая сил и тайна старых ран...
Тоску любви вселенной я отдам.
Мы будем одиноки наравне:
В степи курган и я в волшебном сне.

* * *

Ком скользнул и обдал холодком.
И пространство тигрово дымится,
Не рассказывая
Ни о ком.
Сколько раз мы уже возвращались,
В незапамятных землях вращались.
И тянуло то низким дымком,
То космическим холодком.
И кому-то казалось: нас двое.
Ты за мною, а я за тобою.
Возвращаюсь в пространство вращения

И прощаюсь ради прощенья.
Сколько было знакомо имен.
Не рассказываю ни о ком.

* * *

Кончились тяжёлые
Молодые годы.
Холод да ненастье —
Поле непогоды.
Жизнь прошла нежданно,
Скрылась за горою.
А другие страны
Спят за пеленою.
Загорелась свечка
От дыханья мира.
Задымился вечер
По низовью сыро.
Ходит конь по гребню
Рьяно и упруго.
Облака теребит
Без седла, без друга.
Летом открываю
Чистое окно.
Днём и ночью далям
Сердце вручено.

* * *

Ночная музыка Вивальди.
Туман снегов в последний час.
О, жизнь в бетоне и асфальте,
Неужто выбираешь нас!
Твои сиротские хоромы,
Твои казармы и мосты.

Как будто в самой смерти тонут,
Рыдают рельсы и болты.

Напомнит музыка забытый
Вчерашних дней холодный бег.
Когда такое точно было,
Так был потерян человек.

Но, не теряясь в одночасье,
Звезда в сиянье волшебства
Едино с музыкой прекрасной,
Была чарующе права.

* * *

Мерцанье слов — моя звезда
В космическом молчанье неба.
Моя далёкая судьба
И неисполненная треба.

Но вот стекает белый снег,
Бег улиц побуждая вспомнить.
Он всю вселенную заполнит,
Таков его безмолвный бег.

И Млечный путь, и путь снегов
В одно сплетаются, мерцая.
В своём полёте отражая
Кристалл ведических основ.

И отстраняюсь я тогда,
Как безмятежный наблюдатель.
Придумал правильно Создатель —
В тепле домов моя звезда.

* * *

Пожили в деревне
всего-ничего.
И белая снится дорога.

Ведет от острога к острогу
На черные пашни хлебов.
Под светлое небо ночное
С Луною и зернами звезд.
Там слышатся волны прибоя
Байкаловых сумрачных грез.
Он путь ограждает на запад.
Он ярый раскинет закат.
И плещут сосновые лапы,
Не ведая шага назад.
Я выйду вздохнуть с ним едино.
Глубин нам немало дано.
Отправлюсь одна в путь старинный,
Оставлю его одного.

* * *

Низкий лиственничный лес.
Три градации покоя.
Слой за слоем сыплет здесь
Хвой сиянье золотое.
Горы слишком далеки,
Не слышать лавин скольжение,
Крыл совиных помовенье,
Тонны шепота пурги.
Небо пёстро и пятнисто
Туч хребты крадутся быстро —
Это родина моя,
Здесь вольна сегодня я.
Нет дорог — куда не взглянешь,
Тонким свистом ветер манишь.
Небо — родина моя —
Мчится в дальние края.

* * *

Между прошлым и будущим мост —
Невеликий холмистый погост.
На котором мечтать, пребывая
Возле камня, где сухость степная.

А о чем, а о чем же мечтать?
То, что травы качнуться опять,
И осыплются, пребывая
На погосте, где сухость степная.

Там по камню строка не бежит,
Это прадед навеки забыт.
В детстве бабушка кланялась низко
Изголовию в степи холмистой.

Был отец ее воин державы.
Низко кланялись с нею купавы.
Прибежав с Селенги, аграфена
Наклоняла головки степенно.

Молчаливые грезили камни,
Чуть скрипели открытые ставни.
Это ветер летел, узнавая
Ту вотчину, где сухость степная.

Между прошлым и будущим чуть
Дай, присядем в пути отдохнуть.
Ай, нельзя на том камне сидеть.
Ай, нельзя этим камнем владеть.

ИЗ ВАШЕГО ДЕТСТВА

Коле и Вите

Когда тихонько вечером смеркалось —
Желание смертельной глубины.
Война миров до точки света сжалась,
Как будто не бывало той войны.

Цвет нежный становился все чернильней
В желании смертельной глубины.
Круглилось сердце — люди уходили
В свои подъезды, всем угнетены.
Шумели листья в тишине смертельной —
Такой глубокой, нежной тишине.
Им отзывался каждый шаг бесцельный
По вспаханной глубокой целине.

2

По вспаханной глубокой целине
Бежали мы от десяти удовод
В вечерний лес к осмоленной сосне
И прочим хвойно-лиственным породам.
К заплакавшей ольхе, отцветшим башмачкам,
К багульникам и увлажненным мхам.
По вспаханной глубокой целине
Возможен бег, пожалуй что, во сне...
Мы медленно брели и вязли в мокрых комьях,
И лес мрачнел, неистово огромен.
Нас на опушке ночь застала вдруг,
А там блестел холодной сталью плуг.

* * *

Вы говорите все: Байкал.
Но лучше промолчите.
Когда идёт за валом вал,
Его священный зритель
За жизнь борется в волнах,
Летит в смертельный омут.
Мечты его, как сущий прах,
На всём пространстве тонут.
Но вот он вдруг на берегу
Под ясным небосклоном.

Ручьи и паводки бегут
В пучину с перезвоном.
Он — от неё и вдоль реки
На пик гольца взобрался.
Вниз от расправленной руки —
Сибирское пространство.

Дороги

* * *

На долгожданный дружества пир
Отправимся мы не в русский трактир,
А в ресторан «Кочевник».
Ну, объясни, пиров командир,
Что за влечение?

Привычней Сибири в тысячу раз
В монгольский раскосый щуриться глаз.

И, воздыхая запах костров,
На запад идти, будоража кровь.
Но... Троицу встретив над тихой рекой,
Застыть и стоять, как любовь и покой.
Застыть и стоять, как сплошная стена,
Смирив воинственные племена...

* * *

Спокойная глубокая река.
И берега, поросшие травой.
И музыка плывет издалека
От тёмных смол сияющего зноя.
Рукою прикоснись к своей сосне,
Движение в горенье превратится.
Вспорхнёт, шумя, в живом и властном сне,
Невзрачная и серенькая птица.
То жизнь моя. В брильянтах не взлететь.
И ей легко поверх деревьев шума.
Качаются, свежо или угрюмо,
Сначала тьма их, ну а после свет.

Пусть иглы потекут поверх реки,
Пусть запах смол развеется ветрами,
Для нас, что неподвижно далеки,
Доносит музыка грядущее утрами.

* * *

Еще ты рядом —
За пять километров.
И тихо синица свистит под окном.
А завтра пять тысяч —
Грубо и верно
Поведает мне указатель о том.
Вы скажете так: не жила, не знала.
Все вдаль смотрела
Тонкой иглой.
И тучи шли, и солнце сияло.
И вправду не было жизни другой.

ДОРОГИ

Нас отлучили от земли,
От бесконечных мирных пашен.
Пойду туда, где ковыли
Путь выстилают в день вчерашний.
Где дед мой правил вороним,
Отец колхозным был подпаском.
И я успела вслед за ним
Пройтись в полях с восходом ясным.
Я б так всё шла за далью дня,
Ветвей и трав едва касаясь.
Но рок времен отдал меня
В холодный город лжи и стали.
С тех пор на черном полотне
Ласкаю ночью звезд сиянье.
Мой путь ничем не обогрет
Без их предвечного зиянья.

Зовут громады пустырей,
Едва помеченные ими.
Зовут пути поводырей,
В туманах с толпами слепыми...
По рельсам ехала землёй
Пустой, оснеженной, сиротской, —
Сквозь белый просветлённый строй
Берёз — высоких иноходцев.
Шли к поездам их табуны.
Златые гривы развевались.
Они шли к нам из той страны,
Что мы однажды потеряли.

* * *

Лёг самый первый белый снег
От Забайкалья до Урала.
Его как будто не хватало.
А всё другое есть у всех.
Есть табуны борзых коней,
Овец отары тонкорунных.
Стада коров, простор степей
И песен крепнущие струны.
Они рокочат так светло,
Что всё потерянное сразу
Вдруг возвращается в село,
Природы торжествует разум.
Вот так и первый белый снег,
Легко танцуя, опустился.
Ведь всё другое есть у всех,
И он в избытке заискрился.

* * *

Здесь низкие барабинские степи.
И вольно небу над пустым пространством.

Мостов возвышенных заклепанные крепи
Несут ритмичное железное убранство.

Да будет так — ни суеты, ни гнева,
Но стук колес под волнами напева.

Мы в Омске Врубеля: дома — кристаллы льда,
Сирень асфальтов и тоска труда.

Еще сегодня демоном с небес
Бросался ветер на привычный лес.
Кавказ земли здесь — плоская равнина
Во имя Духа, и Отца, и Сына.

Кто степи пересек — благословен,
И отпущенье получил взамен
Свободных демонических начал,
Какими век железный величав.

И, обернувшись гордо на мосты,
Он видел — Бог, тускнея с высоты,
Лучи и слезы равно проливает,
А ни людей, ни стад не покидает.

ДУХИ МЕСТНОСТИ

Сквозь тишину пронесся ветерок.
Ах, кто ты, непослушный мой дружок?!
Лети и слушай, как шаман бубнит.
Быть может, бурей стать тебе велит.

А вот избушки — старые, как свет.
Теплом печи всяк нищий обогрет.
В них люди молчаливые страдалцы,
А духи — их немые постояльцы.

Помогут путникам печалью изойти,
Стать воедино с травами пути.

* * *

Расстаться с тобою мне было бы проще.
И слушать: трепещут зеленые рощи,

И поезд долиною шумной идет,
И поднимается самолет.
С тобою я трепета роц не услышу,
На самолет и в поезд не сяду.
Но это вовсе не нота разлада,
Лишь обстоятельства, данные свыше.
Устала душа: терпенье не пенье.
И снова сажусь я в скорый поезд.
Смотрю, как бегут ритмичные тени,
Пишут колеса чугунную повесть.
Мне ж ничего не нужно, кроме
Волос твоих, чтоб рукой их трогать.
И чтобы себя не знать, не помнить...
То вечер снова сулит дорогу...

* * *

Спешила я домой, за солнцем — за тобой,
Кидавшим яростно лучи сквозь иглы вятских елей.
Но наступила ночь с белесою луной,
Глядевшею совой на подмосковный берег.
Лети, лети стрела, как чувств моих игла,
На золотой порог, где солнцем изнемог
Застывший сапожок, а где его дружок?
Ищу тебя, примерить.

В НОЯБРЕ 2013

Я и сейчас, как будто не живу.
Мне и сейчас вся явь не наяву.
Ах, если б стали мы одной рекой,
Бегущей сквозь столетия и зной,
Поклявшейся судьбой метаморфоз,
Не быть людьми, не выходить в покос,
Трав не косить, одежды не носить,
И берег не менять, что так уныл и прост, —

То были б с нами вечные века,
Ну, а пока тебе моя рука.

* * *

Сверкнули зеленыя, и увидала я:
Русь на холме с бойницами седыми.
Ах, чтобы все мы были молодыми!
Струиться на простор лучом с высоких гор,
И мчаться на конях дорогами степными.
И чтобы никогда, что равно и всегда,
Не колебать Руси святое имя.
Да не коснется век ее закрытых век,
Чтоб не спалил огонь, что прячется за ними.

* * *

Как здесь легко ветвям, отбросившим листву.
Хотелось мне того — и я легко живу.
Как здесь глядеть легко сквозь вятские леса,
Хотелось мне того — на ясные глаза.
Как зелены еще здесь русские поля.
И как легко несет стальная колея.

* * *

Сквозь солнечный день проступал
Восток, погрузившийся в сумрак.
Здесь солнце не плавит Байкал,
А думает тихую думу.
Вот так бы, вот так бы хотелось и мне,
Забиться в медлительном ласковом сне.
Остаться с тобою, а утром проснуться светло,
И дальней звездою глядеть на родное чело.

ОЛЕНЬ

Тебя б мне увидеть на первом снегу.
В сугробах зимы добрести не смогу.

Ты в роще холодной последний олень.
Звенит колокольчик шамана «трень-брень».
Звенит и студеньих потоков струя.
Беззвучно ступаю по берегу я.
Не жду откровений, не жду я весны —
Мне нравится снег, белоснежные сны.
В них свежесть и тонкий небес аромат,
Как будто там яблонь в цветении сад...
Я знаю, что роща оленя таит,
О том же чутье мне мое говорит.
Но я не охотник и я не ловец.
Надежду одну подарил мне Творец.
А может я стану кустом бузины,
Рябины, калины, проростком сосны.
Не страшен мне будет калёный январь.
Засыплет снегами осеннюю хмарь.
Кругом разольется живой аромат.
И стрелы вопьются в белеющий сад.

* * *

В небесах такая благодать,
Что ни лжи, ни правды не видать.
А летят к закату облака,
Синие и белые бока.
И стоит высокое жнивье —
Будто духа воинство твое...
Это о Руси мы говорим,
Той, что снится как туман и дым.
Той, что в землю скрылась на века,
Оставляя гром да облака.
Воевать и сеять не пришлось.
По-иному всё отозвалось.
Поглотили — дни да города,
Полные позора и стыда.

Отчего так много отдала?
Говорили ж — нищенкой была?
Ничего о ней не знали мы.
Предков обороной спасены.
Посмотрю на запад, на восток —
Старое скрещение дорог
Снова как скрещение мечей
Посреди взволнованных полей.
Посмотрю, на сердце снова мир.
Не воронам воинство клевать.
Не воронам правду продавать.
Вороньям тела не клевать.
Вороньям правды не продать.
На скрещенье знаемых дорог
Продают неправду и подлог.
Покупают запад и восток.

* * *

Если будет ветер очень сильный,
Он сомнет все счастье и несчастье.
Он соединит земные крылья
В токе нисходящего ненастья.
Он пойдет не голубем по кругу,
А мятежным сердца ураганом.
И таким огромным гордым другом,
Что открыто я пред ним предстану.
Здесь со мной — воздушные течения,
Массы туч и пыль дорог широких,
И весны зеленые свеченья,
Письмена старинного востока.
Ветер я спрошу — а он ответит.
Твердь Сибири — это горный камень.

Загудит в Саянах и в Тибете.
И еще вольнее сердце станет.

* * *

Рядом с вывеской белой «Perfetto»
У течения сибирских вод,
Я смотрела на сумрак согретый,
На идущий в туман самолет.

Я улавливала бескрайнее,
Замедляющее меня.
Я была привязана к дальнему
Уходящего в небыль дня.

Что растаяло, будто облако,
Ну а сумрак остался стоять.
То явление слишком глубокое,
Чтобы людям его понимать.

Я была привязана к дальнему,
К очень дальнему с детских лет.
Но не слало туманное зарево
Ни вопрос, ни ответ.

* * *

Вспышкой: враги на другом берегу.
Вороны-кони, штыки или полосы копий.
Вспомнила: было.

Рванули в прозрачную нашу Уду,
И по полям, по лазорям, саранкам
Орда покатила.

Кто их встречал?

Тишина, да кресты, да бурьян,
Ветер, березы да жизнью покинутый стан.

И что было в той, пылью пахнущей ноте смиренья:
Молитва земли или сила галактик вращения?
Глазами огромными синими небо следило —
В ночь за багровой зарей та орда уходила.

* * *

Юная осень.
Первые листья кружатся.
Птицам довольно на дальний покос собираться.
Оползни туч опускаются с синей горы.
Юная осень приносит кедровый дары.
Что же, давай, в неминуемо праздное время,
Далью уйдем за летящими птицами всеми.
Тяжесть плодов оставляя сибирской земле,
Дальнее море и горе попросим себе.

* * *

Дней череда, выразимая в речи сомнений,
Чересполосица теней на синем снегу.
Все убыстряется к цели вечерней движенье
В дом просквозить мимо теней на бурном бегу.
В детстве была к ним близка я всем ростом небольшим.
К снегу, к траве и к воде, источаемой холодом лет.
Кони косматые прыскали к Дону и к Польше —
Тень на восток, и другого, невечного, нет.
Величина расстоянью дороги подобна.
О, я прошла, вот и мой увеличился смысл.
А во дворе единение тихой погоды
С множеством выпавших на землю крошечных числ.
Я на пятерку пишу, притоптав миллиарды снежинок
В этом и в том неподвижно застывших садах.
Тени стволов чередой набегают на спины.
Сколько вас много — о, это ступает весна...

* * *

Одна, ни с кем я не делила
Синь гор, бегущих чередой.
Их дней немеркнущая сила
Звала поднявшейся волной.
Ни с кем я не делила волны,
Что бились пенно в валуны.

И там же в грядях волнолома
Лежали сытые волны.
Кедровья надвигались плавно
Неувядающей волной.
Все станции бежали к главной,
Как носит тучи чередой.
Болота с клюквою созревшей
Несли зеленую волну.
Тайгой зовут все претерпевшей
Огромную мою страну.
Ни с кем ее я не делила —
Со мной ни друга, ни родни.
Меня волною уносило
В осенние сырые дни.

* * *

Будто слеплены детской рукой —
Будто слеплена детской рукою
Вся земля — и пошли над землей
Облака с семицветной дугою.
Пыль течет, бурой змейкой резвясь
По оврагам, по спускам, по яру.
И меняет ветра коновязь,
Будто детскую чью-то забаву.
Это я побывала в Чите,
Это я там отца повидала.
Мы прошли с ним по той высоте,
Что вилась за туман перевала.

* * *

С нами горы наших мыслей,
Необъятный свет.
Не считайте наши числа,
Им предела нет.

Нас немного и немало —
Не придумать сколь.
Маскам, маскам карнавала —
Лиц безвестных голь.

И когда оно настанет —
Горе или смерть,
В круговерти расставаний
Не найти потерь.

Всё кругом соединится
В новое число.
Отыщи родные лица
Дома своего.

* * *

Скрыло мглою пейзажи прародины:
Здесь скакали полки воеводины.
Русь в Сибирь уходила за Камень.
Травы стлались легко под ногами.

Посмотрю я на запад теперь:
Зубы скалит Отечество-Зверь.
Травы кротко под ветром бегут,
Словно кормчую книгу поют.

После стольких дорожных трудов
Не построили мы городов,
Чьи дома, как звучащий орган
Из далёкого общего стран.

Посмотрю я под ноги свои.
Сосчитаю пропавшие дни,
Что не хочется вспоминать,
Из пыли ядовитой поднять.

И наступит холодная ночь.
Дня ненастного тихая дочь.
Это полчища чёрных ворон
Затушили пожары сторон.

Но опять, поднимаясь, горят
В свете утра и рощи, и сад.
И вокруг ослепленно глядишь:
Отчего, будто ночью, — молчишь?
Как предстанут пейзажи прародины,
Позовет за поля, за колдобины.
И за синее море за реками,
Что ни день, все там буря свирепая.
Проводили дорогою травы,
Снова шепчут легко и лукаво:
«И за морем мы шелковы, мглисты,
И за морем играющим чисты...»

* * *

Так пристало ли нам
Эти древние связи искать,
И вослед именам
На погосте великом молчать?
Поклоняться травой
Седым лиственничным крестам.
Вот такие над шлемом героев
Позолотой блистали горам.
И когда расстояние взглядом
Пройду далеко и окрест,
Вижу: рядом
Опять покосившийся крест...
Просыпаться не стоит.
Нет слаще отеческих снов,
Где туман над избою,
В саду белых яблонь любовь.
Колокольчики, цепи
Тихонечко звякают в ряд.
Обернись — и окрепнет
Пред заревом вечности взгляд.

И, кругом озираясь,
навек поймёшь,
Что прикован к земле,
Словно небо и рожь.
Получаешь нежданно,
Что совсем не искал...
Разве в мыслях пространных
Однажды ласкал...

* * *

Травы — открытые книги,
Автора имя неизвестно.
О, возложи вериги
Внутренне и бестелесно
На голубиные земли.
Книгу открытую — в травы
Черно-белым цветеньем
Бобов положи лукаво
Для полного текста забвенья.
Автора имя неизвестно.
Марево сладким зноем
Восходит от трав и книги.
Все, что лежало — роем
Слов поднимается диким
К вьюнкам бело-розово-пёстрым.
И придвигаются тучи
Сыро, нежно и остро.

* * *

В сумеречную старину
Я пойду на поклон к Перуну.
Что молчишь, как судьба молчишь,
Деревянным мечом не стучишь?
Гневом тоже могу сверкать,
И огонь на врагов проливать.

Но и мне того не дано.
Миновало то время давно.
На закате дня помолчим.
Берега от себя отлучим.
Принимай, неустанный поток!
Дальше мира неси на восток!

* * *

Дорога — жизнь человека.
Распороты поля мечом.
Но я же строю терем века,
Превечно в коем заживем.
В нем будет дуб шуметь дубравно
Плыть утка розовым прудом.
Со стен глядеть портреты в рамах
Со мной построивших тот дом.
Ковром покатится дорога
Иное сердце догонять.
Когда устанет, у порога
Клубком свернется ночевать.
А если выглянешь в окошко,
Там будет море и причал.
Там путь по звездам осторожный
И дверь, к которой нет ключа.
Под нею кости-звездочеты...
То ль почва — ночи без числа,
То ль звезды — это наши лета,
Увязнувшие в небеса.
За дверью тою дуб дубравный
И утка розовым прудом.
Куда ж идти, когда так славно
Поет струна о доме том...

* * *

Долгие ночи — зимой.
И день — как короткий меч.
На чёрном коне со мной
В звёздах русская речь.

А летом на белом коне
Я лёгкую память несу
О том, что так дорого мне,
Как синий цветок в лесу.

И быть бы тому без конца,
Да падают камни с лица.
Грохочут по руслу пустым.
И разбиваются в дым.

И снова, меняя коней
Славянских веков и дней,
Летим в беспредельную степь
О беспредельном петь.

Преграды, провалы кругом.
То бездна, то бурелом.
И падают камни с лица —
То слёзы бегут без конца.

* * *

Окликнут из тьмы и тумана
Нездешние хоры икон —
Далёкое шлёт неустанно
Держателей сводов поклон.

Сквозь сумрачных дней колебанье
Проступит вдруг крепость небес.
Пшеница высокая встанет
И солнцем присмотренный лес.

А полусогбенные спины
Тенями по камню пройдут.

Оглянешься — свод тёмно-синий
Без следа терзаний и пут.
Захлопнутся древние створки,
Тотчас разольется покой —
Не русскою песнею горький,
А далью бескрайней степной.

* * *

Все покровы кожи сняты.
Каждый нерв сожжён.
Хорошо, когда закаты
Смотрят в водоём.
Там, где нет меня, не будет,
Там, где нет тебя.
То не знают место люди,
И не знать судьба.
Чья-то воля не пускает,
Или нет путей?
До того уже устали
От земных затей?
Точно, нет пути и воля
Стиснута в кольцо.
Люд о ней едино молит,
Опустив лицо.
Тихо грядут перемены
Сквозь рыданье лет.
А придут: трава и стены,
Человека нет.

* * *

На семи ветрах распята
Золотая наша Русь.
Ароматно вьется мята
В сине-сумрачную грусть.

Нынче некому поставить
Башен, кузниц и ворот.
Дни твои воспоминает
Старый дедушкин заплот.
Твои шепчущие ночи,
Твой бескрайний лютый гул.
Твой голубенький платочек,
Что вослед бойцам махнул.

* * *

На охране тоннеля
Сибирский стрелок-часовой.
Как двенадцать часов,
Он замкнул все пространство собой.
На штыке его капля росы — один миг.
Здесь в горах не стреляли, он к этому сильно привык.
Его час разрастается в целое небо земли.
Так вздохнуть глубоко даже б кедры никак не смогли.
Каплет током с горы напряженный сталистый ручей.
А багульник, он здесь государствен,
Доступен лишь взгляду очей.
За черту не шагнуть, и травинки здесь строго глядят,
Будто рота ответственных самых солдат.
Ночью звезды погоням.
Ночь тоже тоннель стережет.
Утром с маковым звоном
Во тьму на токах уползет.
В самом деле — здесь время всё мимо и мимо летит.
А жерло карабина на звёзды глядит и глядит.
И не полнится сердце солдата тоской.
Его час — его час, и его он уносит с собой.

ВЛАДЫКА ДОЖДЬ

Сначала ветер протрубил
Сквозь облачные анфилады.

А коршун крыльями забил,
Гремя вершиной камнепада.

Упала тут из рук уздечка.
Упал оскол остроконечный.

Шлем воина затем упал.
И на пути возник завал.

Владыка Дождь, Владыка Дождь,
Но ты-то поверху идешь!

Владыка Дождь, Владыка Дождь,
Дробишь ты скалы, будто море,
Ты пляшешь на Посольском соре,
Но ты и поишь нашу рожь!

Я помню — медленной рукою
Ты золотил густое поле.
Сквозь ток зерна пошла к горам —
Ты был везде, ты сеял там.

Поднявшись вдруг по камнепаду,
Где ветер бил, где коршун падал,
Застрявший камень я столкну.
На нем письмо на всю страну.

О, да, все, что ни есть, двояко,
Пока не побежден Иаков,
И будет править Анделют,
Пока не явлен абсолют...

Владыка Дождь, Владыка Дождь,
Пожалуйста, не прекращайся,
Еще ты пуще наливайся,
Как песню исторгая дрожь.

Ты жизнь моя, пока идешь.

Молниеносный жизни кубок,
Пролившийся себе на убыль.
Наполнивший все подземелья
Вином забытого веселья.

Питавший корни до небес.
Священнодействуя, кадящий,
Ты поп прихода настоящий.
Ты ужас двойственный внушаешь
И сытно паствы страх вкушаешь.

Ты машешь ризою тяжелой
По нивам и погибшим селам.
Утрачены былини пути,
Нам сквозь завалы не пройти.

Пока ты шел, переполняя,
Катился бабушкин клубок.
И, нити тонкие слагая,
Не встретить солнца он не мог.

Его-то не настигнет вражье.
Светило вечное покажет
И гладь таинственных озер,
И темный отсыревший бор.

Клубочек катится невидный,
А там, глядишь, и день завидный.
Владыка Дождь, Владыка Дождь,
Всегда ты под гору идешь...

* * *

Очень рассеяно капает дождь
В комнату из окна.
Холодный и мелкий, куда ты идёшь?
Ты знаешь — кто это — я?

Я преломлялась в твоих зеркалах
Игрушкой природы иной.
Где настоящее? Где-то в горах,
Которые не со мной.

Мыслью своею я чувствую: я —
Скудная память моя.

А далее мир, позабытый мной,
Скрывшийся в дымке ночной.

Белая, снежная, высшая — мысль.
Дома у подножья ее.
Я в доме таком бы жила и высь
Хранила бы имя моё.

И мы не ошиблись бы с нею вдвоём:
Друг к другу навстречу пошли.
Она бы в объятиях снежных мой дом
Скрыла лавиной пути.

Здесь в моей комнате чашки и чай,
Зеленые шторы, тюль.
Июля и солнца не будет мне жаль,
Пока не минует июль.

Август осенний лист протянул:
«Читай наперёд, что узнал».
Ненужное это, но слышен гул
В строе обветренных скал.

В доме закройся и чашу испей,
И правду узнаешь свою.
Среди миллиона великих идей
Странен домашний уют.

Шторы задёрну и, мир потеряв,
Задумаюсь глубоко.
И только на это хватает мне прав,
А прочее всё — далеко.

КРЕЩЕНСКИЙ ЗВОН

Будто вихрь пролетел:
А мое — какое дело?
Или жизнь прошумела,
Или колокол пропел?
Наконец-то всё сошлось:

Одиночество так полно,
Даль звенящая огромна,
Пуще время понеслось.
А когда б то были кони?
— Только время, лик иконный.
Будто травы, помолись,
Будто травы, поклонись.
Не имею ничего,
Ну а время — мчится, мчится.
И степей родных орлица
Кормит сына своего.
Ты скажи, что увидала?
Были кони, мяли травы?
Время, время, время мчится
Без дорог и без границы.
Так его давайте спросим:
Почему траву не косим
Для горячих всех коней,
Что, как свет вселенной всей?
Время, время, время мчится.
Кормит орлика орлица.
Неужели я — одна,
Такая рядом тишина?
Время, время всех потоком
Увлечет, сверкая оком.
Время, время, покажись,
И воочию явись!
Никого. Лишь гор сверканье.
Ветра вьюжного стенанье.
Будто колокол — земля.
Звон крещенский января.

* * *

Распахнутый веер
Долина снегов
И кедры и ветер
Рисунком контрастным.
До белых гольцов
До белых цветов
Тебя понимаю
Пронзительно, ясно:
Бурятия.

А выше по склону
Белее цветы
Синее провал
Раскаленных небес.
Смеркается.
Трасса легка:
Краснотал
Бежит от дороги
В бушующий лес.

Бурятия —
Солнце другой чередой
Накатит, нахлынет,
Чтоб мчаться безумно.
А кто б мне сказал:
Ну, постой, ну, постой...
Молчание благо
Где порваны струны.

Распахнутый веер закрылся —
И ночь. От черного к белому
Сжатье контрастно.
Суровый нарез
Восходящих гольцов
Сверкнул и исчез,
Будто молния, ясно.

* * *

Стала думать о том, что имею...
Ну, понятное, мирозданье.
Как оно откликается мне,
То покажут часы на стене.
Тени, знаки, звучащие тайно,
Синий дым, что у окон немеет.
Все, что рядом со мной, неслучайно.

Оттого и жилье, эти книги,
Эти запечатленные лики.
А они, погруженные в вечность,
Принимают надежды беспечность.

Проскочу, получу, уцелею.
Проскочу в толщу каменных зданий,
Чтоб сказали о прочности вещей,
И о том, что, ни есть, — я имею.
Пусть скрывает занавес дальний
Драгоценные многие вещи.

А людей я взяла бы немного
В нестареющую дорогу.
Мне сказала надежды беспечность,
Что имею я целую вечность.

А она не выносит непрочность,
А она не выносит неточность.
Разве легкий цветок голубой,
Чтобы вился в пыли столбовой.

* * *

Задумала трудное дело:
Журавль в руке.
И глажу его голенастые
Быстрые ноги.
Вот-вот он растает
В безмолвствующем далеке,

И некого будет с задумчивой ласкою
Трогать.
Теперь журавлей не увидишь,
А он предо мной.
Кладет на плечо
Длинношеей судьбы своей
Нежность.
Синеет, синеет, синеет, синеет прибой,
И небо синеет, как то оно знает,
Безбрежно.

* * *

Чем укреплюсь
Я в своем одиноком пути?
Вижу сосновый я бор,
Что за день не пройти.
Вижу на майских опушках
Снега февраля,
Пусть первые всходы
Уже заполняют поля.
Ельник дремучий парит,
Непомерно густой.
Влага дрожит,
Окружив камышей сухостой.
Станции чистые, строгие,
Рельсы стальные —
Это пути мои, дни мои,
Тем золотые.
Что укрепляет меня
В одиноком пути?
Путь, только путь,
Что за день и за жизнь
Не пройти.
Люди другие

В своих одиноких путях.
Камни на осыпях
И в нелюдимых горах.
Солнце, долины,
Весенних берез молоко.
Крик журавлиный,
Оставшийся там, далеко.

* * *

Маленький и грустный огонек
Кажется, один во всей вселенной.
Но какие ж силы он вовлек,
Чтобы светить лету неизменно?
Станция за станцией, а он
Посреди великого покоя.
Посреди ненастья укреплен
На столбе фонарном под луною.
Камнем не запустит хулиган,
Не придет с ружьем или рогаткой.
Он один — пустыне он придан —
Предан светлой грусти без остатка.

* * *

Мы покинули Русь,
Золотой петушок.
Неизвестную Русь,
Золотой гребешок.
Мы в Сибири
И в этих
Зелёных местах
Голубика росой
На холодных кустах...
Как горит самовар
При закате сердец!

Затуманилась сталь,
Опрокинулся лес.
Горных рек водопад
Мощный голос несёт.
Золотой листопад.
Золотой хоровод.
Потеряли мы Русь.
Солнце клонится вниз.
Тянет омутов грусть
Оперённая высь.
Золотой петушок,
Золотой гребешок
Полетел голосить
На вечерний стожок.

* * *

Когда я покидала этот город,
По набережной солнечной прошлась.
Ввиду мгновенья показался дорог,
В тенях похолодания и тепла.
Я всё б хотела на земле покинуть.
Оставив всё своё за гранью дня.
Присмотрит Бог за домом и за сыном,
Надёжнее, наверное, меня.
Надёжнее? Как камень укрепились,
Пока стояла одиноко я.
И с каждым годом твёрже становилась
Порода горная сибирская моя.
И что мне делать в мире без возврата?
Одно, стоять уже довольно мне.
Я отправляюсь за другим закатом
В такой же необъятной стороне.
И воздухом, и светом, и туманом
Я буду тонко упиваться властью.

Людских скоплений и людских обманов,
Как прежде, неизбывно сторонясь.

Ведь, в самом деле, что милее камню?
Чтоб свет сквозил и ветер, - и гроза
Его кропила тайное желанье
Знать ветер, свет, грозу да небеса.

Мне потому стал близок этот город,
На миг один, что понимала я:
Препятствий нет, и я покину скоро,
На счастье, отпустившие края.

Останутся строенья и граниты,
И валунов загадочные лбы.
Ворота в поле широко открыты,
И нет дорог, как нет самой судьбы.

Тул турбин

* * *

В клубящемся облаке пара
Начнёшь понимать,
Что век — отголосок пожара,
И жизни другой не видать.

Уходит на запад во тьму
Голубой самолет.
Собрание обманов и мук
Напряженно в тумане поёт.

Не верь никому,
На экранах порок не читай.
Приди к одному,
И тогда свои дни не считай.

ОБСЧИТАННЫЕ ЛЮДИ

Всё учли, всё сосчитали,
И пошли одни глаголы.
Понавесили медали,
А иначе были б голы.\

И обманутые песни
Позапрятались в бурьян.
В пыль зарылись благовесты,
В землю бороны крестьян.

И обсчитанные люди
Перед плахой для мышей...
Или плошкой? Будь попроще.
Спрячься в норку. Слёзки лей.

А глаза — они сухие,
Как пустыня посреди
Оцифрованной России
С роем бесов на груди.

Нет здесь места созерцанью
Русской щедрости Творца.
Бормотание под тканью
И отсутствие лица.

19.06.13,8 РМ.М., НА ВОСТОК

Сумрак густел, и луна пролетала,
Да по холмам зажигались огни.
Редкие лампочки вполнакала — это они.

Жёстко гудели моторы и ровно.
Будто бы твёрдые руки мои
Вдруг ощутили, что им просторно.
Но их не зовут, и меня не зови.

Больше мне нравится этот сумрак:
Правит без слов, и думаю я
Свою заповедную грустную думу.
Ну, а лечу в ночные края.

* * *

Светятся громады облаков,
Как посланье неба и отцов.
Будто хлеб небес и благодать,
И другой вовеки не видать.

Мой отец хотел, чтоб я была, как все,
Чем-то отличаясь от других.
Будто этот облачный мотив,
Затаённый в русской полосе.

Виджу я — Москва кругом цветёт.
И пойду на площадь погулять.
Кланяется мне честной народ,
Потому что всюду благодать.

Дела нету мне до всяких дел.
Праздную я вольно жизнь свою.
И совсем не значит, что я пью,
Но суровый север мой удел.
Светятся громады облаков.
Холодом к земле деревья гнут.
Пусть и солнце знает свой маршрут —
Давняя, забытая любовь.

* * *

Быть потерянной в Москве —
Это мне как раз пристало.
Но, как прежде не хватало
Ни времен, ни времени.
Времени, чтоб предпочесть,
Чтоб хотя бы раз прочесть
Заголовки старых книг,
Забывающих язык.
Быть потерянным, но помнить,
Что пора идти из комнат
На торжественный сквозняк,
К колокольне, в буерак.
За ракитовым кусту
С часовыми на посту.
Стережущими куранты —
Время мира, как бельканто,
И последний третий Рим.
Может, камнем постоим?
Там на площади Соборной
Все белым — бело, то зерна
Перемолоты в муку,
Стали камнем на боку.
Из муки, не зерен боле
Храмы строили в неволе.

Ты воскреснешь? Ни гу-гу.
И я тоже так могу.
Быть потерянным в Москве —
Будто в печке головне.
Видишь, негров сколько ходит?
Они такие по природе.
И тоже чуждые вполне,
А потеряны — вдвойне.
Не пример то всё для нас.
Мы не в Африку поедem.
А в Сиаме-Парагоне
Скоротаем лишний час.
Ты найди меня повсюду —
Я везде сегодня буду.
На качелях — на весах
Покачаемся «ох-ах».
С оборотней стороны
Гирею прикреплены.
То земное тяготенье
И бело, как мел, терпенье.
В центре мира, на холме
Вольно, вольно, вольно мне.
Кость моей родни боярской
Крепко держит государство.

* * *

Все не хватало времени —
Так накопились века.
В них часовые уверены —
Застыли, примкнув штыка.
Стоят внушения ради.
Сколько всего позади.
Изнемогая в отваге
Час без минуты жди.

Как ее не хватает.
Как время медленно тает.
Но вот и она — вожденная
Стремительная перемена.
И снова палящее солнце.
Стен угрюмые толщи.
Зачищено, пригнано, штык притерт.
Замер запад и замер восток.
Пой, золотой петушок.
Блеснет на конце ножевого штыка
Мир во всем мире, и то на века.

* * *

Ты промолчишь. И я промолчу.
Я ни одной стороной не кричу.
Такое дело — с одной мы реки,
Мы коренные сибиряки.
От юрты поднимется кедровый дым.
Сороки трещат по чащобам своим.
Не высказан вещи звериный язык.
Он к корню познания крепко приник.
Я видела утро за тёмной хвоей,
За всполохом веток зари ледяной.
И волею судеб я вышла за круг.
И ты не предатель, но и не друг.
Как это много — первая часть.
Главное, что мне с тобой не пропасть.
Укроемся в чаще забытых чащоб
Незнаемо дни проводить без забот.
Как хочется долго молчать и молчать.
И птицею даже в ночи не кричать.

* * *

*Редеем облаков
летучая гряда...*

Сколь скучна была дорога —
Показала жизнь мою.
Крался месяц-недотрога
С луноходом на краю.

Тускло облачье рябило,
Завывала мощь турбин.
Не сорочку тебе шила,
И себе не кринолин.

Длился сумрак повечерний.
И тускнели огоньки —
То безвестные деревни,
То на вышках маяки.

Иртыша и Енисея
Промелькнул невнятный блеск.
Город спящее рассеял,
И на западе исчез.

Только месяц неустанно
Быстрый путь сопровождал.
И при этом в чуждых странах
Столь же скучно пролетал.

Попрощалась вечерочком,
Будто не было тебя.
Дарит вышитый платочек
Неземная колея.

Не хотелось приземленья.
Не хотелось ничего.
Жизнь с ознобом сновиденья
Вся осталась между строк.

* * *

Поселилась тайна
В глубине души.
Буду о ней думать
Вечером в тиши.

А была ль до этого
Пустая глубина?
Тихим называлась
Омутом она.

Будет длинный вечер —
Буду я молчать.
Если делать нечего,
Некогда скучать.

Нарастает музыки
Заповедный звук.
Эта песня русская
Вся из тайных мук.

* * *

Какие руины переживаем,
И сколько руин.
А вот и луна скользит неживая
Над севером льдин.

А вот и костер — это чувства сгорают
И дарят тепло.
И яблоко-груши заготавливают
Формальные впрок.

И чувствуя — чувств совсем не осталось,
А север сквозит,
Землетрясение восемь баллов
Тайгой прогудит.

Руин не оставит — здесь волк проживает.
Кедровка щелк-щелк.

Орехи на зиму заготавливает.
И то хорошо.
Разрежут стрижи предрассветные кромки.
Покажется текст.
Далекое в нем и невнятно-негромкое.
А вот и исчез.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ...

Самое близкое близ положу.
Никто и не скажет, что не удержу:
Старый билетик на самолет,
Песню, что, верно, никто не поет...
Кто злобу имеет, тот не со мной,
Я не являюсь бетонной стеной.
В темные очи твои погляжу,
В зарево ночи тебя положу.
Будем билеты на запад сжигать.
Песенки петь. Вечера провожать.
Горное утро в песок не уйдет,
В день или в ночь свои силы вошьет.
Будут потоки тихо журчать,
Листья шуметь, птицы кричать.

ИЗ БОДАЙБО

Из некоторых ощущений
Ваяю свои стихи.
Всё пространство вмещений
Пронзаю, как розовый щит:
Меркнет.
И скальные горы,
Которые только мои,
Не отдают простору
Ни капли своих молитв.
Над ними домой я летела.

Зияли пропеллеры крыл.
И мысли огромное тело
Кипящий восток вместил.

Она о том, что повсюду,
Мгновенно и навсегда
Иллюзии новые будут
Глубокие, как вода

Байкала, что праздно замер,
Качнув планетарный полёт.
Он полнит природу-праматерь,
Которая им цветёт.

И я, сквозь оконный иней,
Всей мглой понимаю всех,
Своё первородное имя
Скрывших, как первый грех.

Сказали мне скальные лазы,
Не знающие людей,
Дикие и неназванные,
Что скоро заря декабрей,
Дающая свежий румянец
На изморозь горных щёк.
А детям атласный глянец —
Сжигающий вечность Бог.

* * *

Синий вечерний листок
Колеблемый, ровный и гладкий —
Это подъёма итог
На высоту тетрадки.

Змейкою горные речки
Да редко неясности туч
Тонут в уме сумеречном,
Взявшем уступы круч.

Ровно и беспощадно
Гуденье моторов над
Пустой голубиной площадкой
С признаком горных гряд.

Привязанности утратив
Над тёмным провалом вод,
Летит над синей тетрадью
Мой винтовой самолет...

Ах, мне бы не приземлиться!
Ах, мне бы не сесть никогда!
И ровно-ровно стремиться
В далёкое никуда!

Я буду, я буду бездомно
Лететь над Землёю могил!
И принимать огромно
Что облачный мир вместил!

И я никогда не увижу
Ни лживых, ни скверно-пустых.
Всевластия не унижу,
Двигаясь выше других.

Клонись над тайгою тетрадка,
На землю слезами пролей
Космос щемящей загадкой
Невозвращения дней.

* * *

Цветов нерождённых вместилище,
Сверкающий, как апельсин,
Под сочной луною в узилище
Пролился хрустящий кувшин
Севера. Инеем камни покрылись,
Река — нарративным льдом.
Белые апельсины
На полюсе холодов.

Прыгают весело совы.
Праздник незримых роз
Сыплет за кованный ворот
Добрый безмерный Мороз.

* * *

В алый космос заката пустынного
Уходил от дождей самолет.
Это музыка, музыка мирная,
Мирового тумана полет.

Меркнет вечер, и русло былинное
Дрожь песчинок и вихрей струит.
Это музыка, музыка мирная,
Исчезающий времени вид.

Вдруг блесна в чистый омут обрушится.
Ты попался, дружок, на крючок.
Для тебя это самое лучшее —
Что ты жив и не умер еще.

Полузвуков осколки, мерцания
Напрягают бредовую тишь.
Будто сон этот сон мироздания.
Ты не в силах понять его спишь...

* * *

Сине-бело-звёздно-чист
Океан летит свободы.
Манит низкие народы,
Осязает каждый лист.

Рёвом трудным самолётик
Другоряд его пронзит.
Высшим мужеством пилотик
Бесконечно удивит.

Воля неба — бесконечность,
Недоступная числом,

Начинается у речки
Под калиновым мостом.
И вращается, прикован
К камню мховому земли
Свод, лугами очарован...
Ай, люли-люли-люли.

* * *

Нет направлений дорог.
Всюду уже я была.
Кружится, кружится плавно челнок,
Кружатся солнце и мгла.
Равного небу равней
Я выхожу из дверей.
Кружатся солнце и мгла,
Листья и солнце, и мгла.
Откроется дверь — ветер подул.
Закроется дверь — ветер подул.
Тихо скрипит и поёт
Неведенью без конца.
Неведенью без конца.

* * *

В настороженной мгlistой тишине
Прислушиваюсь к хаосу немому.
В такие холода по всей земле
Не лучше ли в тепле остаться дома!
Уже и не случится ничего.
Случилось всё и в поле перепрело,
Отчаялось, смутилось, прогорело.
И стало пищей для иных умов.
Для сердца — кровью, для души дыханьем.
Другие не отдали б городов,
А мы б — пустот, грозящих мирозданию.

Наверное, ответит кто-нибудь
За холода, руины и воронки.
О, сколь же наше достоянье тонко —
Есть призрак, по которому вздохнуть...

БАНГКОК-ИРКУТСК

Тепло от печки,
Тепло от свечки,
Тепло от костра
Ра —

Скользит к горизонту,
Крыльями машет,
А пахарь пашет —
Дедушка Паша.

Бороны заострит,
Косы заточит,
Сети поставит —
Мир в державе.

Сердцу большому
Большое тело.
Такое однажды
Родится.

От жара печного,
От свечки топленной
Уеду на юг.

* * *

В городе одноэтажных домов,
Снега и грязи снежной
К тебе такая моя любовь,
Что у тебя такая же неизбежно.
Такой мне сон приснился в Паттайе,
Думая о тебе, тебя я знаю.
Знаю, что скоро тебя увижу,

Ты уже стар и снег на крышах.
Там где цветы не отцветают
Пена песчинки смывает морская
Ты мне приснился, и мы шли рядом
И даже если встречались взглядом
Не было снега и холода снежного
Е Не было даже вполне неизбежного
Расставания.

Длилось и длилось другое время.
Кончился сон, и цветы на деревьях,
Пунцовые крупные и золотые,
Память мою навсегда изменили.
Память мою неспроста разбудили
О — царстве льда,
Синего снега и грязи, и холода.

В АЭРОПОРТУ СУВАРНАБХУМИ

Домой помчимся мы завтрашним утром.
Хочу у неба спросить про свой путь.
Пусть наступят такие минуты,
Когда б легко и свободно вздохнуть.

Судьбы не ждут одинокие люди.
Они выходят в простор без границ.
Что позади — это все то, что будет.
Мороз и солнце, и пение птиц.

Дорога ль будет домой по камням?
Дорога ль будет домой о войне?
О, нет, высокого ветра течение
Помчит по облачно-белой стране.

Дела устроены лучшим порядком.
Но лики прячутся низкого зла.
Топчи, и будет на сердце так сладко,
Как словно слышишь святые слова.

БУДДА НА ЗАКАТЕ

Увидишь в небе кресты
Невозвратных.
Они строги и не дарят покой.
Они дорогу напомним в закаты,
Что оборвется над бездной земной.

Восток дает круговое движение,
И мягкость черт завершает цветок.
Но жар и холод ничто не заменит,
Всему простой человеческий срок.

БАЙОН

То было утро, его ощутила как вечер.
Башня Байона толпам улыбалась, что звук,
Льющийся тонким потоком на статуи плечи
И заполняющий все водоёмы вокруг.

Головы всем улыбались, едва выступая из камня.
Грань между ночью недвижимой, движением дня
Всё не стиралась, хотя и была под ногами,
Тысячелетье вибрацию утра храня.

Наги, слоны, обезьяны снова не спешили.
Сурьяварман с колесницы закатом сошел.
Кровь его ран и цветы, и пути поглотили.
Жители мест волновались полночи ещё.

Я здесь никем не была, быть никем не хотела.
Ибо могла быть я всем здесь; идти и стоять...
Будто и тело, что камень, и камень из тела,
И неизбежность начал не хочу подвигать.

* * *

Что несет весна, что несет сосна,
Белый жизни свет, синий жизни свет,
Новой жизни свет.
Ну, а где же вы, что ж отзыва нет?

Где же ты, весна, где же ты, сосна,
Белый жизни свет, синий жизни свет,
Новой жизни свет?

* * *

Здесь, у печки, в которой гудели дрова,
Донося недр и пашен слова,
Я Сибирью одной согревалась,
За порог я к ней собиралась.
Шива? Север? Берлога? Но ясно одно:
Было столько пространства дано
В искупление инаких грехов
Первородных стихий и богов...
Я закутаюсь в теплый платок
И ступлю в холода за порог.

* * *

Я проходила высокой стеной,
Вился там плющ византийский такой.
Я поднялась на китайскую стену —
Бойницы на юг, и подъем постепенно.
На север стремилась древних страна —
Гоби-пустыня, озер пелена.
Воздух был выткан из мелких духов,
Тонких, огнистых, как петухов.
Древности тело — скрытного змея:
Весь в чешуе, он струился, робея.
Было б увидеть много чудес,
Если не трогать волнуемый лес.
До неба стоящий высокой стеной,
Просто зеленый родной.
Обозревая со стен облака,
Чуешь — дыханием мчатся века
И, задевая леса верхушки,
Страхи приносят немолчной кукушке.

* * *

Мне нравилось быть далеко,
А близкое — игры с ребенком.
А самое дальнее — бег облаков
И ветер, сближающий тонко.

В далекое выйду во сне —
Привет, ворота иномирья!
И тут же ступаю на блещущий снег
Знакомой и близкой Сибири.

Игрушки из комнат беру —
Всех лучше, конечно, лошадка.
Она понесет на холодном ветру
К веселью, что именем сладко.

Там будем, как листья кружить
И волей своею не жить.
А кто же за все ответит?
Ветер, ветер, ветер.

НА СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ

Они думали: я молилась.
Я же к камню веков притулилась.
Будто камнем сама я стала.
Будто речи дар потеряла.

На меня посмотрели толпы.
Человеческие — терзая,
А святейшие — всепрощая,
В блеске нимбов согбенны и желты.

Я укрылась тьмой сокровенной,
Ну, а вышла — белые стены,
И звонит ручной телефон,
И поет колокольный звон.

Если б ты был великий князь,
Я тот час бы к тебе собралась.

Ну, а я к тебе соберусь,
Потому что со мною грусть,
То есть, с самым далеким связь.
Вот же, смотрит со стен, смеясь.

* * *

Воля вольному — вот, я там,
Где не мед течет по устам,
А медлительно сыплет песчаник
Золотое свое отчаянье.
Здесь на восемь веков назад
Возвышался великий град.
И осталась пустынная площадь.
Вишну руки под сводом полощет.
Говорят, он всем помогает,
Кто с прошением к нему припадает.
Миновали годочки славы,
Кхмерам данные для забавы.
И теперь все стало серьезно.
Звездам равное падает звездно.
На прудах зацветает лотос.
А к безмолвию много вопросов.
Я бы строить тот град не хотела.
А вот так как гляжу — я б глядела.
На открывшиеся руины,
На прогретые солнцем равнины.
Отчего? А не много ль вопросов?
Я на севере льдов живу,
Оттого недоступной слышу.
И не знаю другого тепла,
Как от печки, или костра,
От того здесь будто как дома,
Обогрето и часом знакомо.

* * *

Я бросилась тайно лететь,
Оставив на месте туманы.
Я кинулась дальше смотреть,
Чем каменные истуканы.

Но села на крышу птичка,
И ну, распевать свои песни.
И глазом круглым черничным
Звала посидеть на насесте.
И вот, мы поем с нею вместе.

А если что-то случится,
Оно нам не пригодится.

В холода

ANDANTE

Этот город самый лучший —
Здесь нежна былого мгла.

Не затеплится квартира,
Не вбежит малютка-братик.
И отца не отыскать мне.

Тень уверенная ляжет
От фонарного столба.

Я когда-то здесь жила.

Я иду среди серых зданий,
Вольно-каменных, ампирных,
Строго в линию застывших,
Поглотивших солнца свет.

Эти статуи, фонтаны —
Север, смертью отдающий,
Как свои, где холод злющий.

С голубями мальчуганы
Заигрались возле них.

С тем, что трудноуловимо,
Что колышется под ветром,
С тем работает поэт.

* * *

Весомо льется русская свобода
Спиралью мысли с гордой высоты.
В ней нет имен и к людям нет подхода.
Ни зова нет, ни счастья, ни мечты.

Она затем, чтоб все переиначить.
Не дать себя и сути не отнять.
Пусть на земле она чего-то значит,
Но всё не там, где бремя и печать.

Когда идешь по городу чужому,
По каменным дворам и площадям,
Далекому не отвечая дому,
Себе ты истина и мера себе сам.

Себе стоишь на площади холодной,
Что архитектор далеко открыл.
Для мятежа и для пальбы пригодной,
Ей таять в свисте голубиных крыл.

И бодро льются севера фонтаны.
Зачем они? Так и вся жизнь зачем?
Широкий план ложится безымянно,
Вставая серой изморозью стен.

Ничьи мосты бросают тень в заливы.
Почти пусты, и многому не быть.
И множественно статуи игривы,
Не знающие века и судьбы.

Они гармония, они и в ней другие.
Себе смеются, хороши собой.
Взойди, заря, взойди, времен богиня,
Над родиною скорби мировой.

Пространство — взором видимая эра.
Минуя город, пыль времен стряхнешь.
И вот, вскипая без числа и меры,
Летит по ветру спящих истин дрожь...

Заслышав пенье ослепленных сил,
Вращай пределы медленного гула.
Тот самый свод, что Лето поглотил,
В котором Атлантида утонула.

Красноярск

* * *

Стелился дым
над майской зеленью,
Как будто зиму ей сулил.
Светильник розового севера
К теплу домашнему манил.
Из туч блеснула сабля острая,
И ветер вышне прогудел.
Там ли война, а мы на острове
Вдали от самых важных дел...

У ПЕЧКИ

Мой ум, торжественный кристалл,
Ни разу счастья не искал.
Ведь счастье — где теплее,
А ум — где холоднее.
Но вот настал тревожный миг
Когда и к счастью он привык,
Что от печи исходит,
Считая по погоде.
Собой в себе не превзойден,
Он очень счастлив и польщен
Своим существованием.

* * *

Я тебя, светоносная куща,
Обойду далеко стороной.
Я найду, где есть сумрак погуще,
Ниспадающий мгlistой стеной.
Это больше душе отвечает
На холодной дороге земной.
Потому-то она замечает
Светоносную рощу порой.

* * *

Я мыслью удалялась высоко,
Туда, где нет обыденного звука.
Бывала там, где мрачно, глубоко,
Где нипочем и вечная разлука.

В долины, где висит веков туман,
Я с мысленной свободой уходила.
И вот я здесь: молчу, слова — обман,
И улицей иду неторопливо.

* * *

Когда идёшь в толпе людей,
То посмотри в пустыню неба.
То посмотри поверх идей,
В умах трепещущих нелепо.

Тогда покажется любовь
В осмысленной пустыне духа.
Переполюющая вновь
Прохладу внутреннего слуха.

А дальше нету бытия —
Зеркал пустующих мерцанье...
Поверх толпы глядела я,
Встречая бездну расстоянья.

* * *

Быть только здесь, где мгновение это,
Труднее быть ничего не может.
Стремится душа вон от этого мира
За миром более чем просторным.
Раздам пространству моря и горы
И ну туда, где всех лучше было.
Не в сад Эдема, облитый дрожью,
Не к свитку мыслей, а в скорость света.
Спешу затем, чтобы время множить —
И всем остаться в тени ответа.

С другими себя не сравню:
А с Солнцем, с Луною.
Как слабо, как слабо горю
Над стылой водою!
Мы все в отраженном тепле
Тихонько мерцаем.
А гордость идет по земле
Костями бряцая.
Я так высоко, высоко —
Мне некуда падать.
Я жизни не знаю другой:
Другой мне не надо.

Восходящее солнце
                зовёт далеко...
И идёшь, словно
                мышь за свирелью.
Век за веком —
И снова в прохладу веков
За манящей, неведомой целью.
Вдруг увидела: ты
И забыла идти,
И застыла бессильно на месте.
Станут шире открытые солнцу пути
Коль идти
                по ним вместе...
А не дым ли, не дым
Стелет горькою мглой?
Равносильны горенье и воды.
И в пространстве нездешнем
Кристалл ледяной
Отражает надмирные годы.
И зовёт не звезда —
Слабый свет пустырей,

Площадей, неизменно безмолвных.
Будто скромно стоишь средь
  ушедших людей,
Принимая их просьбы дословно.
Много ль надо при жизни, но меньше —
  потом.
Слабый луч, слабый свет, тихий шепот.
Что же в нём, что же в нём, что же в нём?
То ли Азия, то ли Европа —
Колесо, или логикиглянувший путь:
Ты меня не забудь, ты меня не забудь!
Кто же ты? Оглянусь: никого-то...

* * *

Дымы над городом вставали,
И час безмолвия катил
Помимо страхов и печали,
Посланец неизвестных сил.
И кто за жизнь свою боролся,
Изнемогая каждым днём,
Услышал он далёкий голос
В вечернем небе голубом.
Вдруг стало медленно и тихо,
Как пред вступленьем божества.
Готовился блестящий выход
В глубокой тайне торжества.
Секунды быстрые вращались,
Предупреждая каждый миг.
И совершенство открывало
Туманной бездне чистый лик.

ЕСТЬ В ТЕРПЕНЬЕ

Есть в терпенье сердец одиноких
Много слов напряженных, глубоких.

И порой они льются, как слёзы,
И звучат в них мольба и угрозы.

Но поверить их некому, точно.
Одиночество отроду прочно.
Как мороз за порогом и снег,
И поземки серебряный бег.

И оно, оттого, что большое,
И мосты, и площади строит.
Из замерзших слов, изо льда —
В холода, в холода, в холода.

Оттого, что большое оно,
Ему многое очень дано.
Оно видит миры и пространства
В укреплении их постоянства.

Но весенняя хлынет вода —
В холода, в холода, в холода.
В ее голосе русская речь,
Будто топится русская печь...

Свет, бегущий по бурной реке,
Заволнуется невдалеке.
А в гудящей, звучащей печи
Вдруг забьют золотые ключи.

Пусть же явится на порог
Новый гость с наваждением тревог.

ОСТОЙЧИВОСТЬ ОСЕНИ

Листья упали и каменность зданий
Теперь не скрывает ничто.
Голым ветвям говорить о желаньях
Не станет никто.

В доме осеннем, склоняясь к постели,
Тихо шепчи:

«Тепло не уйдет сквозь оконные щели,
Есть угли в печи».

Земля затвердела от холода ночи
И тонкий ледок
Одел слепотою серые очи
В ложбинах дорог.

Коробки плодов, неисточенных червем, —
В питание души.
Так пусть оседает в капусту и перец
В звенящей тиши.

И пусть отступает, она отступает
С отсыревших нив.
В остойчивость чувств мякоть груш поглощает
И яблок, и слив.

Тяжелые шубы для душ бесконечных
Пошиты уже.
Лишь полое чучело мокнет беспечно
В дырявом плаще.

* * *

Серое небо — упругие голые кроны.
Жизнь навсегда,
и о том повествуют вороны.
Длинно-протяжно,
и век за которым уж веком
Всё повествуют о том, что дано человекам.
Серый снежок — это вёсно легла на колени.
Что ж, высекай из нее голубые цветочки сирени.
Бледное небо и ветер из чресл высекай —
Лето шуршащее платье
проносит сквозь каменный край.
В срок потемнели окрасом дороги и бурые кроны,
И за роняньем цветов и листов, и плетений
шагают вороны.

Жизнь навсегда — навсегда этот холод и ветер.
А в холода так тепло петухам на повети.
В стойке корове, овечке в кедровом овине...
Бог возле свечки, а мир им покинут поныне.

* * *

Ушли поколенья в просвет вечеров.
Быть может, вслепую. Здесь не было видно.
Ушли колесницы, телеги под всхлипы ветров
За долей завидной.

Она одинаково блазилась всем:
Стеснения нет, боли, страха и смерти.
И, сквозь лабиринт ты выходишь от холода стен,
Не помня вчерашнего дня,
запряженного в жесть круговерти.

А сеять и жать для тебя неприемлемый плен.
Выходишь к хорошему морю.
Идешь по волнам,
Послушен штурвал,
Острова чередой минуя.
И так без конца.
В очарованном мире нетлен,
Кто правит судьбою.

Так каждый бы день, управляя решением своим,
И волей свободной своею, как есть, управляя,
Открыть бы иные просторы
Для тех, кто гоним
печалью своею из нашего русского края...

Но с тихою грустью взирая на просветы туч,
Куда колесницы ушли, и волы, и телеги,
Ты ловишь один только некий витийственный луч,
Сквозь мрак извещающий нас о морозе и снеге.

БРЕД ВЕЛИЧИЯ

«Я» от края до края,
Везде только «Я».
Захлестнуло, играя,
Людские края.
И величие слов
Все залило пути.
Не носи сапогов,
Если хочешь пройти.
Но отправь свою мысль
Свободно летать
И бескрайнее «Я»
До краёв постигать.
Чтобы выразить полно
Миры и себя,
Простирай, словно волны,
Безмерное «Я».

НА «ПРОСТИ»

Еще немного на часах времени,
Еще недвижен всемирный покой.
Еще не смят циферблат предоверенный
Нерукотворной нездешней рукой.
И, даже вывернут весь наизнанку,
Не прекратится сияющий свет.
Колеблет в тёмной душе спозаранку
Он снисхождение, которого нет.
«Прости» — что значит? Ведь то заклинанье.
Дрожит серебряная вода.
И тихо смотрится то мирозданье,
Что разорвет на ответ «никогда».
Хаос начнётся, попадают глыбы
Галактик дальних и ближней луны.

И вот, помалкиваем, словно рыбы,
Иные спят, а иные больны.

* * *

Всё слишком узнаваемо, гляжу.
Булыжный камень рядом положу.
Не этим временам принадлежит.
Да и рука как будто не дрожит.
Я помню дождь, так вот он, рядом, дождь.
Он был — он так на прошлое похож.
Я будущее знаю наперед.
Дождь завтра с новой свежестью пойдёт.

Но ты, живущий на земле лишь раз,
Похож на сотни маленьких проказ.
Времен забывшихся и тягостных итог,
Поступками и мыслью не далек.

И я ничем не стану рисковать
И камень приготовленный бросать.
Как вечность, он таинствен и тяжел.
Для вечности спасен от многих зол.

Но не спасется от того, кто раз
Живет в бреду для множества проказ.
Измелет горный камень он в песок,
Чтоб отодвинуть смерть хоть на часок.

* * *

Я делаю то и это, и снова то.
Не надо прошлого, будущего, ничего.
Это мгновение так широко,
Что мне всё равно: равноудалено,
равноприближено.
До какой степени всё равно,
Что от «всё равно» взрывает?
Вы говорите мне одно,
Но я и другое знаю.

Ширится время, растут континенты.
Былинка сохнет или цветёт — всё равно.
Я делаю то и это, и снова то и это,
И понимаю: власть тьмы, мне всё равно.

* * *

Навстречу северной заре
Туманным утром сновидений
Летит светило в январе,
Свет приносящее смирений.
Для непробужденных сердец
Ледяным хрусталем сверкая.
И острым краем зеркалец
Пределы неба задевая.
Оно такое же, как мы —
В плен полоненные дитяти.
Мы славно бодрствуем в палате
Дням посылаемой зимы.
А выйдем в поле — новый век
Нам принесет преосвященный
Снег восходящий и нетленный,
Хранимый в синей выси снег...
Средь немятежного сверканья
Как в сотах мед — в снегу всезнание.
Овладевая им сполна,
Будь скромн, как в ночи луна.
Будь скромн, словно солнце дня,
Вращая города и своды.
Во имя истинной свободы
Будь скромн, словно солнце дня.

* * *

Творец, потоком вихрей управляя,
Остановить затейный бег хотел.

И, наконец, гармония живая
Покончила с возней несносных дел.
Обозревая то, что есть прекрасно,
Он сладко на века веков уснул.
И сон Его хранил моря и пашни,
В глубинах сна был скован бунта гул.
И так — к покою человек стремится,
Чтобы забвением или глубоким сном
Объять века, пространства и страницы,
Которые есть мир и тоже сон.
Так я, глаза закрыв, сижу и вижу
То, что безмолвно может взять рука,
И что в своем терпенье неподвижном
Переживает время и века.

* * *

Короткое лето катится сквозь сон изобилья.
Шмели над ромашкой, и коршун над лугом парит.
Телесного нет, нет надежды всесилья,
Есть только огромный, цветением дышащий вид.
Увидела разом себя: нет исхода, возврата.
Увидела разом ромашек и игл серебро.
Ожальте, сияя, и ноги мои, и закаты.
Здесь нет нам исхода, пронизано светом добро.

* * *

Тускнела утренне луна,
Как снегопад прошедшей ночи,
Что таял под лучами сна,
Сна солнца в небе многоточий.
Чем выше рушилось в зенит,
Тем меньше снега оставалось.
И лунный, бледный малахит
Растаял в синем блеске зала.

Невидимый — он много был
Среди существ, что мы не видим.
О, сколько суждено открытий
Тому, кто здесь ещё не жил...

* * *

Быть человеком — пора покоя
Для душ всемирных.
Рожь колосится о ровное поле,
Роза эфирна.

Ночью Луна глубоко повсюду.
А как иначе?
Я в подземелье сыром побуду,
Пока ты плачешь.

Я это покой, а ты моя вера
В страну покоя.
И тут Луна, и тут мы первые,
И здесь нас двое.

УТОПИЯ

Чтоб совсем не заблуждаться,
Будем за руки ходить,
Хором петь, с горы кататься.
Необъятное в груди
Будет на свободу рваться,
Что волнует впереди.

Там огромный белый город.
Там высокий лес зеленый.
Всюду свет сквозит и спорит
С синевою вод соленых.

Там доверена свобода
Вольным птицам в вышине.
Пашни прочему народу,
Чтоб питали птиц оне...

БЕЗ ИМЕНИ

Били в глаза фонари
Самого длинного дня.
Имя моё повтори,
Не помнящее меня.
В быструю воду реки
Имя моё пролей.
Из-под зелёных век
За ним убегает ручей.
Короткая самая ночь
Влажную лижет траву.
Без имени выйдя прочь,
Как я тебя позову?

ВЕТЕР

По зелёным лесам,
Отворённым весной,
Будто мёд по устам,
Льётся ветер шальной.
Слышит пение птиц,
Слышит дальний напев.
Зелены без границ
Его воля и гнев.
Соберётся — ударит
Сквозь грани небес.
Чащу кедров повалит
В примолкнувший лес.
Каркнет вороном чёрным,
Взметнётся крылом
По расщелинам горным.
Вот так мы живём.
Но земля без границ,
Впереди — океан.

Подмывает он корни
Событий и стран.

Он топил корабли
Убежавших с земли.
Островами маячил
В туманной дали.

Будь как ветер — он время
Вне нас, не для нас.
И проходит сквозь стены
В назначенный час.

Открывает без края
Земную весну.
И по флагам читает
Любую страну.

* * *

Естественность, которую можно читать,
И фальшь на лице, которая чтима —
О, мы все эпохе своей под стать,
Которая нас проходит
  мимо.

Ужасен ликом Кетцалькоатль,
Как правда, сраженная вечной ложью.
Мозги никогда никому не парь,
Цветы положи прямо в грязь к подножью.

* * *

Уходит эпоха по льду прибайкальской весны.
Успеет дойти ли до берега в тумане другого?
Тончает, а глуби живые природные сны —
Не призрак, несущий неверные тени былого.
Вдруг ухнет. Что ухнет?
Бесовски косматое тело?

Уходит — другая, где мы говорили несмело.
А больше молчали
О том, что вокруг происходит...
Уходит.
В степях на другом берегу
Остались могилы, холмы да шиповник в логу.
Остались там детство и верные корни мои.
Остались суровые послевоенные дни.
Уходит эпоха — дойдет ли, дойдет ль до могил...
Вдруг — с клетки олень —
И на лед истонченный вскочил.
Дойдет ли, дойдет ли в тумане до берега другого?
А там снег и лед, снег и лед,
И вода, и приют родниковый...

* * *

От чада цивилизации
К единственному цветку
По ходу земной аберрации
Вырваться не могу.
Абы такое рабство
Единственно мне терпеть,
Сердцу дается радость
В синюю даль смотреть.
Сердце глядит глазами
Внутреннего цветка,
Зимнюю свою память
Вручив огням маяка.
Волны пока на приколе,
Та неподвижно молчит,
Высокое ее горе
Антеннами не кричит.
Оттаяв, она отпускает
Всезнание от себя.

Не говорит устами,
По синим волнам гребя.
Властители человеков,
Слушайте пение волн.
Вдаль от смертельного века
Уходит крошечный челн...

Мудрую часть хаоса
Поставлю себе служить.
Не задавать бы вопросов,
Ровно бы и не жить.

И только одна надежда —
Единственная судьба.
Она в океане безбрежном
По звездам находит себя.

* * *

Завывало в вышине —
И притих мой бедный разум.
Ничего не надо сразу
Неопознанного мне.

Вихри буйные бродили,
Звук родился, и на слух —
До того он был обилен,
До того был к людям глух.

Небо слушала макушкой,
Каждым волосом, умом.
А в дому так было скучно —
Призрак света невесом.

Близкий-близкий и далекий
В дверь стучался небосклон.
Друг безденежный, убогий,
В тучах прожитых времен.

Он стучался — не просился.
Мглою окна застилал.

Тихий омут опустился
На глаза ночных зеркал.
Все в одно соединилось
Под разглаженным числом.
Буря телом воплотилась
И уселась за столом.
Подала я ей стаканы.
Наливала кипяток.
Подарила ей румяный,
В розах вытканый платок.

* * *

Хор в черно-белом
И пения серебро —
Это Байкал.
Черных сутан
Страстная неделя —
Лед Байкала.
Арфа Эола,
Хора лира —
Солнце Байкала
На лед нисходит.
Льдина скользит
Элладой незрячей
В безлюдное море.

* * *

С востока я гляжу на запад,
На берег темный и глухой.
Весны доносит ветер запах,
И солнце прямо предо мной.
Над каменной грядой зданий,
Над голубым провалом вод
Мы равно грезим мирозданием,
Пронзая взглядом небосвод.

* * *

О стойкости, силе
О днях на ветру
Рябина поет
На высоком юру.
Верховий огнистых шумит благодать.
Ах, скоро такой никому не видать!
Антенны последнее ловят тепло —
И праздник Покрова ступает в село.
Давай же, поделим судьбу пополам,
А сердце свое никому не отдам.
Давай же, поделим и холод, и зной,
А сердце пускай остается со мной.
Ведь верно, оно никому не нужно,
Не вырастит леса, не вспоит зерно.
Пойдем же дорогой туманной в закат —
Туда уходили отряды солдат.
Они не вернулись, и нас не вернуть,
По нраву и нам этот манящий путь.

* * *

Фольгою дрожат фонари,
Истекая в морозную сырость.
Час один до зари,
Но такое под утро приснилось.
Вся скорбь мировая
Фольгою летит с парашюта.
Она неживая —
А скоро холодное лето.
На запад печально идти,
Прикасаясь к перилам.
И ветер трепещущей птицей притих.
Ударило солнце в затылок.

А сумрачно как —
Несмотря на сиянье восхода.
И тени длинны, но длиннее река,
Уносящая воды.
И так без конца —
Нет конца холодам и печали.
Когда же, когда
Я пойду на восток, как в начале.

* * *

Белым метет без конца, мечет на север и юг.
Меч распластался в земле, упавший из русских рук.
Тогда — а метет по сей день, к белой луне взывая.
Метет на восток и на запад в белые дни без края.
В белом тумане в дымке запруженной — души в пути.
Плотину прорвало, но слов разобрать, разнести
Нельзя, не взирая на то, что метет и метет, — метет.
В воздухе белое поле на юг и на север несет.
На запад и на восток, все поглощая мысли о счастье.
Близко чрезвычайно и дорого это ненастье
Живым и погибшим, и судеб лавину прельщает.
Летите, роитесь, душа повсеместно большая.
Охватит и дни, и молчание, и это метанье метели.
Уже мы разгадку нашли мирозданья,
приблизились к цели.
Лавиной опустится день, племена и народы — накрыты.
И вот — снег,
И кони мохнатые роют под северным ветром копытом.

* * *

Что это было, что это было
Я до сих пор понять не могу.
Была не одна будто, вечером стылым,
А вместе с равниной, где бусинки чувств
Нанизывал ветер на травы болота.

Преобладала низкая грусть.
Далекая, близкая, среднего плана.
Одна и про всё, и она со мной.
Я ничегошеньки не понимала,
Так было много дано мне одной.
Клубящая песня облачной кручи,
Рощи, дороги, поля и холмы.
Рубином земля темнела зыбучая,
Сравнения не было, где ж были мы.
Узлом повернулся кристалл многогранный,
И все настоящее вдруг сошлось.
А там получай, что, в тоске за горами,
Теряясь, нашлось.
Меня бы спросили: «Где суть абсолюта?»,
Если бы было кому спросить.
Я бы сказала — там, где как будто,
Дождь собирался в четверг моросить.

Обещание

* * *

Поневоле думаешь о покое вечном,
Коль заносит землю снегом бесконечным.
Промелькнет с перроном дорогая мать.
Серые вагоны в поле не видать.

Не видати в поле галок да ворон.
Вьюга травы полет, оттого трезвон.
Пенятся, вздымаясь волны без конца,
Тихо разливаясь у нашего крыльца.

За надеждой зыбкой подбегу к крыльцу.
Быстрая улыбка всё тебе к лицу.
Коль заносит землю снегом бесконечным,
Поневоле думаешь о простом и вечном.

ПОСЛЕ БАНИ

*Затопи ты печку,
постели постель...*

С.Есенин

В пору предательств
что делать порой?
Облейся водой ледяной.
Если тебя обманула судьба,
Что делать тогда?
Возьми и облейся водой ледяной
Горной речушки родной.
А после с метелью, с метелью кружи.
С другом старинным,
как прежде, дружи.

Ах, и не ждёт нас печь и постель,
Ждёт ледяная метель.

* * *

Дарю тебе чашу с открытым сознанием.
Дарю, потому что дарю.
В ней все объясненье, незнание, всезнание,
Весь холод, что дан декабрю.
Дарю тебе чашу с мечтанием забытым,
Читают пространство глаза.
Но видят лишь сумрак, глухой и закрытый,
И нечего больше сказать.
На берег уедем, и, глядя на волны,
Задумаем думу одну.
А чаша полна и сознание полно,
Подобно открытому сну.

* * *

Мы прощались на белом снегу,
Лучше б вечное длилось прощание...
И декабрь готовил глухую пургу,
И январь одарил на бегу
Снега нового обещаньем.
Ну, а встреча — весна?
Где бывает весна в январе,
Чтобы вишни цвели на дворе?
Пахнет снег озорными садами,
Мимолетными облаками...
Вот и стаями опустились.
До сих пор мы еще не простились.
И не встретились...

* * *

В дом сумеречный войду,
Когда яркое солнце.
Здесь я одна,
Слышу только свои колокольни.
Связи распались,
Но слышу я голос тот вольный
Что долетает, лучась, сквозь открытые окна.
Сумрак единственным взглядом своим я ласкаю.
Вот, я вернулась к себе через многие лета.

* * *

За то, что не случится никогда,
Друг другу будем рады, ты и я.
Мы будем гнать через Сибирь стада.
Ты на восток, ну, а на запад я.
Они, насквозь однажды проходя,
К земле пригнув рога, раздув бока,
На миг застынут, словно ты и я,
Далёкие и чуждые пока.
За то, что не случится никогда,
Друг другу будем рады, ты и я.
Однажды в летний небывалый зной
Нахлынет дождь прохладною стеной.
И радуги прозрачные концы
Соединят далёкие венцы.
Твоя стрела пронзит мою стрелу.
Бессильно править сердцу моему.
И пуля пулю поразит одну.
Бессильно править сердцу твоему.

* * *

Колышется ветки холодная прядь,
Сквозит синевою таежная падь.

Как искры летят из большого костра,
Так я вспоминаю свои вечера.
Колышется ветки холодная прядь.
Скользит синевой таёжная падь.
И тянет откуда-то издалека
Порывом игривого ветерка.
Он ветки целует, теребит осины,
Роняет на землю соцветья калины.
Я стану такой же, как ты, ветерок.
Дыхание жизни — вот жизни итог.
Когда ледоход начинается звонко,
Медведь и олень ожидают ребенка.
Увидятся в схватке таёжной они —
И лёгкий порыв, и дремучие дни.
И снова поднимутся искры костра
В свои незапамятные вечера.

В ПАДИ

У испытаний нет конца.
Зато я лес зубчатый вижу.
И ночь, без края, без конца.
Зато я шум прибоя слышу.
И, как тревожна эта ночь, —
Мы думаем: приближен космос,
Так я, светил далёких дочь,
Бреду от пристани на расстань.
Тяну всё небо за собой,
Тяну промёрзшую дорогу,
Тяну грохочущий прибой,
Что остывает понемногу.
Байкалу встать, а мне идти
В дом на подъёме без ограды.

И он из леса, что был дик,
Шумел без гнева и отрады.
Стволы медведь ворочал в путь.
Огромные на спилах брёвна —
Круги космических минут,
Безлюдных и гудящих тёмно.
У испытаний нет конца.
Но всё же — я не замерзаю,
Но всё же — я не голодаю
Близ горькой правды без лица.
Земля России холодна —
Но ветром всё же ее не сносит.
Где я одна — я не одна:
Лес мрачный счастья детям просит.

* * *

Голос тихий,
Повадка лебяжья.
Лебедь ли воплотился в тебе?
Был ли князем?
Не знаешь, не скажешь.
И за верность награда: судьбе
Верным быть.
Улетать, подниматься
К затерявшимся островам,
Что тобою решили назваться.
Никому я тебя не отдам.
Тем, что вдруг не пойду я к другому,
Тем, что выйду на берег пустой,
Чтоб свою вековую истому
Слать ему,
Словно мир и покой.

ПРОГУЛКА ВДВОЕМ

На рейде замерли и яхты, и баркасы,
Под небом черным черная вода.
И огоньков сверкающие трассы
На удочки бегут и в невода.

Медлительность в улове запрещенном
Октябрьских приносит омулей,
На свет приплывших из ночного лона
За смертью непонятливой своей.

Знакомцем тянется дыханье баргузина,
И давние года катает тут
Под видом гальки берег нелюдимый —
Возьми любую из его минут.

Ветрам звучать, как будто недрам плакать
По валунам и скальной высоте.
Пусть небо гладкое полно блестящих знаков,
Роднее камень, затаивший свет.

Ветрам звучать о том, что затерялось,
Что не вернется с солнцем и теплом.
Одна вода идет прозрачным валом,
Волнуя заповедный мир кругом.

ВЕСНОЙ

Забылись холодные дни,
Забылись метели.
Под ветром на ветках одни
Весенние трели.

И брошено звонко кольцо
В гремящие воды.
С потоком обручено,
Сметающим броды.

По донному камню бежит,
Спиралью сверкает.

Ущелья замшелого вид
Его поглощает.
Пусть всё, что прельщает людей,
Утрами вернётся...
Нет ярче вращения дней
Над тёмным колодцем.

* * *

Тьма раскалилась добела,
Что бабушкина печь.
Твои хорошие слова —
Родная наша речь.
Чтоб белый лоб о белый лоб
Коснулся сгоряча,
Никто не даст нам счастья, чтоб
От царского плеча.
Никто не дал нам стол и кров
Среди России всей.
Твоя пленительная кровь
От царственных кровей.
Байкал вчера качал меня
На водах ледяных.
Он ласков был, шугой звеня
На память дней моих.
Мы расставались хорошо
Близ дальних поездов.
С тех пор и белый снег пошёл,
Что зимняя любовь.
Я в воду бросила цветок,
В холодную постель.
Пусть над ним недолгий срок
Свиристует метель.

* * *

Ты мне всегда говори обо всём,
Я — это небо и звезды.
Или листок, что уходит ручьём
Вечером поздним.

Вижу сквозь солнце — хмурые дни,
Хмурые дни ожидания.
Не говорю я тебе: обними
Сквозь расстоянья.

Кружится полная чаша миров,
Полная света.
Ступаю по блеску ее краёв,
И нет мне ответа.

Внизу города и дороги людей —
Другая дорога
Мне достаётся от солнечных дней,
А почва — подмога.

Долго иду я по ней одна,
Нет мне ответа.
А вот и чаша полным-полна,
Жаркое лето.

Ты мне всегда говори обо всем,
Будто природе.
Солнечный луч упал в водоём,
Встретились, вроде.

НА ЧЕТЫРЕСТА

Я уехала на запад, чтобы встретиться с тобою.
Ты остался на востоке у байкальского прибоя.
На четыреста сближений друг от друга удалились.
Ты смотри, смотри, как волны
за одной другая слились.

Я на западе смотрела на сверкающий восток.
Пробежал по волнам белым ярко-синий холодок.
На четыреста сближений скоро вечер подступил.
Ждать от неба нет терпенья, не хватает больше сил.

ШКВАЛ

Эти тучи кричат: «Вы любовники»
И идут с самых разных сторон.
Ветер машет ржавыми кронами,
Горным сумраком окружён.
И, руки лишь коснувшись пальцами,
Ухожу к Иволге от тебя.
Лучше быть на ветру скитальцами,
Никого никогда не любя.
Той бы участи не завидовал
Наш всегда молчаливый Творец.
Это он ведь дал очевидное,
Как неслышимый стук сердец.

* * *

Всё напряжение дня
Тонкой качается веткой.
Жду я — тебя и меня,
Калиткою хлопнув ветхой.
Жду я тебя и меня,
А времени срок на исходе.
Не написать без огня
Хоры мелодий.
Всё я бросаю в костер:
Жизнь, намеренья, даты.
Пушай не останется сор.
Стройно шагают солдаты.
Здания строго глядятся.
Как не хочу повторяться.

Но столько далекого в памяти,
До ближнего не добраться.

И снова, и снова поэтому
Жду я тебя и меня,
Жду я тебя и меня.
Да и живу ради этого.

* * *

Не будем мы читать
О драме тех сердец,
Что канули давно
Огнём окрасив воду.

Своё нам ниспослал
Всевидящий Творец —
Он видит даже сквозь
Сибири непогоду.

Он свежий дым принёс
В горсти ненастных дней,
И новый холодок,
И солнце золотое.

И я гляжу туда,
Где небо всё ясней,
И канут облака
В низинах за Удою.

Я сена принесу
Вечерним лошадям.
Помчусь я через степь
На голос расставанья.

О, только бы успеть
Туда, где дарит свет
Малиновый огонь
Последнего желанья.

В АКАДЕМСАДЕ

Я шла по дорожке,
Я копала картошку,
Я смотрела на запад, и чудился мне
Белокаменный город, другая планета.
Я землю копала виденью в ответ.

И вот оказалось, когда от вокзала
По спящей громаде в колхозном наряде
Проспектом брела, ее я узнала,
И это была Москва.

Мы данники пира, заложники мира.
Мы нищету принесли и сложили у стен,
Возвысились ею, угасли, немея,
А свет бутафорский разлился взамен.

* * *

Я слишком отрешилась от всего,
А там дворцовый парк
и множество построек.

И весь народ на это торжество
Глядит со стороны бараков и помоек.

И мне дворец не нужен или парк,
Все пусто, если чувство одиноко,
А сердце одиночества пожар
Сжигает напряженно и жестоко.

Не помогу народу и царям,
Жизнь отдала, а что еще отдам?

* * *

Я собственностью не обзавелась:
Жизнь коротка, а свыше злая власть.
От всех чудес спасет меня усталость,
Я долго шла, и силы не осталось.

Есть у меня один хороший друг.
Он мне приносит много новых мук.
И что оставляю детям я своим?
Передаю Отечества я дым,
Он тоже мне достался по наследству.
Я сберегла его, как веры средство.
В Сибири он спасает от мошки,
Наполни им амбары и мешки.

* * *

Я помню детский дождь в горах Хамар-Дабана:
Ты ничего не ждешь, и до любви так рано.
И дела нет, и хлеб уж испечен.
Ребенок здесь бывает не причем.
И гложет непереносимая тоска,
Под капли крошечная тянется рука.
Когда ты ничего еще не ждешь,
То все равно пронизывает дрожь.

* * *

В августе оделись горные вершины чистыми снегами.
Для ума блаженство — холод белых лилий.
А сегодня с ветром — будто попросили,
Все поля засыпало под нашими ногами.
Словно бы приблизились горные вершины,
Будто бы возвысились хляби и низины.
Всюду, всюду, всюду, всюду в равной мере
Для ума блаженство — воздалось по вере.
Белая дорога до ночи и тепла,
Будто недотрога, по степи легла.

* * *

Ты стрелу поднимешь, ахнешь: «Наказанье?»
«Падала с востока к срединным городам»

«Как не поразила в сердце ожидания,
В чем расчет был верный, расскажи-ка нам».

«Высоко стояла я на горе холодной,
Руки онемели и застыли слёзы.
Снова не увижу я тебя сегодня,
Снова начинаются на земле морозы.

Если б и хотела, в сердце не попала.
С гор стрела летела и к ногам упала.
Пели расстоянья, себя отдали нам.
Что им расставания — долинам и горам».

* * *

Никогда не окончится наш разговор,
Он в блаженство полей перейдет.
Никогда прозябающий этот простор
Не отринет сиянье высот.

Полечу я на запад, пойду на восток —
На восток недалёко идти.
Закружится на водах осенний листок,
Что не может дороги найти.

Так кружись, так кружись, не кончается жизнь,
Но к блаженству стремится она.
Пусть для пойманной в сети познания души
Никогда не бывает полна.

Станем мы познавать вечеров благодать,
Отрешенную ночи печаль.
И куда не пойду, буду я называть
Твоим именем русскую даль.

А на западе пусть ограняют дворцы
Напряженность немирных границ.
И готовятся к будущей схватке борцы
Ради шума всемирных столиц.

Будет все, как всегда, и в пшеницах полей
Растворится любовь до конца.

Ну, а что до вселенной сияющей всей,
То она — это наши сердца.

УТРАМИ ЗДОРОВАЮСЬ С МАСКОЙ В КОБРАХ

Я никогда не вглядывалась в лица,

Я избранных любила иногда.

И в памяти моей всего страница,

Где имена, и факты, и года.

И все отчуждены, но яркий свет сияет

Сегодняшнего дня.

Ты, о моя надежда золотая,

Прости меня.

И маска на стене — зубастый див Цейлона —

Другая грань.

Надену и приду бесцеремонно

Я на росстань.

В деревне нашей этакие лица

С названьем харь.

«Сюда приехала из-за границы,

Смотри, рыбарь».

В немыслимой толпе узнаю

Одно лицо.

И тут же маска замыкает

Дорог кольцо.

НА СЦЕНЕ

— Все, что ты можешь

Сделать хорошего,

Это не предавать.

В поле, тоскою

Твоей запорошенном,

Молча стоять.

— А ты — подойдешь тогда

И скажешь:
«Страшно твое
Лицо.
Оно из холода,
Дерева, сажи.
Возьми кольцо».

ГТГ

У СТЕН КРЕМЛЯ

Она, история, свелась к тому,
Что люди ходят здесь толпой безмолвной.
Как и себя, ее я не пойму,
Но путь по ровному выдерживаю ровно.
Здесь знаю я не больше воробья.
Тот принимает ванну теплой пыли.
И здесь когда-то молодость моя
Мечтать не смела о добре и силе.
Вот сколько наворочено! Здесь май,
А я снега и горы вспоминаю.
Туманный свой лишений полный край,
Что ближе к стенам древнего Китая.

* * *

Глядя на Ваше лицо,
Думаю я о своем.
Вместе взошли на крыльцо
И обернулись вдвоем.
Тонкая длинная тень.
Месяца лед золотой.
Тихий оконченный день
Сыплется мишурой.
Глядя на Ваше лицо,
Любила я те вечера,

Когда, взойдя на крыльцо,
Думала, что за пора —
Думать всегда о своем,
Которое заключено
В том, что мы здесь вдвоем
И сумрака пьем вино.

ПРОЩАНИЕ

Окончен день.
Не надо больше
Душой и сердцем трепетать.
Весна в итоге — это осень,
И снег ложится на кровать.
То в форточку приносит ветер
От облетевших яблонь цвет.
Сколь же легко мне жить на свете,
Пусть счастья не было, и нет.
Я с жадностью гляжу, как глины
Застыли крупные пласты.
И пенье ласточки старинной
Ко мне несется сквозь кусты.
То по тебе, мой друг неблизкий,
Не надо больше трепетать.
Здесь в одночасье наша пристань
Была та самая кровать.
Но так застлал тревожный ветер
Ее сияньем лепестков,
Что ночи нет, и птицам светит
Ее серебряный покров.

* * *

Брезжит еле
День холодный,

Приглашая погостить
Звезды, зори и свободы.
Здесь бы им затейно жить.
Разом сотни километров
Или тысячи обнять.
Оседлать тугие ветры,
Обращая тучи вспять.

Берега начистить грозно
Хлестким веяньем своим.
Снегом высветить березы,
Пусть их выел синий дым...

Оттого ли этот праздник,
Что был гостем у меня,
Мне принесший песен разных
Сквозь лихие времена.

Мне принесший версты, тучи,
Расстояния размах.
Белый холод неминуемый
На березовых слезах.

Ширь дыханья, блеск лазури,
Массу каменных пустынь,
Колдовавших в танце бури:
«Камнем стань, навек остынь».

Ну, а я взяла и в печку
Побросала больше дров.
Что им сумрачные речи,
Кто сгоранием готов.

Вышла к ночи: небо звездно,
Неземная красота
Для того, кто взял и поздно
Вдруг ушел за ворота.

* * *

Рассвета свежее дыхание
Несёт мне мысль дней твоих.
А в мысли той одно страданье
Да гневом закалённый стих.
В свободном небе о свободе
Тебе ль пристало горевать!..
И мысль простёрлась по погоде
Седые тучи согревать.
И опустилась в водоёмы,
В дорожную сырую грязь.
Мир бесприютный, мир бездомный, —
Лети, Вселенная, смеясь!

* * *

Льда кусок дал ты мне в руки,
Пласт прозрачный и большой.
Расстояние разлуки
Приняла я всей душой.
Таял лед, студя ладони,
Вид пространства закрывая.
Сердце раненое тронет
Птиц летящих в небе стоя.

* * *

Диким я лесом бреду —
Пение птицы со мной.
Улицей грязной бреду —
Пение птицы со мной.
Как я себя берегу
В своем заповедном кругу.
Пение птицы со мной.
Если бы Бог посылал
Душам любовь и покой,
Птицей бы вешнею стал.
Пение птицы со мной.

* * *

В тенях голубых, сумеречных
Прохладно и хорошо.
Тучи уходят беспечно.
Чего ж тебе надо еще!

Они непомерный к востоку
Движут невыпавший снег.
А мне обещает дорогу
Другой и несбывшийся век.

Эти громады такие,
Что тихо ликует душа.
Великой, великой Россией
Вот так равноценно дышать.

А вдруг и любовь соразмерна
Белым громадам вдали...
И это все видится верно
В тенях голубых у земли.

* * *

Темная ночь...
Только пули свистят по степи.
В. Агатов

Говорил о прошедшей войне
И о сумраке дали зловещей.
Пробежал холодок по спине.
Вечер тихий окутывал вещи.
Это было привычно, как все,
Что у нас создает атмосферу.
Чуть проклюнется новый росток,
Обратят его в старую веру.
Сообщая и мрак, и печаль...
А за ними — и снег, и проклятье,
И холодная тусклая даль,
Будто волк, мы которому братья.

Тихо было в просторе ночном.
Тучи массой тяжелой снижались.
Чуть блестели с тоской о своем
Лужи цвета брони, или стали.

Все окутала темная ночь,
И мечтать, и просить запреща.
«Ты ее принимай, коль невмочь,
Посмотри же, какая большая».

* * *

— Вы меня наделите свободой,
Той, что верно дана не для всех...
— Так она и без тайны прихода
Среди нас пребывает вовек.

За околицей и на росстани
Прежде всех пребывала всегда.
Вместе с нею тянули без роздыха
Нагруженные невода.
Отправлялись и в космос, и в шахты.
И не видели ту, что зовет.
Говорили, что вечно на плаху
Мы восходим ради нее.

А она лепестки сыпала,
Жаркий воздух любви неземной.
Натяжение между вокзалами
Многотысячною струной...
И, пути ее выбирая,
Вдруг останешься недвижим,
До того неоглядно большая.
— Как бы знать ее, подскажи...

* * *

Ты уходишь, ты уходишь,
Ты уходишь от меня.

Плачут тысячи мелодий,
Все безмолвие ценя.
Не утешат меня люди,
Не утешат небеса.
Мы с тобою ведь не будем
Дружно жить глаза в глаза.

Ну, а что тебя утешит?
Ведь не теплая кровать.
Через тыщи верст и вешек
Вместе будем горевать.

Будто тысячи мелодий,
Так безмолвны небеса.
Ты уходишь, ты уходишь,
Не смотреть глазам в глаза.

Неужели это случай,
Что посыплет на гроба
То ли камни, то ли тучи,
То ли августа хлеба...

Ты уходишь, чтоб вернуться
Солнцем чаши круговой.
Мне иначе не проснуться,
Не увидеться с тобой.

3 ИЮЛЯ

Ничего не иметь,
Ничего не просить,
И, как будто отсутствовать в мире.
Что-то принялся дождик опять моросить,
Стало сумрачно в нашей квартире.

Здесь начни веселиться —
Ответит огонь,
В старой печке скрываясь крылато.

Пусть ему не протянешь на дружбу ладонь,
Он сойдет за соседа и брата.

Здесь начни горевать —
И опустится ночь,
Многоликое горе скрывая.
Чтоб в муку и хлеба
Его суть истолочь,
Чем-то грубым стучит, завывая.

Отчего ж поутру говорят:
«Ну, привет!
Ты, как будто отсутствуешь в мире?»
Ну, а это пролился из прошлого свет,
Из богатой и лютой Сибири.

Ничего не иметь, ничего не просить,
Но порой получать воздаянье —
Этот дождь,
Что сквозь сумрак пошел моросить,
Это звездных небес достоянье.

* * *

Ты мое безумие.
Это навсегда.
В ночи новолуния
Стонут провода.
Дует ветер резкий.
Плачется печаль.
В алых занавесках
Заблудилась даль.
Скатится и станет
Блеском на полу.
Дальних расстояний
Ветром на балу.
Четыре медных света,
Четыре стороны

Брошу, как монеты,
В явственные сны.
Мне орел подскажет:
Это навсегда.
Засыпают стражи.
Стонут провода.

* * *

Я бы не нашла тебя
И не встретила больше,
Но стеклись родники
И слились все реки
В море,
Которого никто не увидит.

* * *

Я внутри метели воя,
Ночь гуляет за стеною.
Я сегодня не одна —
Я метелью пленена.
А далёко над Москвою
Солнце, небо голубое.
И зачатки мятежа,
Будто там моя душа.
Мрак туда приходит позже —
С белым венчиком на площадь,
Как посланием метели,
Долетевшим еле-еле.
Как-то мы перезимуем,
Эту ночь переночуем?
Горы белы и Байкал
Напряженной льдиной встал.
Может голос той метели —
Есть молитва, в самом деле,

Над несчастными живыми,
Над травинками степными?

В БУРЯТИИ

По зеркалу тоски на гору поднималась.
Все связи от меня ушедшие, вились.
И вновь ко мне, как силы возвращались,
Как будто началась другая жизнь.
Я дернула за нить — и колокол забухал.
И много колокольчиков вокруг
Зазвякали услadoю для слуха.
И вдруг возник сияющий мой друг.
Он близко был — ведь связи возвратились.
И зеркало тоски предстало гладью вод,
Где ветер шевелил гусей плывущих крылья,
Звал будто вновь в томительный полёт.
И медленно вращались барабаны
Паломников; и лиственниц игла
Катилась наземь, под ноги к баранам,
Идущим жертвенно из-за угла.
Затем, чтоб связи обагрились кровью,
Материя питалась и жила.
А то, что называли мы любовью
Растаяло б, как быстрых два крыла.

В ЛИСТВЯНКЕ

Вот, яростно волна пошла, шипя и пенясь,
В лицо. Слепящий круг.
Изысканней всего самозабвенье
Из прочих мук.
Тотчас отхлынула и поманила
На глубину.
Но мы не можем отдавать любимых

Без всяких мук.

Связь небытия и забвения проверена.

Опять шипит.

Опять в лицо мое уверенно

Волна летит.

* * *

160

Вдруг вспомнился арест и белый блеск штыков,
Насколько век другой, и как его прожили.
Насколько далеки — вечерняя любовь
И первая звезда в своей любви и силе.

Я прошлое смогу исправить, вопреки
Расхожему причинному закону.
Оно осталось там — на берегу реки
За пологом снегов и лентою перрона.

Невидимых коснусь забывчивой рукой,
И где-то там, в далёком, невозвратном
Пробудится мечта и неземной покой,
В котором всё великое понятно.

Вечерняя звезда над городом взошла,
И я пойду за ней на зов неутомимый.
Остался дома сын, и крутится юла.
Окликните же вдруг
всех проходящих мимо...

В НЕПОГОДУ ПРИЗРАК «ДВЕНАДЦАТИ»

Морок сталью
Поздней весны.
Ветер прохожих сдувает.
Снег высекает больные сны,
Даль вопиет мировая.
Потеряно: нету царя,
Нет ни чести, ни славы, ни веры.
Поздно. Полно метёт, горя,
Последний стал первым.
На закалённых штыках
Будущее пасётся.
Целуй, предатель, свой серый прах —
Прах не спасётся.
Первопричина, не результат,

Склонны к прощенью.
К действию, к действию, бравый солдат,
И к отомщенью.
Вся на ладони действительность дня.
Не до пророчеств.
Ну, что вы хотите все от меня?!
— Кровушки хотим...

* * *

Любая древность — священный камень,
Но на него не придётся встать.
Коснись далёкого едва ногами,
И не вернёшься доход считать.
А побредёшь по лежалому снегу
В густую темень, в крестьянский дом.
И там накормят тебя, калеку,
Уже не спрашивая ни о чем.
Настанет утро, ступай по свету,
Проси его, чтоб хранил людей,
И чтоб всегда в чистом доме этом
Был хлеб и соль, и кровати детей.

* * *

Неизъяснимой белизны
Чистейшие ступени.
И вот, по ним восходишь ты,
Ведь правда не изменит.
Она сознательно тверда,
Она живая сила.
И корабли, и поезда
На запад уносила.
Она воздвигла столько стен.
И нищее молчание

Подслеповатых деревень
Теперь ее отчаянье.
А потому и велика
Земля, что не отыщешь
На ней грядущие века,
Лишь близки пепелище.
Но, по ступеням восходя,
Вдруг, наконец, иные
Узришь далекие края
И чудеса живые.

* * *

Такой, такой
                                разросся клён
У старенькой избушки.
И украшают небосклон
Барашки-завитушки.
И лёгким пухом я лечу
По улицам знакомым.
Послушна буре, я молчу
В пространстве невесомом.
В таком миру
                                пусть будет всё.
А каменные стены
Природа не берёт в расчёт
Из жажды перемены.

Такой, такой
                                разросся клён
У старенькой избушки.
И украшают небосклон
Барашки-завитушки.

* * *

В сером просвете неба
                                крана движется трос,

Открывая предел измерения.
То, что близко, покинуть,
покинуть пришлось.
Средний план — это тусклые тени.
Это веток качанье и дрожь проводов.
Плавный спуск оторвавшихся листьев.
Шум идущих Транссибом чужих поездов.
Роковое безмолвие истин.
Взгляд на запад — как будто дорога к тебе...
Отчего же скользит он по тучам,
Не опустится к тропам, асфальтам, траве
В плен земных берегов неминуций?
И кружится высокого крана стрела
То туда, то сюда указуя.
А внизу нищих изб рукотворная мгла
Припадает к дороге, тоскуя.
Сколь захочешь, столь будет она далека,
Исчезая в свечении белом.
И уводит она в неизвестность, пока
Взглядом ловишь движение пределов.

ВОРОБЬИНАЯ СТРАНА

Мелкий дождик моросит
Не одно десятилетье.
Как его могу терпеть я,
Летаргичного на вид!
Ни азарта, ни стремленья
Он не сыпал в душу мне.
А одно долготерпенье
В серой, скучной стороне.
Я другую не видала,
А за напастью напасть.

О другом я не мечтала,
Лишь бы только не пропасть.

И однажды повстречала
Друга серенького я.
Предо мною щебетал он,
Наподобье воробья.

И, давай мы с куцый хвостик
Жизнь унылую вести.
Он мне часто преподносит
Зёрна чёрные в горсти.

А в другой раз наливает
Чарку полную вина,
Так, как будто бы до края
Жизнь наполнена сама.

* * *

Со всех сторон пустота земли,
Молчанье земли, молочный туман.
Центральный парк, крепь могильных плит,
И так далеко до морей и стран.

Сухая пыль, серой пены лед.
С четырех сторон только бремя зла.
На горушке храм, обновленный вход.
В нем горят две свечи, что я принесла.

Чтоб увидеть, как жизнь теплится.
Чтоб погреть ладонь о свечей язык.
И опять — в пустоту, где так терпится,
Не споткнется шаг, не сорвется крик.

* * *

Застыли дома на посту
Меж чёрным и белым.
А следующий шаг в пустоту,
Направо, налево.

Ни листиков, ни цветов,
Железны объятъя
Уже пролетевших годов.
В букеты не рвать их.
Запомню костёр у Сармы
Да белую чайку.
Ведь мы остаёмся людьми,
Быть может, случайно.

* * *

Одной моей давнишнею рукою
Расставлены предметы тут и там.
И свет скользит раскрашенной стеною,
Заглядывая в сети к паукам.
Я поняла: высокий, будто солнце — вечернее,
Ты льешь свое тепло.
Я вспоминаю: было восемь с четвертью
И разносился звон колоколов.
Ладонь подставляю — здесь была, и снова
Я здесь одна — как будто не одна.
Пришла сюда к себе из дня другого,
Чей был источник вычерпан до дна.

* * *

Кого бы мне не видеть никогда
Пришел в мой дом, —
А мой ли дом? Моя ли жизнь, когда
Отрезано, и обо мне ли речь?
Пришел: тень легкого испуга мне на плечи,
Как будто опустил яркий шёлк,
Что не дарил никто,
И вот уж вечер.
Закрыты магазины.
Так уйди;
Уйду и я, быть может. Дом, он мой ли?

АНГАРА

Пускай она течёт стеснённо,
Ей планетарный путь был дан.
За этой синей гладью водной
Лучей запрятанный колчан.

Пасть, поглощающая солнце —
Твоё название, Ангара.
Когда-то глыбились бездонно
Здесь первобытные ветра.

Но зацветали твои крылья
В один черёмуховый май.
Весна сулила изобилье
Стремленьем бесконечных стай.

Природа праздновала силу,
Величие высоких гор.
Она сама себя открыла
И сдерживала свой напор.

Она широко распахнула
Свои кипящие века.
И табуны помчались с гулом
Сквозь грозный блеск Громовика...

Задумалась теперь стихия.
Ей б человека наказать.
И воды плавные, глухие
Питают обороты вспять.

Кружит невысказанный омут,
Кружит, мутясь, водоворот,
Кружит в остолбенелой дрёме
За поворотом поворот.

К немому хаосу видений,
Теньями полнящими ночь,
Спешат людей живые тени
Не в силах хаос превозмочь.

Но так же солнце на закате
Играет с верхним шумом рощ.
Внизу мошки пасутся рати,
Стволов облепливая мощь.

Там холода вечерний морок
Угрюмость помнит зимних дней,
Когда скрывались звери в норах,
Державно лёд стоял на ней.

Всегда пути одолевала
В точёном ложе Ангара.
Для неба вечного сияла,
Она ему верна была.

В неё бы кинуться с размаху,
Стать частью солнечного дня.
Стать частью тайн, не зная страху,
Всезнание эхом оброне,

Туда, куда уходит солнце,
Путь света числя в лете вод,
Несущих струи круглый год
В течение времени свободном...

И жизнь у Ангары своя —
И блеск, и темень вод игривых.
И звёзд сияние молчаливых —
Всё путь в далёкие края.

* * *

Вечером солнце искала не с той стороны,
Знать, позабыла, что вечером только и вышла.
Тёмен восток отдающей востоком страны.
Запад, глотающий солнце и жизнь нашу, хищен.
К Амону-Ра у кострища погреться пошла.
Амоне-Ра снизошел за Глазковским предместьем.
Чайки свернули кричащие оба крыла
Запад с востоком сравнялись в полуночи вместе.

* * *

Позолотило верхушки, и почки набухли.
Глаза перелетными птицами небо следят.
О, ни за что не вернутся они к перепутью.
Выбрали небо — а что им еще выбирать...
Севший на землю угод, на траву ледяную,
Плавным паденьем заставил глаза опустить.
Берегом в холоде вечера рядом иду я,
Вдруг оказалось, что с птицею мне по пути.

НА ПРОВИАНТСКОЙ

Русь догорает Великая в улицах наших.
Жадно гляжу на последние дома твои.
Помню я всходы бескрайних чернеющих пашен.
Улицы чёрны и ярко Венера горит.
Вышла старуха из комнат без света и близких.
В серой шубейке на вате, с линяющим псом.
Он, охраняя хозяйку, залаял сурово, и низким
Рокотом басадохнул на темнеющий дом.
Ветром ударило вдоль узловатого сада.
Веткой не дрогнул, но туча накрыла закат.
Нас все забудьте — о, это и будет награда.
Жизнь своя, свой вечерний малиновый сад.

* * *

Поближе к земле,
Заметённой, холодной и влажной,
Осыпанной жёлтым дождём,
Окажитесь в сочувствии важном.
Когда все кругом
признались глобальной игрою,
Забыли себя и при этом
довольны собою.
Поближе к земле?

Вот ступени старинного
  парка,
Точнее, кладбища, где детское
  празднество ярко.
Там холмики, плиты,
  оклады разбитых икон —
Щепую и ломом
в хозяйстве сорок и ворон.
И это над городом —
  на шишковатой горе.
И прах, и покой
  улежались к осенней поре.
И ближе земля и понятней,
  чем небо сырое.
Она всё возьмёт и
  сравнивает, как правда,
  с собою.
А вот вам и храм,
  из земли и вблизи воздвиженный.
Я, верно, найду, как откроют,
  в тоске совершенной.
А почвы лежат —
  чтобы мчаться на взмыленных
  конях.
От века уйти и уйти от несметной погони.
Из праха они, эти верные
  красные кони
А вот и закат — там и скрылись,
  на Калке, на Доне.
А эти иначе ушли —
  пар последнего вдоха
Стал снегом на поле, и вся побелела эпоха.
А эти иначе поднялись — рябины, березы.
Их жар — это сердце,
  что гулко спасает в морозы.

Плоды молчаливы:
вот книги —
они вслед игре не кричат,
Все рядом с огнем
напряженно и зябко молчат.

НА ПОКРОВ

Вчера ходила по старому парку,
Мозг воспалённый студила о снег.
О снега свет, тот, что дерзко и ярко
Упал одиннадцатого в четверг.
Столь всё светилося в веках невесомо,
Что были явственны дни и пути.
Но вдруг старуха из ближнего дома
Взмолила к Богу зачем-то идти.
И всё испортила мне настроенье.
Снег шубой лёг, а она — с нищетой.
И у меня же в кармане нет денег,
Но я же к Богу нейду на постой!
Я всё кружила под пристальным игом.
На гору вышла, где храм над горой.
В ложноклассическом стиле воздвигнут,
Он обновился, массивом большой.
Зашла и вышла. Что празднуют люди?
Зачем им пение в лад и не в лад?
А снег простёрся ликующей грудой,
То был Покров, как и сто лет назад.

ШАПКА БОЯРКА

Поднимаясь по лестнице,
Шапку крутила боярку.
Ступени выщерблены,
снег сыр.

Нити протянулись: запнись, пожалуй,
Сделай то одна, чем то целый мир.
Как глубоко пошатнуться надо,
Чтобы целый мир устоял вопреки?
В выбеленном храме бледная лампада
И двоеперстие правой руки.
Шапку крутила боярку

и медленно

Вверх поднималась, куда спешить?
Шапку уже я эту примерила,
Что нам, боярам, — не сеять, не шить.

Своего присутствия в городе этом
Нигде не заметила вовсе я.
А мимо шел, дымя сигаретой,
Участник этого небытия.

Так было мне просто ничем не томиться
И шапку боярскую молча крутить,
И все потому, что на белых страницах
Труда не составит мне в слове жить.

В СТАРОМ ИРКУТСКЕ

Немыслимое не дано,
И век особый не отпущен.
В зазимовавшее окно
Глядит холодный день грядущий.

И лучше нет, чем тот туман,
Что снег и дождь сопровождает.
Он день, что нам едва ли дан,
Неясностями застигает.

Не открывайся никому,
Идущие по жизни мимо,
Всегда снегов подобны сну
В движении неутомимом.

Закрой от снега и дождя,
От солнца, от луны и мрака
Свои сибирские глаза,
Пусть двор постережёт собака.

Её еще короче век,
Еды особенной не просит.
Сопроводит луна ночлег,
Снегами поднебесья бросит.

Кто мыслил это, как не ты?
Кто неразгаданному внемлет?
Что, кроме чуда высоты,
Тоскою прошивает землю?

Закрой сибирские глаза,
Пусть двор постережет собака.
Амбары полные зерна
И ночь без утоленья мрака.

* * *

Присыпаны старинные деньки
Седого снега тонким перламутром.
И светят неоткуда маяки,
Их свет присутствует, но странно в это утро.

То б мыслил кто, тогда не шел бы снег,
Свет не летел, маяк бы не рассветил.
То посылает к нам не человек,
А случай, что столь отрешённо светел.

Он не намерен явью изойти,
Он движется, часами отставая.
Он медлит, медлит на своём пути,
Пространства снегом, светом засыпая.

Не знает он ни счастья, ни людей.
В него уйти — стать навсегда инаким.
И мы его безлюдью заплатим,
Себя отдав за то, что он ничей, —

И став никем — не тем, чем прежде значим.
И то, что тайно вдруг переиначим,
Не отразят просторы, дни, дома,
Не отразит вселенная сама.

На этих улицах присыпанных, старинных
Темнеют яблони садов и брёвна изб.
В тених сиреневых, насыщенных и длинных,
Душа моя, твой камень наг и чист.

ОДНАЖДЫ

Которым, миг иль вечность, всё одно,
С такими же, столь жадными другими,
Одна ли буду пить вечернее вино,
Со мной твоё ль неназванное имя?

Когда предстанет миллионолетье,
Его ль я изреку, иль обниму?
Иль эту лампочку, что тускло в чашу светит,
Я теням передам в своём дому?

В хаосе ветра, туч и темноты
Я ли увижу вихрь уносящий,
Или увижу призрак бередящий,
Который неназваннее, чем ты?

Толпа людей твердила об уходе,
Как будто поле хлеба в сентябре,
Иль то была луна на утренней заре,
Предвидя невернувшееся вроде?

То ль солнце пило из огромной чаши
И выпило до дна весь день вчерашний,
Другой рукой сегодняшней лия,
И так мы дожили до октября?

И так, кружа одно непониманье,
Я назову ль твое все неназванье,

Как пар, летящий из горячих губ
На холод, тот, что остовами груб?

Как гулко-ржаво баржа отдавалась,
Звуча нагой, а я идти пыталась,
По этим водам цвета кирпича.
Неназванное следом не крича?

И вот, мы пьем вечернее вино.
Так быстро, как не тает сновиденье,
Ну, подожди еще одно мгновенье,
Плесну еще лет миллион на дно.

НА ПОЯВЛЕНИЕ ФОНАРЯ

В нашем дворе появился фонарь.
Вьюг было много, дождей и туманов.
Встанешь, бывало, безвременно рано —
Чернильная ночь
                        безнадежна, как встарь.

Окна на центр, на площадь, где власти.
Там революция белых сметала.
Чайки летят напряжённо к Байкалу,
Пули из прошлого, серебряной масти.
Медленно движутся. Страсти остыли.
Надо птенцов выводить и рыбачить.
Люди, живущие жизнью собачей
Снизу глядят — о собаках забыли.
Раз — и фонарь эстетически прочный
Встал, будто чудо, в дворе нашем ветхом.
«Глядишь, и зажжется, —
мечтают соседки, —
Может, к зиме. А к весне, это точно».

Такой здесь свет! Откуда?
И тёплый, и густой.
Как будто светят руды
Глядящему в забой.
Такого не бывало
У нас сто тысяч лет.

В овал зеркальный зала
Ударил сильный свет.
А это загорелся
В пустом, ночном дворе
Фонарь с открытым сердцем,
Как Данко на костре.
Опально светят звёзды,
И солнце, и луна.
О, плачьте, плачьте гроздя
Зелёного вина!
У нас теперь добрейшая
Есть городская власть.
Фонарь она навешала,
Что не смогла украсть.
И заматались люди,
И не смогли уснуть.
«Такого не забудем,
Что освещает путь!
Вослед слепащей ночи
Мы славно заживём.
Пусть озаряет кочки
Под ветром и дождем»

УТРОМ ПЬЯНЧУЖКИ ПОРАДОВАЛИ

Утром пьянчужки порадовали.
Перфильев. Нагорнов.
Забрались в автобус полный:
«Везите бесплатно!»
Солнце залило тучи. Лёд растопило.
Водитель работе адовой
Рад: везет пьянчужек он
Не за деньги.
Не раб. Свободен, как солнце.

Спины в снегу. Бородки. Очки.
Антиллигенты. Писатели.
Чирикали. С ветки упали.
Я рада: знакомые.

ЧИТАТЕЛЮ

В тебе всегда живёт поэт,
Всегда живёт чудак.
Но ты его не слушай, нет,
Ведь жизнь его пустяк!
Построй свой дом из кирпича,
Не из летящих туч.
Тогда и сможешь различать
Кто слаб, а кто могуч...
Но вот в окне, на пустыре
Мотается снежок.
Бродяга сушит на костре
Замызганный сапог.
Душа метётся и горит,
Глядит сквозь камень толщ.
Так для чего твой дом стоит
В оцепененье роц?!

СУТРАПЬЯН

Расточающего
Вряд ли напугает слово смерть.
Так сапожника тачающего
Винный кратер не страшит.
Всё отдавший всем доволен,
На пиру буянно волен.
И тачающий сапожник
Всем кидает сапоги.

Ну, а ты, вещей сбиратель,
Умоляющий: «Дай Боже»,
Быть веселым не моги.

Я СЛУШАЛА ВОЖДЯ,
СКРЫВАЯСЬ ОТ ДОЖДЯ

И тут я поняла:
Могу я речь любую
С трибун и всех щелей —
Нести.
С утра я веселюсь —
Я пыль.
И суть другую
Мне не перенести.
Но вдруг, о, ужас!
Вырастают крылья,
Что больше самых крупных площадей.
И я лечу, лечу, лечу
И что ни говорю я —
То всё оно о широте моей.
И всё оно о лёгкости полёта.
Мечтает пыль о чём-нибудь другом?
И все слова забылись, и свобода
Одна осталась вдруг в движении моём.

* * *

День тянулся всепрощенья
Скучно-скучно, как итог.
Но явился злобный гений
На зачищенный порог.
Мы его встречали с лаской,
Оставляли на весь год.
Были счастливы, как в сказке,
Что узнали мы его.

Обозвал. Ругался. Проклял.
Вот бывают чудеса!
Я его не позабуду:
Встали дыбом волоса.
Снова скучно всепрощенье
Растянулось на года.
Приходите, злобный гений,
Будем рады вам всегда!

* * *

В этом городе лунные корни
Берез, тополей, ив, ольхи и рябины.
И расходятся нити дорог из их сердцевины.
И сплетаются где-то в задумчивый ворох тревог,
И является гость на алмазный порог.
Он купец из зеленого века, когда
Не дымили машины исчадием труб в города.
Он не купит у нас овеществленных кучу рабов,
Ни пеньки и ни мыла, ни бросовых ивовых дров.
От времен к временам переходят лишь чистые нити идей,
Что в лампадах сгорают сдавивших шатанья ночей.
Подступает, чернея, к свеченью вода.
Не уснет, озарясь, никогда, никогда.
Тот купец унесет в потемневшее прошлое свет
И останется в комнате башня зеленых монет.
Знак Луны нарастающей — лодку качать
Что с приливом вернется, пустая, сучать.

В ИДЛ

Приходишь туда,
где всё было
наполнено шумом.
В те комнаты, где
Голоса раздавались вчера.

Сегодня же здесь
Поглощающий сумрак,
И многие, многие, многие
Смолкшие вдруг вечера.
Грохочет трамвай за окном.
Не об этом мечталось —
Мечта тишиною живет
И парит в тишине...
А вот посетитель —
Сошел он с трамвая устало,
Явился, неслышно пройдя коридором,
Ко мне.
И всё закружилось.
Всплакнули осенние листья.
Взлетели на ветер.
И светлый возник ураган.
И сумрак исчез.
И тогда посетитель отметил,
Что здесь он один —
В этих комнатах
Сбывшийся сам.

ШОУ СИН,
БОЖОК ДОЛГОЛЕТИЯ
Кругла собою в небе полным,
Луна скользила над Иркутском.
«Существование недолго», —
Шептали мертвецы ей грустно.
Наш Шоу Син покров древесный
В музее от жуков берёт.
Он за витриною чудесной
Стоял, приветный старичок.
Луна, других опережая,
С ним в тонком счастье слилась.

И в зеркале помчалась стая,
Для их, а не для прочих глаз.
Особенной пропитан смесью,
Уверен славный Шоу Син,
Что он не станет жертвой мести
Или изверженных лавин...

К нему как ласточки летите
Снов многолетие вкушать.
Полунощный узнает зритель,
Как выходить из-под ножа.

Души шафрановую кожу,
Прямого сердца абсолют
Светила ночи не сожгут,
И времена не уничтожат.

Сгорели рощи и леса —
А Шоу Син себе остался.
И этот случай показал,
Чему он сладко улыбался.

И, если будет новый стих
Как светоносная порфира,
Переживет тома иных,
Само существование мира.

Как совершенство превзойдет
Любые дни над темью бездны,
Так безмятежное спасет
Век этот в лязганье железном.

СТАРЫЙ КОСТЁЛ

Слушаю старый орган,
Чёрный, глубокий рояль.
День, что под ветром сгорал,
Пеплом и песнею стал.

Где я сейчас нахожусь,
Это сибирская Русь.
Мелодия даль открывает,
Флейта полет провожает.

Течет под упругим напором
Река к голубиным просторам.
Слушают жесткие кресла
Мощную, быструю мессу.

Наглухо заперт портал.
Тяжелыми были потери.
Молча расходится зал
Сквозь неприметные двери.

Выбежал юный флейтист
В белой рубашке и жадно
Курит и смотри вниз
На катер, причаливший рядом.

* * *

На синий берег Ангары,
Где волн парящих трепетанье,
Глядит звезда вечерней ранью
Глазами утренней поры.

Она даёт ненастья свет
И нелюдимую усталость,
Непокорившуюся жалость
К безумной очереди лет.

Как мироздания дары
И бесполезны, и бесплотны,
К существованью непригодны...
Но всё же правду говори!

И будем мы с тобой идти
Едино, длительно и нежно,
Невыносимо безнадежно,

Траву сминая на пути,
И, наконец, нас разлучат
И берега, и расстоянья,
И навсегда соединят
Часы бесплотного страданья.

* * *

Таинство знаков светит судьбе:
Это тебе и это тебе.
Легкие крылья — возьми и неси.
А понесут — значит, Боже спаси.
Белые полосы, крест золотой
Всюду по городу с тихой ездой.
Двери впустили и лестницы шёлк
Тянется к небу так хорошо.
Что ж, и обратно в ту узкую дверь?
Пусть остаётся она для потерь.
Образы чистые знаки несут.
Истины низкие черви сосут.
Линий округлость, цветов аромат
Листьев трясущихся выдадут сад.
Лист устремленный поток подхватил.
Сопротивляться не было сил.
Дома поставишь в вёдрах воды.
Той, что не выпили травы, кусты.

* * *

Я развешивала чувства
По зелёным берегам.
Говорила в хмарь Иркутска:
«Никому их не отдам».
Их пронизывал и ветер,
И свет ночи, и свет дня.

Что ж! на целом белом свете
Нет пронизанной меня.
Мне б опять на влажный берег,
Где есть воля, ветер, свет.
Обернусь, глазам не веря:
Ничего другого нет.

* * *

Люди бормочут под шапками снега,
Улицей Маркса бредя.
Их неустойчив мышления вектор.
Он и туда, и сюда.
Так и снежинки — сдуваемы ветром,
Метят не в урну упасть,
На многие тысячи километров
Разом пурга поднялась.
Стало невидно всё новое-старое,
Близко один Карл Маркс.
Дедом Морозом с заплечным товаром
Встал он для нищих масс.
Его ль мы полюбим на улицах центра?
Синий растущий сугроб?
Злые порывы восточного ветра?
К рынку схождение троп?
Любовь нарастает к снежинке искристой!
Вот и согреем её.
Самого чистого, самого чистого
Хочет зимою народ.
Ни цен повышение, ни жезлов движение
С цели его не собьют.
Радость-весна в алых лентах цветения
Всех ожидает как жуть.

* * *

Говорить о себе —
Всё равно, что напиться.
И поэтому я, обойдя городок стороной,
Побежала в пустыню души утопиться,
То есть, рано вернулась из центра домой.
А окно моё в центр как раз и выходит.
А окно и глядит от вершины седьмого холма.
А верхушки деревьев
скрывают и пруд, и колодец,
Утонуть в синем мраке луной бы сполна.
Я в себя заглянула: там нет ничегошки.
Так о чём говорить, говоря о себе!
Пусть вон там надывается чья-то гармошка,
Уходя от судьбы, замыкаясь в судьбе...

СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ
ПРИ ВИДЕ МИЛИЦИОНЕРА И СОЛНЦА
НА УГЛУ УЛИЦ ЛЕНИНА И ТИМИРЯЗЕВА

Солнца луч ударил с туч.
А внизу — милиц"онер.
С жезлом, с белой кобурой, ой.
Он, на радость нам, прохожим,
На прохожих непохожий.
Строго, строго он стоит.
А Солнце ласково светит.
Когда
        есть порядок,
                люди очень рады!
Солнце крутится так верно,
А милиц"онер примерно.
В небе, на земле — мажора.
А милиц"онер — он Жора.
Он автобус, полный люда,

Вдруг остоно-стон-овил.
И водитель
Нарушитель
Прямо в небо воспарил.
Вышел люд и разбежался,
А милиц"онер остался.
Вам расскажем по порядку
О порядке.
Солнце! Милиционер!
Солнце! Милиционер!
Солнце! Милиционер!

2009

* * *

Стали строить дом у окон,
Резать горизонт.
Просквозил сплошным потоком
Сквозь квадраты он.
Кран ушёл, ушли прорабы.
Всплыли рытвины, ухабы.
Кто достроит дом?
Должники кругом.
Вы кредит берите в банке.
Покупайте лучше танки.
В них не только можно жить,
Но ещё везде ходить.
Сообща ходите дружно,
Государству это нужно.

* * *

Ты обойдешься малым
В системе бытия.
Синицей и пожаром —
Картинкой букваря.

Пройдут гиганты мимо
Железами гремя.
У них, неутомимых,
Другое полымя.

Сусальные игрушки
На елочке — тебе.
И сон, что из подушки,
И супчик на обед.

Гиганты ненароком
Последнее снесут.
Не зацепляйся оком,
Освободись от пут.

Зачем топтать им нужно
Какой-то нежный хлам?
Зачем бередят душу,
То не постичь умам.

Но ты, такой же малый,
Как птичка воробей,
Грозишь жестокой карой
Меня унять скорей.

Ты с ними — ты с большими.
Большущие дела
Тебе приносят имя,
И кружится юла.

Задорная игрушка
С рубиновым бочком.
И хлопает хлопушка,
Которой нипочем.

Из комнатушки глянешь:
Ан, спрятался гигант.
Ужель не прикарманишь
Веселый бриллиант?

Ф-ОЙ

*«Я написала стихи к Новому году. Все были
в восторге. А еще у меня опереточный голос.
Вы могли бы на мне деньги зарабатывать...
Только попробуйте мои стихи где-нибудь
без моего ведома использовать!»
Ф-а (Черемхово, звонок, пьяна)*

Мы, небожители, живем
В высоком сумраке заката.
И щуримся мы виновато,
Когда рассыплется ваш дом.

Мы, небожители, живем
В ночном тумане бесприветья.
И мы туман на землю льем,
Чтоб потерялся след столетья.

Мы, небожители, поем
Утрами зори и граниты,
Чтоб мир стоял легко и сыто
Иллюзией, разлитой в нем.

А среди бела дня бела
Холодная равнина неба.
И, если кто еще там не был, —
Там нет накрытого стола.

* * *

Я опустилась в туманы Иркутска.
Прежде я здесь не жила.
Сто неизвестных — это негусто
Для умственного стола.

Все разложила в коробки и папки...
Ложь — небывалая ложь!
В бумагах бардак и часы не в порядке,
Нужную мысль не найдешь.

Сто неизвестных — а вот и дорога
С четким узлом колеи.
Близко развязка — осталось немного.
Уйдет единица, оставит нули.
Будет разъято, что прежде невнятно
Весь порождало туман.
Один — это снежное, нуль — неизбежное
Бульк одного в океан.
Сто неизвестных — это прохожие,
Идущие в лоб, за спиной.
Скроет туман их гримасы несхожие.
А ты, единица, постой.

Академсад

2 МАЯ

Вдруг ветер налетит —
И тучи чередой.
Стихи пойти писать?
То станется со мной.

А вот и снег
По зелени метет.
Вой в небесах —
И это мне идет.

В дни безмятежные
Душой теряюсь я.
А тучи снежные —
Всегда мои друзья.

Ладонь снежинку
С неба подберет —
Она растает —
Сердце запоеет.

Пора бросать лопату —
И домой.
Замерзну скоро
С такой весной.

В АКАДЕМСАДЕ

Для медленно ступающих быков,
Перуновых быков тучнорожденных,
Для них, идущих к полю с облаков,
Осенний дымный день к зиме сожжённый.

Он действие моё остановил,
Вливая синим ядом чашу неба.
Он сон ночной поры предвосхитил,
Сковав из золотого стержня скрепы.
Он столько плодovitого вобрал,
Он сдвинуть воз наполненный не в силах.
И разум мой чудовищам отдал,
Чтоб только о великом говорила.

* * *

Сколько было самых тайных,
Не запомнились глаза.
Лед в окошке намерзает
И темнеет бирюза.
Были жарки, будто полдень,
Но собой поглощены,
Оставляли берег, полный
Света месяца-луны.
Мой не тот был, что на веслах,
А который, молчалив,
Уронил покров свой звездный
В затуманенный залив.
Мой был самый-самый дальний
Будто дальний горизонт.
До того чужой и тайный,
Не приснился даже он.

* * *

Быстро в небе гаснет след инверсионный,
Долго поспевает горькая калина.
Желтые купальницы слепотою сонной
Отзвукам кивают песни петушиной.
Голубое марево до земли пронзило
Каждую травинку и цветок горячий.

Небо отворенное я о том спросила,
Чего мне не добиться от судьбы незрячей.

Есть края другие, где меня заждались,
Как бы мне покинуть этот летний край?
Не меня ль поддержат облачные дали,
Если всем скажу я вечером «прощай»?

Яростное солнце высушило травы,
И не шепчут ивы сказки забытья.
Но высоко в небе холод да забавы
Гаснувших безмолвий, свет небытия.

* * *

Число в пространстве непрерывном

Есть непрерывное число.
И я, и ты, и лист крапивный
Тем постоянны, всем назло.

Как ставень скрип холодной ночью,
Я численность слежу воочию.
Она, представшая повсюду,
Едва ли что-то скажет люду.

Считает нищим он себя,
От множеств к множеству гребя.

Всё дальнее слилось с пространством,
Несомое легко-легко.

И постепенно постоянство
Восходит к звездам высоко.

Но ставень скрип сегодня ночью,
Но гость в снежинках полуночных,
Но пролитое молоко...

А Леонардо говорил:
Прерывно, — и стрелял из пушек.
И много выдумал игрушек,
Чем Дух и Вечность удивил.

Когда покинешь расстоянья,
Из непрерывности желанья
Построишь нечто на песке,
То сон увидишь в озерке:
Причаливают мыслей гости,
Волнуются их корабли,
Бежит прохлада от земли,
От наклоненной к звёздам оси.
Воскликни: где ты, тот, кто ждан,
Кто из числа других желан!
А это Бог? Он всё пространство,
Он всё, он, мира постоянство,
В отсутствие небес тепла
Явился людям без числа.
Тем страшен, потому невидим,
И всюду трепет — флагов, рощ.
Сквозь колыхание калиток
Идёт холодный мелкий дождь.
Вот разрешение, наконец:
Прислал тебя ко мне Творец.
Закрылась книга Леонардо.

* * *

Я угождаю червяку —
Пишу надмирную строку.
Я удобряю пастернак —
Растет на даче тайный знак.
Меня оставьте, где свобода,
Где мы отчаянно молчим.
Где принимает нас природа,
Даря цветы, что ей дарим.
... Подбор словес я превзошла,
Родятся знаки без числа.

* * *

Я слишком много видела вне слов,
И не ценю загадочное слово.
Вот синий вечер в блеске огоньков,
Где все дома закрыты на засовы.
Иди, насвистывай, и будь никем-ничем,
А будешь с именем — в проклятое низринут.
Я жизнь замкнутую выбрала затем,
Что прежде ту увидела картину.
И вот, иду, насвистывая то,
Что не нуждается в словах и оборотах.
Хоть оберни проценты на все сто,
Опять в ночи не видно никого-то.
А запах настигает пеленой —
Тот аромат, что поглощает сердце.
То куст жасмина, выращенный мной
Перед крыльцом и дачей с ветхой дверцей.
Предметы сдвинуться и мчаться нороят —
На запад, за сверкающим сияньем.
А предо мной мой бессловесный сад,
Что солнцу шлет вослед благоуханье.
И все дома закрыты на засовы
В краю, на лето красное суровом.

* * *

Вечер этот — сырая дорога,
Что к заливу ведет.
А поднимешь глаза ради Бога —
Туча пепельный дождик прольёт.
— Ах, зачем ты ушла от порога!
— Мой порог там, где холод вод
Лижет вольно ступени порога.
Опускаешь глаза — ведет
До залива сырая дорога.

ЧИТАЯ БЛОКА, ИЗ 1907 г.

1

Бросаю листики в костёр
И ветки яблонь и рябины.
Осенний стелется узор
По сырости неодолимой.
Какое тонкое крыло
Тысячекратно повторилось!
В своём движении свело
Всё к одному и обагрилось
Тем самым сведущим огнем,
Что алым парусом казался.
Любовь и жизнь сгорели в нём.
Том торжествующий остался.

2

Кто хохотал, кто улыбался.
Остался свод великих книг,
А путник в даях потерялся.
Молчанию подобен крик.
Кто говорить и не привык
Тот лучше б к роднику приник
И мёдом диких пчёл питался.
Ведь, стоит воплотиться в слово,
Как всё и грустно, и не ново.
А вслед за тем железо, крик...
Сожгите вырванный язык!
Я молча листики сжигаю.
Молчу, как будто бы рыдаю.
Мне всё равно — то есть листва
Или высокие слова...

* * *

И прозревать не надо:
Преданы.
По белым белое белым.
Немые царства заповеданы
Всем умным, гордым, молодым.
Они задумались, задумались —
И онемели, и вот так
Ждут верным тайное послание,
Какой-нибудь весомый знак.
Но время змейкою вливается
И жалит ноги и виски.
Так пой же, пой хоть о пожарище,
Не то подохнешь от тоски.

* * *

Как жить? Я на краю: всего.
Но вспомню, так ли было?
И было ли когда и глубоко, и мило?
У бабушки в саду, у бабушки в доме
Когда лишь настоящее томило:
Как падает вдруг дождь,
Когда восходит рожь,
И как цветут цветы неугасимо.
И чтобы никому не нудить в том доме,
Пусть все, кто там ни есть, проходят просто мимо.
К обеду позовут, все вещи назовут,
Иди потом, забудься, в том, что мило.
И снова я одна, и снова дерева
Поют они, поют
О том, что сердце скрыло.
А нынче на краю, куда я ни пойду.
И кто бы им ходил, когда б я не ходила?
И вот, одна в лесу, слежу, как на росу
Спадает тонкий луч, и лес молчит уныло.

* * *

Чёрные вишни с блеском луны —
Ночь в глубине листвы.
Волглые ветви твои теребя,
Вспугнув задремавшего воробья,
— Я открываю тебя,
Ночь в глубине листвы.
Дом открывают мои ключи.
Мечется пламя моей свечи.
На сером металле блеск свечи,
блеск луны.
Такими тонкими не бывают сны,
Таковыми не помнятся сны.

НАРЦИСС

Когда открывал человек в себе человека,
То лучшее, что он придумать, наверное, мог,
Ловить отражение в омут скользящего века,
Космический сумрак асфальтовых низких дорог.
И боги, что дали ему беспечальное имя,
Бруснику и белок, снующих по кедром и мхам,
Решили, что он увлечётся такими хорошими ими,
А он увлекался всё боле собою неведомым сам.
Искусства создал, производства,
чтоб книги печатать,
И все о себе, для себя, и чуть-чуть без забот.
Но что-то так много кругом, так много
нежданной печали,
Что с именем столь беспечальным ему не везет.
Гляди же, гляди же в зеленую воду заката,
Покрытую патиной медь, остановленный ритм квадриг.
Там нет человека, там не о чем мыслить и плакать,
Создатель уходит в создание, собой многолик.

Глядит человек на зеркало серебряной глади.
Не видит себя, а прекрасный лилейный цветок.
И медленно, медленно, будто бы в школьной тетради,
Метаморфозы ему преподносят античный урок.

* * *

Туча густела, на запад смотрела я,
Хор на восток.

Солнце его поднималось к зениту,
Вращаясь свободно.

Передавала я в руки другие
Тот белый листок,
Где обнажение было
Вакхически единородно.

Тут прошумели деревья —
Бескрайние рощи,
Хоры тайги
И урочища алых цветов.

Птицы пропели и вслед
Наступающей ночи
Благословили
Представшую грозно любовь.

Месяц из туч
Волновался, блестел бесконечно.
Своды качнулись,
И дождь свои копыта послал.

Там же, на западе,
Солнце востока беспечно
Жадно пылало,
И хор, прозвучавший, пылал.

* * *

Когда едва закатывается,
Зажгу костер на память лет.

Его дымящая аллея —
Всем ожиданиям ответ.
Тут шторм обрушится на море,
Заденет всполохи огня.
И понесётся все бывшее
В кипящем вихре на меня.
И нет вечернего тумана.
Кострище люто и черно.
Горячее, как сердца рана,
К ночи обуглится оно.
Вновь дунет ветер — и черемух
Осыплет легковёрный цвет.
Кто скажет: «На тропе знакомой
Покоя нет и счастья нет»?!

* * *

В сияющую чистоту
Душа-страдалица уходит.
Она оделась по погоде
В торжественную немоту.
Ее призвал к себе Отец
На пир всеведенья немого.
Попробуй, вытащи хоть слово,
Иль восклицанье, наконец...
Сажала зёрна и кусты,
А в небесах дрожала птица.
Наверно, ангельские лица
Заслушались из темноты.
На грядке расцветал пион.
Земля заполнена до края.
Так отчего ж душа страдает?
— Предчувствуя конец времён...

Поэт и поэзия

* * *

Лечил морозом утонченный нрав,
Скитался в дикой Скифии Овидий.

А ныне здесь живущие без прав,
Без шкур звериных в самом нагом виде
Остались для чудовищных забав
Невиданных правителей заморских
О трех и даже о пяти рогах.

Ступают по земле, как дым прогорклой,
В Отечестве на двадцати ветрах,
Не меч вздымая к небу — отговорки ...
Не станет мрамором столь униженный прах.

* * *

Я книжку бросила небрежно: моя.
Шёл
Первый белый, неизбежный снег ноября.
Да разве первое забылось?
Оно, они...
И снова мы с тобою сбылись,
Как жизни сны.
И тайно отзвуки змеятся
Давнишних лет.
Кругом галдят...
Давай смеяться,
Ведь ты поэт.
Со мною тайной обручённый
Былого дня.
О, белый, белый, белый, чёрный
Засыпь меня!

КАК ПИШУТСЯ СТИХОТВОРЕНИЯ

Сначала от глади воды
Поднимается пар
Туманных и прочих
Подобных тому состояний.

А вот уже туча летит,
Отражая пожар
Заката воды
И ее неземных упований.

И падает капля,
Прозрачная капля стиха.
И гладь, что забылась,
Ее принимает, тиха.

ЧИТАТЕЛЮ

Писатель напишет, а кто прочитает?
И слово его сокровенное тает.
Туда же уходит, откуда пришло.
Такое пустое его ремесло.

Как зарево древний, как осень сквозной,
Страдальческий дух его тоже пустой.
Что делать — не знает сапожник души...
Другое занятие ему подыщи!

А, может, сам станешь писателем вдруг?
Охватит тебя этот тяжкий недуг.
У правды всегда молчаливы уста.
Пиши ее муки с пустого листа.

* * *

Я выхожу за пределы круга.
Я в пределы слов ухожу.
Где был друг — я оставила друга.
Я запредельному принадлежу.

Я далеко простираю слово.
Сердце щемит, что я не здесь;
Сердце со всеми быть не готово,
Ловя далекую чудную весть;
Что, как грома в местах творенья,
Но долетает тихой молвой.
Так и вот это стихотворенье,
Вовеки непонятое толпой.
Я и не здесь, и не там в итоге.
Но точно знаю — вышла за круг.
Простерлись туманы и пыль дороги.
И, верно, предал меня мой друг.

* * *

На юге расцветают орхидеи...
Сегодня оттепель. Слетелись воробьи.
Капелью мелкой под окошки сеет
От Селенги до Маны и Оби.
Волной несёт азийское цветенье,
В сугробах загораются цветы...
В меня кидаешь камни обвиненья,
Как лютый волк из края мрака ты.
Всё ярче и сильнее отголоски
Далёкой неизведанной весны.
Всё злее ты в меня кидаешь россыпь
Своей уничтожающей вины.
А я гляжу сквозь день за океаны,
Мне дальнее о давнем говорит.
И пар земли восходит неустанно
Туда, где в каждой капле луч горит.

* * *

Я для вас далёкая звезда.
Я не грею, свечу единицам.

И мои высокие года
Миллионолетье могут длиться.

Ну, а это значит, всё равно,
Что-нибудь огромное да будет.
Я смотрю в осеннее окно,
В оптику меня не видят люди.

Жизнь меня поверхностно коснулась.
А теперь уж осень на дворе.
По погоде я переобулась,
Стала думать о своей поре.

И пошла шуршать листвою палой,
Так похожей на скопление звёзд.
Миллионолетия, верно, мало,
Чтоб пожить привольно довелось.

* * *

Нет ни имени, ни угла,
А кругом расстилается мгла.
Поле серое в мраке ночном
Дни выстукивает ключом.
Прочитаешь сказания их...
Ну, а как их во тьме прочитывать?
И кому их во тьме рассказать?
Полю серому расскажи.
Встань на камешек для души.
Чтобы холод ночей вспоминать...
Темень с ветром несутся вспять.
И тихонечко колют глаза:
Жить иначе нельзя!
О, во мгле, на земле, на заре
И в дремучем седом январе
Без названия, без тепла
Хороша необъятная мгла.

* * *

В покорном мире невезенья
Зачем поэзия живешь?
Не твой ли это острый нож
Для осязания мгновенья?
Полуголодный тон ветров,
Упавших оземь с крыш далёких?
Пусть будет мир всевечно нов,
И в нем не будет одиноких:
Чтоб одиночество ценить,
Труху полуистлевших хижин.
Ведь разом всяк, кто здесь унижен,
В дворце роскошном жить готов.
Давайте так — чтоб без зеркал.
И — никогда не отражаться,
И потому не унижаться.
Всех поиск истины достал.
Там проявляется не суть,
А то, что власти понесут.
Зачем поэзия живёшь
В покорности долготерпенья?
Увязнув в паутине, бьёшь
В высокий колокол забвенья?
Пускай приблизится тот час
Когда большое вспомнит нас.
Но для того нужно единство.
И поклонение огню.
Ничто само не совершится,
Но свет его, как солнце дню...

КАМНИ ПИСАТЕЛЕЙ

Кидают, кидают камнями в безмолвье мое.
В мою тишину.
За то, что не с ними,

поющими громко расстрельные песни.
Вон, полную чашу камней накидали —
И переполнилась чаша.

* * *

Что с моею головою?
То же, что с моей судьбою.
Будто некуда идти.
Камни, камни на пути.
Что же их не расчищала?
А судьба опять кидала.
Не нашла пути другого.
Слово — память дорогого.
С этим словом шла да шла.
А вокруг сгущалась мгла.
Но яснее и яснее
Камни видели глаза.
Сотворила истукана,
И ударила гроза.
Я его сложила снова.
Как каменья собирать?
Жизни твердая основа —
Все равно, что благодать.
Он стоит горой высокой,
Вьется птица высоко.
Светят звезды яснооко,
Льют на землю молоко.

КЛЕВЕТНИКАМ

Я уже не пойду на то, что было.
Вот он, ветхий мост и гнедая кобыла.
Перейдешь — или в жухлое поле будыльев,
Или в схлынувший лес, где вороны всесилье.
Я уже не пойду — а стою посредине
мосточка.

Он качается, будто болотная кочка.
Золотая вода в трясины стекает
Из чашоб родника — дуга вот такая.

И смотрю я вниз на холодные воды.
Ни в один, ни в другой край не будет исхода.
Вот и сумрачный день разгорелся, печалюсь.
Ему мост, что не мост — широко шагает.

Так иди, так иди же со днями вместе.
Далеко или близко, но надо брести.
Позади толпа уже насаждает.
И с другой стороны гурьба большая.

А внизу бурлят ледяные воды.
А сверху закат — то уходят годы.

В РОЖДЕСТВО

Празднные дни для поэтов и скрипок как раз.
 Дышит всё сказкой, и скованы дни
 льдом хрустальным.
 Длится вне времени в дали развёрнутый час,
 Будто он сам мироздание всем беспечальным.
 В доме Отца всё всегда наяву под рукой.
 Вспомни его и увидишь — он высыпал много.
 И никому не сказал: «за богатство постой»,
 А развернул в серебре ледяную дорогу.
 Сына родил и назвал чудеса Рождеством.
 Прочного сына, чтоб креп он великою кровью.
 Солнце красно над вокзалом и медленным льдом.
 Брачное ложе, прими его кротко с любовью.
 Ложе ночное и солнце заката тепло.
 И, наконец, будто бы навсегда потемнело.
 Полон доспехов и копий запёртый острог,
 Славься над миром снегов незакатная Дева.

* * *

Что за новость откровенья —
Нет ни проблеска огня.
Прямо в ночь стихотворенье
Убегает от меня.
Там встречается с бореньем —
Быть ему или не быть.
Поутру одно мгновенье,
Чтоб лист белый обнажить.

Символ

* * *

Символ не знает тленья...
Руку тебе не пожму.
Вот оно, измеренье,
Не нужное никому.

Краски залиты ровно —
Таинство кто совершил?
Не телец и не овен,
Не золотой крокодил.

А человек и подавно
В ничтожестве зрея пустом,
Короткую свою память
Топит в одном своем.

Что ж ты смотришь, предатель,
Гением зная себя?
Дает тебе твой податель
Зернышко и воробья.

Которые символ нетленья
И несближенья в нем.
И абсолют терпенья,
Что подлинно познаем.

А сколько волнения в штандарте,
Полощемом на ветру?
Легко городам на карте.
Возьму и на карте умру.

Оставлю свои вериги
На дне холодной реки.

Мне говорили книги:
Великое изреки.
Гудела эолова лира:
«Ты станешь одной из нас»
Охватывая полмира
Мой проплывает час.

ЭТО Я

Ветер сдует
Книжную пыль столетий,
Книгу мою откроет:
«Вольному воля».
— То обо мне.
В танце вихря
Закружит ее страницы,
В пустыню гор унесет.
Горы прочтут:
«Сильные вечно хранят».
— Это о нас.
Солнце, купаясь
В прохладе древней, увидит:
«Что свет без тьмы?»
— Это я.

* * *

Книги — это пространные письма
Из темницы огромной души.
Остающейся сном платонизма,
Ей — серебряные карандаши.
Рассказала — и снова закрылась
Кровью слов в полумраке бежать.
Словно зеркало, чисто умылась,
Но того никому не видать.
К инобытию приготовясь,

Никогда ж ты с людьми не проста!
Недоступная знакам повесть,
Быль белее листа,
Улетела, а, может, осталась —
Недоступно и то никому.
На ступеньках аэровокзала
Я упавший билет подниму.

* * *

Последние — они и первые,
Дни в полумраке золотом.
Страна со вскрывшимися нервами
Заголосила за бугром.

Последние — они и первые.
Что начинать, а что кончать.
Кончайте всех. Здесь все неверные.
На всем проклятия печать.

Тогда и можно начинать.
Последние ведь станут первыми.

* * *

Скоморошиной припорошено,
Слепошарым проклятьем присыпано.
Ветхим камнем
С окалиной белою не рукою
В окно мое брошено.

Отделилась от всех, подзапраталась.
Укатилась неясным комком.
И сию теперь горю радуюсь
Под своим сталесплавным замком.

Выходить в неисходное некуда.
Говорить неисходное незачем.
Так давай, этим радужным вечером
С рук накормим синицу и беркута,

И сову, и сапсана, и кречета.
Ведь разбито окно мое вечное.

УЧЕНОМУ

В каком углу ты прочувствовал
эту семантику?

О чем говоришь? Мы покинуты
Лулу-малулом!

Мозг обезьяний
Посажен на хвост обезьяний.
Это руины.

Пиши о них все,
что захочешь.

Они промолчат.
Их озаряет Луна
И они для Луны ее дети.
Тени. Пыль. Камни.

В лес уходи —
Каждый миг — это тысячи знаков.
В лес уходи
И проси возвращения
Лулу-малула.

* * *

Здесь равно строят из небытия.
На поле хлеб восходит ровно.
А после клонится, как словно к тебе я,
Чтоб слов ронять наполненные зёрна.

Здесь равно строят из пустых небес,
Из камня, глины, крови и алмазов.
Легко поднимешь потому тот вес,
Что показался неподъёмным сразу.

В новейшем доме ложе твоих снов.
А что ещё небытие построит?

Алмаз и жемчуг льётся гордых слов.
В потоке пригрожу не прекословить.
И вот, когда к тебе я наклонюсь,
Что людям интереснее, однако,
То синим наливаются та грусть,
Что вышла из заоблачного знака.
А люди, не понявши ничего —
Небытие не сразу ощутимо, —
На то кивают дружно головой,
Что равно всех подряд проходит мимо.

К ПОРТРЕТУ

Он все блуждал во мгле ночной,
Блуждал во мгле дневной.
И Бога вечного узрел,
Молился и лицом бледнел
И ночью ви́ден стал —
И Бог его забрал.
Теперь с блуждающей луной
Он ходит, как с иной женой,
И неживою стороною
Ее он восхищает.
Его живая сторона
Неясна и всегда бледна,
Другим не обещает.
Он столько девам изменял
Бог это видел и сказал:
Пусть льдиной проплывает.
Так север в льдинах и ветрах
Хранит мечты цветочный прах
И этим привлекает.
И ледниковая вода
Сама любовь, но никогда
Сойти не обещает.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Гримасы химер
Над вашей неполною верой.
Унять беспредел
Не получится верною мерой.

А истина точно
Любое возьмет достоянье.
И вот — ты собор,
Не имеющий вовсе желанья.
Все вокруг шевелится,
Языко смеются химеры,
Ведь с их высоты не увидишь
Ни лица,
Ни веры.

* * *

За поводья я крепко
Держала слова.
Уводила пастись
К Селенге, в острова.
В тальниках, в ивняках
Они ели траву.
Им шептала она
Дрожь земли и молву.
И спускался с Саян
Гневно-злобный старик.
Запевал как Боян
Он псалмами из книг.
Не от мира сего,
Не для мира сего.
Потрясал он основы
И веру его.
В нём крещение Руси

И кровавый раскол.
Он родился безумцем,
Он к людям пришёл.

Они тонны считали,
О безднах забыв.
Они Праву купали
В бадьях ледяных.

Их достойный пророк
Словно буйвол рыдал.
Книги вечные сжёг,
Не найдя, что искал.

И опять Селенгою
Шепталась трава.
Вместе с песнями гоев
Распяты слова.

Но лишь сильные руки,
И вольные речи,
Отворяют играя,
Пути человечьи.

* * *

Для нашего дела вот так было всё — всё равно,
Что ложь украшает красивое пиршество славы.
И так наша жизнь изнищала до жути давно,
Для Мирового порядка крысиной забавы.

И правда ступает в лохмотьях своей нищеты.
Никто не обзарится этой невидной потехой.
Она и живёт, отмеряя версты и версты,
На пыльной дороге единственно скрывшись от смеха.

Кто хочет — тот пнёт, а иной даст и чёрствую корку.
Но чаще всего мчатся мимо на ложах машин.
А коли имущества нет, — то не будет и торга,
И правде легко обрываться в небесную синь.

И вот вся страна миллионами нищих шагает.
Один от другого подальше печали несёт.
А как расстояние души по праву сближает,
Тем будут роднее, чем далее правда уйдёт.

* * *

Кто там впереди, на едва различимой дороге?
Сереет едва, ну и полы, как крылья висят.
Последуем за, мы тождественно правде убоги,
Ах, это она, — быть в пути не устанут глаза.
Опасно ль шагать, как она всё шагала едино?
Опасно всегда одиноким в пустынном лесу.
Но здесь до того, до того молчаливо-пустынно,
Что ноги то ль в страхе, а то ль в ликование несут.

* * *

Опустилась шапка с месяцем
На туманный лес.
На суку задумал веситься
Невидимка-бес.
Рожки месяца понравились
Тонкому ему.
Тем решил он озаглавиться
К счастью своему.
Это было давним вечером
И в лесу густом.
Ну, а после мы уж встретились
В сумраке пустом.
Деревцами худосочными,
Кривенькой сосной
Любовались, полуночники,
Идя стороной.
А еще спустя столетие
Стал картинкой лес.

В начертанье букв завещанном
Потемью исчез.

Но осталось наваждение:
Что-то было тут.
И огромное терпение
Замерших минут.

* * *

Жизнь тебе — ниточка, за которую тянут,
А люди должны ее распознать.
В толпе, суете, среди гама
Доброму Богу спасибо сказать.
А не скажут спасибо доброму Богу —
Он разберет и мост, и дорогу.
Порвется струна.
Так отзвук разрыва гуляет по миру.
Лиристка настроит звучную лиру,
И вторит она.

* * *

Мне стали любые смыслы доступны.
До смыслов рукой мне подать.
И умер мой Бог, чтоб затем неотступно
На небе сиять.
Что он мне оставил? Катушку без правил
В четыре любых стороны.
Юлу, что кружится задорно и плавно
На сорок четыре страны.
И я поклоняюсь, к чему прислоняюсь;
К катушке, юле и огню.
И жду, когда тоже вот так воссияюсь
На целую вечность мою.
В чем смысл, спросите? А мыслью кружите.
И занавес тонкого дня

Откроется легкий в пустую обитель.
Там снова спросите меня.

* * *

Все слова — то познания бред,
Что б в них ни было — тьма или свет.
Если ямб разъедает гортань,
То спасает беззвучная рань.

Только тот, кто несет,
Знает тяжесть утрат.
Только тот, кто поёт,
Утру новому рад.

Вот синица «тень-тень»,
Искры падают в тень.
Желтогрудая песня готова.
И в любой, даже в самый неистовый день,
В ней ни слова, ни слова, ни слова.

* * *

Двигаюсь вместе с тучей
В чей-то неясный сон.
Судорогой неминучей
Образ мой преломлен.

Тысячи говорили
Разное обо мне.
Ломали, толкли, пилили,
Как будто шла речь о стене.

Медленно засыпая,
Двигаюсь в чей-то сон.
В безднах далекого края
Образ мой преломлен.

А небо всецело лунно,
И каменная стена
Стоит тяжело и разумно,
Несущая имена.

* * *

Я на дне времён, я на дне времён.
Слышу ветра я необъятный стон.
К неизбежному я пригвождена
И за мной следит вся моя страна.
И давно оно, неизбежное,
Жёстким делает сердце нежное.
Знаю пользу я недеяния,
Золотой огонь инознания.
И не стану я ради вас толочь
В одной ступе день, в другой ступе ночь.
Слышу ветра я необъятный всхлип.
Книги он листал, он ко мне приник.
Ну и ладно мне, я смотрю кругом.
Я давно без чувств, нипочём мне гром.
Нипочем мне стон, я на дне времен.
Не упал же кран, тот, что строил дом.
А куда ему? Он на дне времён.
Ветер в бубны бил, наворочал туч.
Обо мне рыдал на камнях круч.

* * *

Быть лицом во внешнем мире —
Делать дело неустанно.
Цифра, давшая «четыре»
Открывается нежданно.
Двойка в двойке отразилась,
Отражением умылась.
Белым лебедем нырнула,
Перья брызг воде вернула.
«Три — один» — святая ложь.
Ею мир и ты живешь.
Вот пространство искажений
Для ошибочных решений.

Я хотела скрыть от мира
Тайну мира и свою.
Но была дана мне лира,
С вольной песней по рублю.

Покупайте, покупайте
Содержание без формы.
Признавайте, признавайте
Необъятное без нормы.

Что могу сказать я ждущим
Явных действий от меня?
Мысль неистовая лучше:
Спит, безмерное храня.

Как же мне не потеряться?
Как себя не потерять?
Надо только не бояться
Нити времени держать.

Я возьму с собой немногих.
А другие не пойдут.
Мы совсем не одиноки —
Нас мгновенья стерегут.

Неожиданные братья
Тайных замыслов и грез.
Надо только ощущать их,
Как рассвет или мороз.

* * *

Мы не в тоннеле:
Узость инстинктов
Расширена
целостным взглядом
на мир.
Взгляд остановлен в молчании сфинкса.
Белый песок
полетел по степи.

Узость инстинктов
                                локомотивом
Рвёт на две части:
                                право и лево.
Сцепленья колёс
Промелькнул лейтмотивом,
Мчишься и смотришь:
А что уцелело?
Пока не рассыплется
                                эта машина,
                                ритм её слушай.
А выйдешь: пустынно.
Сфинкс поглядит
                                в ослеплённую душу,
Осени тонко блеснёт паутина.

ЛИСТАЯ КНИГИ

Приходит пора сожжения книг —
И книги сгорают.
Языки красные за мигом миг
Страницы листают.
Не чей-то вопль: «Мы писали их»
Меж строк прописан.
Горячий, огненный льется родник
Осенних истин.

«У вас был поиск, и мы нашлись.
Не пожалею
Ни ваших жизней, ни ваших книг,
Пылая, тлея.

Пылаем вместе — пришла пора,
Пора сожженья.
Была такая — писать игра —
А мы отменим.

Останутся синие воды реки —

Пиши вилами.
И что-нибудь твердое изреки
На белый камень»

* * *

Своей мыслью образ творим.
Отчего же он не оживает?
Он, веками надёжно храним,
Нашу мысль осяза... истязает.
Светит вглубь и поверху скользит,
Никогда не давая ответа...
Он — ответ, а изысканный вид —
Это разума тонкая мета.
До чего же в пустых головах
Может быть и светло, и красиво!
Так давайте, проникнем туда,
Унося за собою полмира!
Защитим скорлупой черепов
Тайну таин в её откровенье...
Внутри заглянешь: взволнуется кровь
Тишиною той тайны храненияя.

* * *

К добру и злу привычен человек.
В пыли лежит туманная дорога.
Она и без него есть только бег,
Который колёй очерчен строго.
Любую мелочь давит колесо.
Земли движенье выдаёт бесстрастье.
Но солнца свет ложится горячо
И лбы звездами украшают власти.
Тот, кто очистить мысли не посмел,
Тяжелым грузом заарканил плечи...
Твоё лицо бело, как школьный мел,
Черны твои неистовые речи.

А это значит — близко смерть твоя.
Беги, беги знакомой колеёю.
Тебе не помогу, наверно, я,
С обочины кивая головою.

НА СЛУЖБЕ

Мистическая ткань хранимая небес
Подёрнулась туманом новолетья.
Земля — душа явленная не здесь,
Вращаемая в сумраке бессмертья.
Под голубым немислимым кустом,
Шумящим всем созвездиям и звёздам...
И тут начальство спрашивает грозно:
Я думаю ль, и думаю о чём?
— Мысль — это шар, разъять его не в силах,
Под лапой льва тем более не взять.
А вот о чём она неторопливо
В своём вращенье может рассказать?
Вещь всякая, движимая в себе,
Чужда ударам и чужда судьбе.

* * *

Дышу я далёкою мыслью.
За это прости.
Из далей приходят туманы и числа,
Приходят пути.
И снова всплывают надеждой туманной
С утра.
Далёкое — это не дальние страны,
Иная пора.
В которой не будет уж нас, и свободно
Далёкая мысль
Пронзит ощущение дали холодной,
Холодную высь.

Что делать?

* * *

Солнце дневное
Властное и злое.
А вечерочком
Заглянет под листочки,
Осветит кочки.
Нежности захочет.
Алое-алое.
Земное — усталое.

* * *

В природе страха нет,
А ты его исполнен.
И отвернулась я
Смотреть на моря волны.
Пусть солнце бытия
Уходит в подземелье,
Не истощат моря
Зыбучее веселье.

* * *

Сама растет трава.
Само кипит солнце.
ЧТО ДЕЛАТЬ?

* * *

Листья считай,
И лето пройдёт.
А кто над
                    тобой?
Тополь высокий.

* * *

Все дожди, как один.
Я помню один дождь.
Собираю малину в саду,
Вот к другому кусту
Я сейчас перейду.
Я помню один дождь.

Я помню один день.
Собираю малину в саду.
Вот к другому кусту
Я сейчас перейду.
Все забыли меня —

я помню

Один день.

ИЗ МОНОЛОГА САДОВНИКА

Вычеркнем из истории страницы:
Этого не было, не было, не было.
Под ногами сухих веток плетения.

* * *

Что-то потеряно.
Приобретенье
Не дорого в городе столпотворенья.
Высятся бронзовые столпы там.
Будущий памятник бьет копытом.
Что-то потеряно. Ощущенье
Тверди земной.

* * *

Нет мертвых — только камень мира.
Фундамент — холм. Здесь город был.
Нет ни бренчащего эфира, и нет могил.
Природа небыль воскресила,
И кто пришел, тот крест сложил.

* * *

Помню вечно — а разлука мгновенна.
Долго шла, а пришла — никого.
А дорога была начертана верно.
Что ж такое произошло —
Что не боги.
От них — мысль и время.
Долго шла — а пришла и нашла;
Что же помнить — когда пред глазами.

* * *

В пустых сосудах
Призраки небес.
Наполни влагой —
И исчезнет бес...
Наполни и орехом, и зерном,
И крепок будет
Твой осенний сон.

* * *

Ничтожным стало званье человек,
Унизил бес и предал правых век.
Ты хочешь побывать сегодня на горе?
Кати же камень в гору на заре.

* * *

Речь призрачна, летит к небытию...
А, может, возвращается оттуда?
Наперекор всеобщему нытью,
Ваяет неопознанное чудо.
О, если б кто-то понял вдруг меня,
То, точно, то б была совсем не я.

* * *

Черный лед и природы немилость.
Медведя чучело опровергает стылость.
Ворона черная порывам ветра не уступит.

Много ворон с порывами ветра вкупе.
Летят последние листья рощи.
Флажок России полощет.
Флаг распиваемой Раши.
Полосатое — это не наше.
Мы ровные.
Мир всем.

* * *

Мы устоялись
                                в своём представленье о мире.
Мир — это солнце, и кружится в нем голова.
Разум-сознание становится шире и шире,
Так что, хватает его на ближайших едва.
Выйдешь из дома, посмотришь далёко —
  всё солнце.

Всех прошивает чиновников светом своим.
Каждую кочку и каждый весенний листочек
Разум обвеял, и разумом мир наш храним.

* * *

Кто для чего
Приспособить хотел бы вечность:
Строитель, чтоб имя его нашли
Под кровлей сотого этажа
Спустя тысячу лет.
Президент, указ которого
Перекувыркнул бы страну
На тысячу лет вперед.
Писатель, чтоб его роман читали
Спустя ... лет.
И только дворник день за днем
Метлою шурша,
Двор метет безымянно-вечно.

* * *

Цельно, несвязно, свободно
Будто отпущенный звук
Мяч пролетел в ворота,
Туча накрыла луг.

Так завершилось детство
Под проливным дождем.
Вот и задумалось сердце,
Рыбкой скользнув в водоём.

* * *

Эти люди, которые все сосчитали,
одного не учли:
Буйства ветра над городом мрака и стали
И ненужной земли.
Вот она и нема, и суха, и убога.
Пахарь в космос летит,
Бороздою туманной дорога.
Все вопросы у Бога,
И ответы у Бога.
И молчанье у Бога.

* * *

Полушарие южное мозга
На юге было в Болгарии.
Полушарие северное мозга
Посещало
Североенисейск и Бодайбо.
Не творили ни зла, ни добра.
Не сеяли и не жали.
Дымные, дымные вечера.
Полсолнца село. Пол луны всходит.

* * *

В день первого снега я дома одна.
Свобода, свобода сегодня дана.

Вот эта снежинка, что близко летит,
Она миллиардам других говорит.
И нет у них воли, и воля одна.
И выросла в поле снежинок стена.
Пожалуй, не помнит никто обо мне.
Свободна, свободна в забытой стране!

* * *

Что пятница, что четверг —
Всё падает снег
В уходящее.

ВЕТРЕННЫЙ БЕРЕГ

Ветреный берег,
Ценимая сердцем пустыня.
О, приносящий желание бури и стыни!
Это мгновение. К морю спиной повернешься
И неожиданно долго
смотришь на рощу.

* * *

Когда поэт, создав поэму, спит,
То пишут стих аллюзии и ветер.
«Мир изменился, — утром он заметит. —
Поэзия его меняет вид»

* * *

Я ни к кому не ходила за одобреньем.
Я обходилась своим земляничным вареньем.
Марево, зной. Отворенные неба уста.
Крепкая синь ослепительной негой чиста.

* * *

— Чем жила, как жила
На ветрах при алмазных столбах?
— Всё уносило.
Держать при себе

Всё бесполезно было.
— А закончился ветер, остались столбы...
— Остались, стояли.
Но воронные кони судьбы
Тут же примчали.

К ФОТОГРАФИИ ИЗ АДЕЛАИДЫ

Мост
над океаном

Мо-о-о-ст
Над во-о-о-о-дой.

Сбор ягод

Чо-о-о-о-о-рная
Смо-о-о-о-о-ро-о-о-о-о-о-ди-ина

Голубь-горизонт

Го-о-о-лубь
Го-о-о-о-о-гори-зо-онт

Тоска forever

То-о-о-о-
Но-о-о-о-

* * *

Метнулась
Тень-я.
В дверь.
Вышла:
Такси.
Лимонный
Снаряд
Полетел
На Маркса.
Это прекрасно:
Тень-я

В лимонное
Тело
Села.

* * *

Сыпал тёплый майский снег.
Нёс черемухе успех.
Облетели лепестки.
Появились ягодки.
Стало сумрачно кругом.
Вышел жук с набитым ртом.
Плюнул косточкою голой.
Осень. Дети, завтра в школу!

* * *

Культура —
До или после
Всего,
Или — во время?
До или
После.
До или
После.

* * *

Они мне в спешке
                                совали книги,
Старые люди,
Перед тем, как уйти.
Держу я пыльное это тепло
На полках ладоней.
И далее список имен.

* * *

Под небом огромным
Тайну легко сохранить на двоих.

В чуждой толпе, в мышинной норе.
Но лучше под небом огромным.

* * *

Ты о чем мечтаешь, рыбка?
Чтоб никто не спрашивал ни о чем.

* * *

Как степи уходят далёко,
Так уходите вы по степи
Без имени и без дороги.

* * *

Sobre el monte pelado
Un calvario...
Lorca

Время думать о чистоте стиля
Приходит, как ветер,
Сдувающий листья.

ПОДСТРОЧНИК ДЛЯ БУДУЩЕГО ПОЭТА

В тени имени моего
Укройте от солнца и жажды.
В тени имени моего
Волнует кровь вечерний луч.

НА СТ. РАЗИНА

Целый день лимонные листья.
На мокром клене лимонные листья
Сказочно легкие. Пойду и потрогаю
Сказочно легкие лимонные листья
На мокром клене.
Вечером в серых сумерках
Колокол звонит.

* * *

Немного всеобщего:
Свет всего мира

На пол у вешалки лег.
Предел концентрации.
Голос приборя.

1966.

* * *

Моя судьба — мои стихи.
А что вы знаете — летуче.
И в дело вписанные дни
Висят, как сумрак неминучий.
Так биография проста:
Весь алфавит на пол листа.

* * *

Здесь своя трын-трава
Над заросшими пашнями.
Все свое, все такое оно настоящее...
И, коль пахарь уже не придет,
Ветер песню об этом поет.
И, коль конь вороной не придет,
Ветер песню об этом поет.

* * *

Люди, как листья,
Словом гонимы, шепотом ветра.
Искателей истин больше других
Ветер сбивает.
Напитанный кровью,
К оку прозренья
Льнет он с закатом.
Льнет он с рассветом.

Из 1995-го

Пламя музыки лилось с четырех напряженных сторон
На синее море печали, где ты человеком казался
под дружные крики ворон.

Синее море печали осталось, осталось и пламя музык.
А что, человек.... источился и съежился лик.

* * *

В сияние грязи град погружён.
Шелест сугробов и шин шум.
Множества: глыб, зданий, дорог, веток, воды.
Людей.
Солнце одно на всех роняет капель туман.
Я — Солнце Я.

НАШИМ СТИХУНАМ

1

Вместила в стихи
Целый мир.
Они бесновались: «Ты кто такая!»

2

Яблоко червячку —
Елисейские кущи.
Сладко живет —
Не мешайте.
Он лучший из лучших.

3

Упаднический стих
напишем на диване.
И по пути домой,
мечтая о диване.
Прочтет его читатель на диване.
Ему мертвец приснится на диване.

4

Мир стоит мастерством,
И природа к тому же ваятель.
Помолчи о себе, будь никто,
Как осенняя ветка осины
В лесу безымянном.

* * *

Это было такое время. Книгу открою — время:
Ни боли, ни страха. Листьями гербария —
лица фотографий.
Светом были, отпечатываясь на бумаге.
Открою, и забелеет, как небо.

* * *

Я охватила голову свою:
Здесь дом и пашня, космос и Россия.
И в ней ни звука. Тишину мою
Пока что ни о чем и не спросили.

* * *

Ради мистерии вечера
И шёлковых прикосновений
Лесной новогодней ёлки —
Много часов стучало.
Много безмолвных мгновений
Летело, как стаи в окна.
Потом появились дети
И скрылись в моих ладонях.
Линии фатума плавно
К звёздам их повели,
Которые были так близко —
В зелёных лапах смолистых,
Что успокоилось сердце.
И тучи мгновений с глазами,
Расширенными от страха,
У стёкол дрожали, крылились,
И не было им конца.

В ДАЦАНЕ

Всё неповторимое
Уходит в вечность.
А повторимое возвращается,

Поскольку оно вечно.
Крути, крути молитвенный барабан,
Маленький мальчик.
Поколения не вернутся,
А ты свеж и юн.

* * *

День пуст и чист.
Хотелось пустоты,
Чтоб Дух сквозил
На белые листы.
А не хотелось разве
Чистоты?
Да вот же эти
Белые листы.

* * *

В тишине текстов —
Вечер.
Он прорастает в детство
Чистописания.
Вернёмся, побродим.
Обернёмся, полетаем.
Круг небытия:
Сухие листья,
Пустая тропа,
Тишина текстов.
Утром разбудит твой плач.
Утро.

* * *

Блеклый, белёсый
Порхал мотылёк,
Явив мимолётность круга.
В песке такой же вился ветерок,
Играя ракушками друга.

Укрой, укрой, блеклой волной,
Будто первой простынкой.
В деревеньке стариной
Заношено всё.

УРМАН

Там луч в хвое чудит.
Там правда
Встречается с небытием.
Тянет в урман
Смерть живая.
Глазами сокола
Увидишь:
Правда исчезает
Бесшумно,
Будто не было.

* * *

Каждую снежинку
Ноября
Не хочу я счесть —
И вот, бесчислен
Образ мира.
И у кромки льда
Корабли —
Единственные числа.

* * *

Свобода мысли
Требует пространств.
Коль нет коня степей,
Ищу тогда синь неба.
Но гладь его, и то,
Что нет на нём путей
Мысль гасит.

* * *

Прошное — это карман,
Куда сыплется будущее,
Утомляясь притяженьем
Слежавшихся слоёв.
Сверкающий поток
Затвердевает в руду,
Приходя из пустоты.
Как в песочных часах
Прошное мчится в будущее
Тяжелыми слежавшимися частицами.
Вот мне в руки упала одна,
И я вижу ДОМ.

* * *

Облачный сфинкс приближался,
Но размывалось лицо —
Будто шёл счёт на столетья.
Столь мощен был ветер времён.

* * *

Медленно остановись.
Время медленно
Ждёт.
Слонов,
Отсчитывая часы без минут.

* * *

Всякое мгновение кажется вечным.
Мгновения уходят,
А вечное остаётся.
И ты со мной.
А потом
Мы превращаемся в мгновения и уходим.
А вечное остаётся.
Оно растёт вширь пространства,

И распускаются листья.
Оно уходит вглубь,
И листья засыпают уход.
Мгновения остаются.

ГЛАЗА УСТАЛИ

По верхушкам деревьев
я дошла до дому
ни разу не посмотрев вниз.

ПОЛНОЛУНИЕ

Взглядом по небу
Я дошла до дома,
Иногда озираясь
На мартовский лед
Полнолуния.

* * *

Утро жизни пустынно.
Пустынен и вечер.
А день пустынный —
Это продолжение утра?
Начало вечера?
А ночь?

ОСЕНЬ КЕНТАВРА

Ни конь, ни человек.
Передние ноги идут,
А задние торопят.
Не было узды —
Осень смиряет.
Вышел бы к руке —
Нельзя, дик.
Стану далёким
Маленьким кентавром,
Убегу от себя большого

В золотистый лес, где дикость
Зовется чуткостью.

* * *

Ключи потерял — всюду вселенная:
В дом не попасть — всюду мир.

* * *

Я хочу побывать там,
где бывала во снах
в том саду и в твоём сне
сплю в тишине
чтобы слышать тебя во сне

НЕСКЛАДУХА

У свободы есть два берега —
Один низок, другой высок.
На низкий выносит ил и черепа,
С высокого падают.
И сыплют его песчаные часы
Только вниз.

* * *

*Дайте мне точку опоры,
и я переверну Землю.*

Архимед

Дайте мне точку опоры,
Чтоб на ногах устоять.
Рушатся древние горы,
Много приходится знать.

* * *

Когда я взглянула на звёзды — я ушла.
Когда я взглянула на солнце — я вернулась.
Это было так давно, но именно в том месте
Я ощущаю наполненность существования.
Там я почти не бываю.

Так я ушла от всего.
И то, что во мне — запечатление,
Позволяет мне вновь и вновь уходить
В непричастность.
И возвращаться.

* * *

До последней капли
Туча источилась.
И открылась синева.
До последней капли
Кровь пролилась.
И открылась синева.

* * *

Не две березы рядом стояли,
А мы с тобою.
Не клонились шелковой листвою друг к другу,
Молчали.
«Нет любви», — вверху шептали листья, ласкаясь.
Деревья будто, мы шага не сделали,
Холод души одевая снегом.

ЛИЦО ТО ЛИ

Зыбко твоё
Отражение в колеблемом О,
Зыбкое Само.
Момент касания нежного
Тверд.

Корабль Лорена

* * *

Корабль Лорена,
Идущий ко мне,
Из гавани в светлую даль
Предстоящих столетий, —
Они миновали.
Вибрирует звук и не звук,
Пыль — не пыль ниспадает,
Туман повсеместно.
Здесь нечего делать
Считавшему грош и не грош.
Здесь память — не память.
Но все же торжественно ясно:
Они миновали.
Корабль пришел.

МАДОННА В ГРОТЕ

В тоннелях света властная покорность.
Границы тьмы из стали, из свинца.
Летят куда-то золотые зёрна,
Не зная ни начала, ни конца...
Так мне хотелось имя человеческое
Отдать ветрам, потоку горных вод.
Которые слова дарили речи,
Взяв первенца людей в свой хоровод.
Так мчат слова вовек помимо плоти,
Сплетая ветви, бликами скользя...
И молвит нервная Мадонна в Гроте:
«Тебе бесчеловечным быть нельзя».

А Мальчик-Бог, весёлый, шаловливый,
Ещё и не постигший власть Отца,
Быть хочет голубем, цветком, ручьём, оливой
Без имени, без горя, без конца.

Я ОДНА ВО ВСЕМ ПРОСТОРЕ

Для меня: я в нем царица
В этом доме с крупным львом.
И по-царски золотится
Солнце в небе голубом.
И по-царски обнимает
Чаши, вазы на столе.
Паруса пылью вздымая,
Ветер кружит по земле.

Я одна во всем просторе
Залов, комнат, этажей.
И корабль один на море
Посреди вселенной всей.

Мы ли встретимся? Не знаю.
Всё имею. Всё пришло.
Но вместит ли всё, сияя,
Чаши тонкое стекло?

* * *

Всё наполняя значением,
Медленно к морю идёшь.
Даже бесплотные тени
Такие нигде не найдёшь.

Даже дорожная галька
Чем-то высоким полна.
Купальщица выйдет нагая —
Над горизонтом Луна.

Нищего ломаный грошик —
И он осторожно велик.

В гуле небес бестревожном
Слышен творения миг.

ЖИЗНЬ — ВРЕМЯ

В циферблат окунаются годы
И уходят, попарно кружась.
Глубины потаенные воды
Ткут невнятно-тягучую связь.\

И кружатся по берегу пары.
Бот берут, окунают весло.
А уж вечер кивает пожаром
И купает его весело.

Материк погружается в море —
Это ложе для хлынувших лет.
Это медленные разговоры
И дымящийся пистолет.

Это дым и туман вплоть до туда,
Где не виден Земли светлячок.
«Я с тобою сегодня не буду,
Мне милее Иван-дурачок»

И, вычерчивая пируэты,
Бот идет по замерзшей реке.
И пешня отрывает от Леты
Время-льдинку, что тает в руке.

Я с тобою сегодня не буду,
Ну, а завтра уже позабуду.
Видишь мир, погруженный в туман?
Я дарю тебе этот обман.

Ничего не имею другого.
Да еще и неверное слово.
Что же пары кружатся везде?
Жизнь - время, а время в воде.

* * *

О, как бы дням поглубже утонуть,
Освободясь от поминутных пут,
И ощутить блаженство и единство,
С водою? С вечностью?
С единственным тобою,
К которому не надо торопиться:
Единственный мой абсолют.

Явившийся, когда пшеницу жнут.
Спит пастушок, сиянием увенчан,
Он в мраморе, в гипсах увековечен,
И кругло, как Земля, обожествлен...
А стадо? Даже волк — из камня он.

Жнецы, по полю желтому кружа,
Пронизаны горячими лучами.
А вечером так пустошь хороша,
Воздушными опутанная снами...

Часы крутились, ну, а львы стояли...
Все в прошлом длящемся,
очерченном едва ли.

Вслед император встал на пьедестале.
Его мы будем волю исполнять,
Пути стремиться, а часы стоять.

* * *

Зарницы пляшут смутные светил,
В полете над волнующей Землею.
Вдруг ветер створки августа открыл —
И замер на карнизе звук мерил,
Столь лёгкий, что сквозил он немотою.
Из дел людских найдется ли процент,
Который нечто истинное значит.
Разряжен воздух в перемене сцен
Обманчивостью в плане декораций...

Не собирает август урожай
На бело-голубых страницах текста.
Так заверни в его листы кинжал,
Ведь Карфаген разрушен повсеместно.
Похорони на небе за серпом,
Рыдая музыкой о ложном миновавшем.
Один, один — все истинное в том, —
В прозрачном месяце, за тучами пропавшем.

* * *

В громадных зеркалах озёр,
Он золотой на сколах гор
И гулкий в бронзе или глине...
Закатный мир души старинной.
Которая есть великан.
Раздробленный на сонмы знаков,
Он претворён по нраву стран,
Везде непонят и инаков.
Но мы вернёмся, всё пройдя,
К бронзовокаменной вершине.
А, это мир души старинной,
Где Полифем бежал, вопя.
Понятное без крика слов,
Предстанет чуждое, иное.
Оно такое же родное,
Весь мир для нас он весь таков.
И очарованные там,
Где есть вода среди пустыни,
Вдруг видим обветшалый храм,
Следами пуль гордясь поныне.
В руках чужое не держать,
Но чем владеть по праву знаков?
Настолько этот мир инаков,
Что невозможно не дрожать.

ОТВЕТ

— Добрые боги
Дали нам стиль.
Способ моленья,
Глазастую ширь.
Как бы хотелось
Услышать ответ!

— Он опоздает
На тысячу лет.
Ибо летит
Из кромешной дали,
Той, что представить
Вы не могли.

— Что ж,
Через тысячу надо вернуться!

— Лики Байона
В ответ улыбнутся.

* * *

Восходящее солнце зовёт далеко...
И идёшь, словно мышь за свирелью.
Век за веком —
И снова в прохладу веков
За манящей неведомой целью.
Эта цель — это солнце, к нему через мост
Не дано, не ново приближаться.
Медом кажется тела расплавленный воск.
Море Чёрное возле акаций.
Возвращаешься к первым истокам своим,
К Дорифору, Ахиллу, Аяксу.
И ложится зари нежно-розовый грим
В море Черное возле акаций.
Солнце, море несутся из раций.
Вот такую медовую речь

Станем в спящих сосудах беречь.
Их разбей же: никто не погибнет...
Удаляется солнце и никнет
В голубые, червонные воды
Штормовой, плясовой непогоды.
Снова будто бы ты околдован,
Снова будто бы ты очарован.
Но давай: это всё без возврата,
О, единственно без возврата.
И без всякой губительной цели.
Заиграй же, душа, на свирели!

КАМЕННЫЕ ВЕСЫ

В наследство нам — история Земли.
Потом дома, мосты, пути, плотины.
Они прольются бременем старинным,
Сверкая в галактической пыли.
Мы их несли, терпели, принимали.
Мы пили их тяжелое вино...
И вот, теперь они от нас отстали,
И странно осязаемо оно.
Там за чертою — мятежи и войны,
Поля крестьян в изнеженных овсах.
И золотой божок самодовольный
Последних дней на каменных весах.
Застывшие, едва ли не качнутся.
А гирька истукана тяжела.
Задумалась на вознесённом блюдце
Крестителя Святого голова.
Без глаз творящих слепо за свершеньем.
И оттого — тягучая тоска
Преследует желанные мгновенья,
Преследует пространства и века...

Со дна глубин распахнутые книги,
Меня верните солнцу и ветрам,
Хочу забыться, слушать птичьи крики,
Гроши роняя к каменным весам.
Куплю чего? Мне ничего не надо
Из этих летаргичных смертных чаш.
И катятся монеты в угол сада.
... Ты мне втройне за гибельность отдашь.

САМ СОБОЮ ВОЗДВИГСЯ...

В готовый мир приходим мы
С мостами и дворцами.
Увиденным потрясены,
Себя не знаем сами.

Моря и горы, и цветы,
Пески и пирамиды
Созданьем кажутся мечты,
Не знающей обиды.

И без участия людей —
Так мнится поначалу,
Расчерчен берег пустырей
На порты и причалы...

* * *

В труде спекулятивность есть,
И результат, что птица;
Авгуру роковая весть —
Письма его страница.

Всё возвращается Творцу.
Мосты его творенье,
Одежды, что идут лицу,
Плоды одушевления.

Среди священной тишины
При ясности сознания

Видны безоблачные сны
Далёкого всезнанья.

На время жизни нам даны
Томительные крохи.
А то, что сверх, принадлежит
Химере и эпохе.

Сквозь пропасть времени летят
Мечтания и звёзды.
Хоть что-нибудь, вернись назад!
И вновь бело, морозно!

И вновь летят на острова
Зимующие чайки.
А что авгур нам предсказал,
Воистину печально.

Гордиться нечем: строим цифр
Не удивить Вселенной.
Но чудится великий миф
Любви всесовершенной.

ДОМ НА БЕРЕГУ

Жизнь несущий устает.
Телу — масса напряженья.
Оттого и наслажденье
Видеть облака полет.

За окном, за белым тюлем,
За ветвями чуть видно.
И тихонько голубь гулит:
«Погляди скорей в окно».

Но скорей не получилось,
Стол сдвигали, пили чай,
Из минут текущих пыла
Образец другой предстал.
То атлант с глазами барса,

Тоном ровный свод над ним.
На молекулы распался
Легкой жизни пилигрим.

Свод несущего атланта
Наслаждение видеть нам.
Пусть сыреет грудь гиганта,
Он не чует тяжесть сам.

Он не прячется от тучек,
И лиловые они
Проливают дождь могучий
В переменчивые дни.

Звезды сыплют невесомо
Миллиардолетний сон.
И атлант молчит у дома,
Не войти ему в наш дом.

* * *

Волноломом скат означен.
Крутолобым, белым, броским.
Аполлона в глыбе прячет
Волнопенная короста.

И спадает, обнажая
Чудно белое чело.
И опять в него бросает
Пену холодно и зло.

Путешественник явился
К этой лаве голубой.
Он глядит, как за клубился
Сумрак дали золотой.

Он за этот вид за самый
Жизнь свою отдать готов,
Сам как статуя упрямый
Или вечная любовь.

Уезжает он обратно
Сквозь отмеренный простор.
И вскипает благодатно
Чаша пенная с тех пор.
С нею он ли обрученный
Или будет обручен —
Путь его средоточенный
Всё к пространствам обращен.
Колесница Аполлона
Ступиц сбрасывает грязь,
Что смывает с волнолома
Пена белая, смеясь.

* * *

Вечность в облике гиганта
Неразъемно тяжела.
Листья влажные аканта
Липнут к осени чела.
Стоп вблизи щебечут звезды —
Утешение людей.
Как на улице морозно
Посреди Вселенной всей!

* * *

Всей бесцельностью луча
Солнце капли обтекает.
Дождик брызжет и пылает,
Темный город решеча.
Улиц влажны отголоски.
Еле радио слышно.
Долетает до березки
Волнопенное руно.
Мир, дрожащий на листочках,
Веселеет тут на миг.

Но, войною озабочен,
За камнями прячет лик.

* * *

Утром осветило солнце темницу —
Жизнь осветило мою.

В полдень налились темные птицы,
Крыльями мокрыми бьют.

Вечером солнце вновь безгранично,
Призывнее ранних лучей.

День, ты мой день,
Что под крышей обычно, —
Легла на полжизни тень...

Вырвусь в поля сумеречного мира.
Грустно, мне грустно опять!

Лира, одна золотая лира
Без устали может звучать.

* * *

Как высоко и серебряно тополи пели!
Знают ли сон

в неосознанной жизни своей?

Крыши до глянца зеркал голубых отсырели,
В них и гляделись питомцы дождливых ночей.

Пели так прежде одни голосистые трубы.
Но растворились, и нету им больше звучать.
В водах спешащих мелькают прозрачные губы,
Город остался, и дрожь излучает сейчас.

Вижу я сонмы зеркал, опоясавших землю.
Звуков не слышат, но пишут их нот серебром.
Утро трамвая стальной кружит канителью
Мимо здесь росших когда-то прохладных боров.

Города пыль миллиардами капель умята.
Тополь листвой поглощает шумы и шумит.

Ствольные руки обнялись и сами объаты
Тем неземным, что земля затаенно хранит.

* * *

*Для того, чтобы выразить мысль, обладающую всей
полнотой, нужно величие.
Величие берется от повсеместного созерцания колонн
и корабельных стволов, и волнения моря.*

Со мной все статуи классического мира.
Они следят сквозь окна лунный блик.
Они под дождик листьев говорливый
Лелеют мой классический язык.

Когда оторваны их головы и ноги,
То это все равно, ведь мрамор ровно чист.
В одном строю — герои, музы, боги,
Недавних войн гражданственный горнист.

Я средь людей иду и, холодея,
Гляжу, как я им равно далека.
Их свистом ветра жжет Гиперборея,
Их санный путь — замерзшая река.

Но этого им явно не хватает.
Они горды и трудно их понять.
Им статуи подобные в Италии,
И в Лувре проще статую обнять.

Со мной все статуи классического мира.
Когда настигнет ночь, то мрамор их —
Язык особый синего эфира,
Что скульпторы лелеять собрались.

Их покоряет бег времен кровавых.
Их потрясает быстрый свод небес.
Они бестрепетны в сплошном потоке славы.
Любой птенец на плечи может сесть.

Весь человеческий хлам с мольбой к ним подступает,
Но в чем нуждается, то словно чуждо им.

Аврора утром камень освещает
И красоте возносит алый гимн.

* * *

Я с тобой говорила бы вечером.
Кто же ты? Белый лист пустоты?
Синим полем окна подсвеченный
С электричеством золотым?

Прежде чем говорить, я послушаю
Перестук закоренных долей.
Широту, долготу послушную —
Холод наших сибирских полей.

Синий купол мне скажет окружное.
Широта позовет далеко.
И поднимется радуга выюжная,
Чтоб без слов дорогое влекло.

* * *

Солнце восходит над черной отеческой грязью.
В двери узилищ ведет ослепленный народ.
Пасквилай серых завьюжено плотную вязью,
Желтый съедает бисквит, голубой бутерброд.
После луна заглянула на летние голые плечи.
Во тьмах сиреней цветет необъятный букет.
Вдруг покатилося в кустарники девы колечко
С белой руки золотиться Вселенной в ответ.

* * *

... Всего земля производит с избытком,
Но людям всегда не хватает ума.
Ум неприроден, это попытка
Строить дома,
Их проецируя вид в неизмерность,
В космос, где силы гигантских идей.
Где-то в Галактике избы, наверное,
Вдруг превращает в дома нелюдей.

Падают звёзды, как слёзы: Август.
Поля пожелтели и в сырость дорог
Всадники гонят табун через калтус,
В росах и травы, и дома порог...

* * *

Моя семья — это мышка с кошкой.
Я поздним вечером их покормлю,
Они поиграют друг с другом немножко,
Получат в награду за то по рублю.

И им не надо ни лилий в кадушке,
Ни лысого черта в ущерб себе.
Они играют только друг с дружкой,
Чтоб нужное, детское снилось тебе.

У кошки бантик, у мышки — пальтишко,
Да и без этого могут прожить.
Им человеческий глупый умишко
Дворец построил, в три этажи.

Дворец со временем обветшает —
Уход ему, или совсем не уход.
Ведь только время вещей хозяин,
Хозяин — да, но совсем не тот.

Повсюду ценится постоянство.
До цен мышке с кошкой и дела нет.
Жизнь такова, — а лучше странствовать.
Белому голубю высокий свет.

* * *

Преображает время людей,
Но совершенство — неизменно.
Его достигший людям милей.
И шуруется он потому всеблаженно.

Он руку нищим не подает
На сером зябком, продутым погосте.

Он целиком себя отдает
Как небо и небо — и небо после.

* * *

Один человек живет во дворце.
Никто дворец не охраняет, не отнимает.
И что вы скажете о таком подлеце?
Зачем ему площадь такая большая?

А он — великий. Он ощутил
Весь этот мир и его исчислил.
Он столпы и пастбища поглотил
Как чьи-то мысли.

Не одиноко ему, не страшно.
А как-то странно.
И что с ним делать —
То Бог не знает.
Не бережет, не охраняет.

А И Я

Мимо зданий время течет,
Им, ему и всему пересчет.
А и я завернула за угол —
Мы со временем ищем друг друга.

А и я, а и я, а и я —
Это я избегаю себя.

Не старался ли зря Брунеллески?
На дверях зазвенел подвески
Раб принес на плечах мирозданье.
Так мое выполнял он задание.

Неужели вот здесь я живу?
Неужели нездешней слышу?
И я мимо домов потекла,
Потому что стихией была.

А и я, а и я, а и я —
Избегая при этом себя.

МЕНИНЫ

Бремя власти
 Скрашивают сласти.
 Большая роль
 Большая боль —
 Бремя власти.
 Ел, пил, заедал.
 Ночью ёжился и рыдал.
 Блестящий мундир.
 Душа в бриллиантах.
 Много в стране бродяг и арестантов.
 Полный дворец пищи.
 Тяжко.
 Первому из рабов
 Больше рабство.
 Двор прекрасен.
 Флейты, нарциссы, розы.
 Кто в нём счастлив?
 Бабочки, жучки, стрекозы.
 Льются у странника умиления слёзы.

* * *

История — была,
                     иль одно волшебство?
 История —
                     когда сам колесницей
   правишь.
 А если взыграет вдруг естество,
 Царя и царевича обезглавишь...
 Ужасный кто-то
                     вдали сидел.
 Шептал моления,
                     клятвы, проклятья.
 И были цари совсем не у дел,

Было что править,
                                что спать им.
Вот тут и машина
                                пришла в сто рук.
Царей и царства она отменила.
В железный обруч, в железный
  круг
Поместья и пастбища заточила.
Играл пастух — а стадо
  редело.
И мать детей родить отказалась
Не надо стало ни духа, ни тела,
Живою
                                кровью душа умывалась...
Орлиц не поймать
                                сторукой машине.
И каждую мысль не обезглавить.
На дальнем острове,
                                высоком, синем
Царю ясноглазому
                                доведется править.

* * *

Человек, гонимый чувством,
Вряд ли к берегу прибьется.
Чувство, чувство — это буря.
А она не улыбнется.
Если взять ума смятенье
И чуть-чуть добавить страсти,
Будет светопреставленье
В синей пропасти ненастья.
А по глади ровной вечно
Можно парусу бежать.
Он растает, словно свечка,

Не воротится назад.
Не прибьет снастей обломки
Краснопёрая волна.
Не видны же нам потомки,
Даль вечерняя мутна.

* * *

Жить одной минутой
должен
Раб
    катящихся времён.
С их колёс стекают дрожью
Капли красные
    имён.

Раб глядит:
    толкают время
Разъярённые быки.
Он одной минутой с теми,
Чьи движенья
    нележки.

Раб,
    всегда перед глазами
Небо вечное держи!
Говорит его устами
Независимая жизнь.
И, пускай ты утром кормишь
Толстовыйных тех быков,
Ты всегда о ходе помнишь
Серебристых облаков.

* * *

На древнем пиру
Великие принимали
Равных.

Небо, оливы, колонны.
И круг —
солнце уходит в печали.
Но сладок наместник его —
Виноград.
В море вечернего сердца
Утонем.

ЯЕОУ

Извечное «я» не нуждается в опыте скольком.
Оно есть цветок,
И садовник пусть будет умел.
Беседа с «я», не получишь ни знание, ни отклик.
Оно сохраняет себя от безверия дел.
Да я ведь
Иду, говорю я, чита-Ю..
В общении с «ю» я юлою вращаюсь по краю.
А «я» остается, а мнЕ —
Это мнение о «я»,
Что значит включение, свет, простота бытия.
И мнишь, будто зеркало низкое
В небо взглянуло,
И в нём никого; это в небе купается «я».
И всюду есть жизнь —
Избежавшее опыта «я»,
Которое всюду находит, ликуя, себя.
Себе воздает, и вникает себе..
Свет есть искажённое «я» — это «Е».
А «О» за пределом Вселенной, оно —
Оно молоко, ослепление,
Оно навсегда далекО.
Оно поглощает всемирно-великое «Я»,
А с ним все планеты — итог простоты бытия.
И волк завывает тогда, потерявший себя: «У-у-у».
«У-у» - это пУть к запредельному небытию.

Которое далее «О» будто лесом туманным шумит...
Зелёное «У» — это медь,
Это слава, что редко гремит,
Едва доходя от такого далекого «У».
И «Я» уверяет:
«Вот только и там я живу».

КАНАТОХОДЕЦ

По тонкой натянутой нитке
В сияющем блёстком трико,
Идёт он с лукавой улыбкой,
Приплясывая легко.
Столкнулись внизу телесами
Борцы, силачи, клоунада.
Разбитыми дышат носами,
Примочкам и доктору рады.
Скрывается канатоходец
За блещущий горизонт.
А следом Луна восходит,
Сыром пахнет озон.
И так, обтекаем бессонным
Свободным полетом частиц,
Идет он один невесомый
В сопровождении птиц.

* * *

Фонари, рекламы, фары —
Отовсюду свет бежит,
Будто с целого пожара,
Он в глаза зеркал глядит.
«Как я выгляжу? Скажите?»
«Ты прекрасен, спору нет.
Ты редчайший небожитель —
От Земли летящий свет»

Не теряясь в глубь познания,
Свет ничем не возмущён.
Будто целым мирозданием
Он не взят, но отражён.

Тем одним, что так всеильно
Загляделось в зеркала,
Отражающие стильно
День, в котором тает мгла.

Сквозь года бежит кораблик,
Отраженно золотой.
Не застынет, не озябнет,
Он для той стихии свой.

Он сейчас, сейчас утонет,
Как суждено кораблям
В том горящем небосклоне,
Для которого создан.

УТЮГ ЕЩЕ БЫЛ ГОРЯЧИМ

Ты ли печален о тех временах,
Где влажно быки вздыхали
Над тенью Данте?
Пестрые клавиши перебрав
В темпе анданте.

Звук глубоко опустил
В бархате подземелья.
И с нарисованной тучи
Капает песня свирелья.

Ты ли там не был, и я не была
В жажде потери?
Твое же издание приобрела,
Где листы по краям истлели?
Довоенное. До — до какое?

Каждая клавиша
Волною дрожит
Черного моря.
И в результате времени риф
С волнами спорит.
Его постоянство — твоя рука
В гриве овечьей.
Шелково время, но тяжела
Минувшая вечность.
Свет на полу — глянец
Набросок оконный.
Это ли фото пропасти, исчезновения?
Нет.
Поверху катится мячик.
Сколько же времени
Про все ушло безвременное и —
Утюг до сих пор горячий...

ЭЛЕГИЯ

В строгой раме распятая воля искусства.
Золотые ветра и деревья в бреду.
На картине хаос, это значит, и густо и пусто...
Ты исчезни совсем, я к тебе не приду.
Пустоту никогда и ничем не наполнить.
Не теряясь, возьми из нее сны, что в ней.
И бросай в одиноко кипящие волны
Быстрым ходом идущих к рукам кораблей.
Покорми их пшеном.
Ты большой, ты планетно пустынный.
В строгой раме искусства ветрам кочевать.
Шевелиться драконам, и лодочке дынной
На фламандском холсте близ ножа ночевать.
Я из этого мира, из рамки той выйду.
Что я сделать смогу? Ничего, ничего.

Ничего, ничего, ничего, что из виду
Берег скроется и достоянье его.

ОХОТНИКИ НА СНЕГУ

Кровью оплачено ВРЕМЯ СОРОК.
Сокол убит, опустил курок.
«Я — это я», — не скрываясь, трещит.
Вестниц полет по гостям домовит.
Сходят охотники с белых холмов.
Катится пар с островерхих домов.
Эхо глядит с запотевших небес
В зеркало площади памятных мест.
Пишут коньков острия вензеля,
Дальние — дальние дни веселя.
Свежестью зимней, пеплом Клааса
Дышит пейзаж остывающих красок.
Ни жив и ни мертв силуэт вечеров.
Дымом окутана охра домов.
Под коркою снега — глина и кровь.
Дальние — дальние дни веселя,
Пишут коньков острия вензеля.

Чудотворная страна

* * *

Иконы лик — мечта цветов
И птиц весенних щебетанье.
По жилам трав струится кровь
Земли в предутреннем сиянье.

Она легка и зелена,
А ухо слышит тонкий шорох.
Цветов лазоревых страна
В лесах, полянах и озёрах.

Им всем обещан человек,
Который вещее не топчет.
Ночных не опускает век,
Над миром направляя очи.

И вот, цветы ведут тропой,
Где лист лежит и краски яркие.
А там неназванный святой
Чудит икону без помарки.

Чуть слышно шепчутся цветы,
Извивам линий умиляясь.
Покоем дышат их мечты,
В вечерних водах преломляясь.

Жнецы в малиновых рубахах
В поклоне режут шёлк стеблей.
И, наконец, выносит пряжа
Полотна родины своей.

НА РУСИ

На гуденье туманного колокола,
Водно певшего в ржавый затон,
Шла незримо дорога упорная,
Целовавшая меру и тон.

«Быть без будущего помощи,
Отведи нас в другие страны», —
Грубоделанные сапоги
Вверх кивали дороге румяной.

А пути повились повиликой
И вьюнами у розовых троп.
Тишиной окрылась многоликой,
В тупике возносился столп.

Беспощадно глубокое облако
Всех опутывало дождем.
«Мы какие-то все кособокие.
Ничего, как-нибудь проживем»

* * *

Гнетет состояние мира. Гнетёт.
А тучи продолжили к северу сонный полёт.
А дождь загремел. А упала осенняя ветвь...
Кому жаловаться, куда обращаться? Ответь...

Да мы же привыкли к своим городам, холодам.
К своим отцветающим быстро сибирским садам.
Позлее, чем власть, уронивший столбы ураган,
Темнее грядущего ночи январской туман.

Но вот поднимается птица сквозь синюю гладь.
И полнится шумом таёжным кедровая падь.
И даль обнимает - она достоянье людей.
Пространствам глаза говорят о желанной о ней.

Они говорят, что не встретят преград, что они
Охватят мечтою творенья далёкие дни.

Откроют незримое прежде в огне и в воде.
И мир неизведанной истины будет везде.

И ИДЁТ СНЕГ

Заполняя в создании целом
Целый мир, неразъятый вовек,
У предела которого — церковь,
Всё идёт и идёт белый снег...
Он церквушку легко обтекает,
Он снежинкою каждую тает.
Он бесплотно мыслью сознанья
Переходит в спираль мирозданья.
От бескрайнего виденья бегство —
Предстоянье в церковных хорах...
Где опасно плачется сердце
Всё о том, чтоб вернуться в иное,
Чтоб парить белоснежною чайкой,
То от страсти кричать, то от зноя,
И простора всё большего чаять...

* * *

О несбыточной жизни,
О райских садах
Соловей распевал
В затаенных кустах.
И летел небосвод
Прочь от низких судеб.
Но давал и оплот,
И торжественный хлеб.
И на камне стоял
День в росе и цветах.
Слушал он соловья
В затаенных кустах.

* * *

Над черным сводом белый свод
Нас обнимающего мрака.
Алеет рыжая собака
У загнивающих ворот.

И это все — о Русь — о Русь,
Твоей я правды не боюсь.
Ты исчезающая сила,
Тебя машина заменила.

Пусть ветер теребит жнивье —
Предание веков твое.
И дни затапливает осень.

И обнимающий нас мрак
Дороже светлых все собак.
Над черным сводом белый свод,
А сторож у гнилых ворот.

БЕГСТВО

Единый не значит один,
Не тьма одиночеств.
Он равно во всех властелин,
Не хочешь...

Пусть ты одиноко один,
Он — тающий в лицах.
Приснится и всадник, и дым.
А он — не приснится.

Но все ж, прорастая везде,
Как вьюн на поляне,
Кивает он всякой звезде
И делится снами.

Он все что ни есть, нанизал,
Пронзил, простираясь...
Поеду-ка я на вокзал,
Но с ним оставаясь.

* * *

Его благо безгранично.
А у нас зима, мороз.
Голоса несутся птичьи
Сквозь малиновый рогуз.
Сквозь вечернее сиянье
Горных шапок снеговых
Подступает мирозданье
К окнам родины живых.
Чем же родины живые
В ветхих хижинах живут?
Сеют радости земные
В замороженный свой куз.
А в ответ выносят с жара
Пышнотелые хлеба.
Благо дарящему дарят
Разномастные гроба.
Их безмолвно принимает
Тот, кто есть безмерно благ.
Свои чада не ругает,
Всё опять даёт за так.

В ТЕНИ ПРИВОКЗАЛЬНОГО ХРАМА

Цветник с цветущими свечами
В огромном храме колдовал
Над воздыханными речами —
То приближались холода.
За дверью сумрачно молчали.
С вокзала шли туда, где свет
Творений с жаркими очами,
Палящими любой билет.
Сквозили, задувая свечи,
Мешались с теплотью речей.

И зябко кутались в предвечный
Покров потерянных ночей.

И стерегли из караула
С мечом, стрелами и крестом
Рождаемый из сна и гула
Хаос, который невесом...

О полночь солнце посылает
Предвосхищение дней иных
Но кто ж без света прочитает
Тот скрытый и безвестный стих!

* * *

Летит на родину: «Христос воскрес»
Чреде оттаявших могил апреля.
Свирели ветров о весеннем лесе
Выводят первые резкие трели.

Запел кузнечик, взлетел на пнище.
Разлился странный мерцающий свет.
Тревожно стало богатым и нищим:
На их восклицание ответа нет.

Еловые двери храма открыты.
К закату солнцу темнеет аллея.
Да неужели все позабыты,
И чистым и ясным сквозит апрелем...

ДАРИ

Дари, Владычица уста
Сидящим ниже ног пророкам.
Ведь мысль твоя всегда свята
И не откроется порокам.

Ты ближе солнца и милей,
И не грозишь испепеленьем.
Подашь им чашу и елей,
Пускай ответят песнопеньем.

Они твою обсудят мысль
И вытрут слёзы пеленами...
Глядят пророки вверх и вниз,
Умильно — вверх, и вниз — стрелами.
Бессмертье, впрочем, всем дано.
Его Владычица дарует.
Пророки в гнев: «Вот оно!».
И к люду низкому ревнуют.
Грехов и мерзостей людских
Святою мыслью не касаясь,
Она даёт из уст своих
Блаженства утреннего завязь.
И распускается цветок,
И пригорюнившись, пророки
Молитвы шепчут на восток
И войнам называют сроки.

ТЕРАТОЛОГИЯ

Тератология шагает
По нашим спящим головам.
Стиль русский гневно вырастает
Вослед забывшимся словам.
Чудовищны корней сплетенья,
Оставшиеся догнывать.
Горят предвечные цветенья,
Чтоб лепестками целовать:
Следы зверей, сырую почву,
Следы когтей гудящей ночью.
Мы — за пределами всего.
Мы умерли уже давно.
Тератология осталась
Заставками старинных книг.

Звучит из них лесам на зависть
Звериный рык, лебяжий клик.

И кроткое святое слово
Вплетается в узлы корней.
Несут его, ярясь сурово,
Грифоны, львы поводырей.

Те с непокрытыми главами
Ведут незрячую толпу.
С такими язвенными вами
Легко ослепнуть хоть кому!

Толпу не без труда сажают
За славный пиршественный стол.
Зачем, зачем! Свеча сгорает,
Тьма буквенная — для чего?

Слепые плачутся за пиром,
На коем верное свилось:
Война князей и кровь кумира,
Кентавра раненного злость.

Сердца их рвутся за пределы,
Где львы пасут святую Русь.
Слепые шепчут очумело
Преданье бредом наизусть.

* * *

Закутались тучи в парчу и атлас.
Вы что, убегаете, что ли, от нас?
Оделась низина в берёз молоко.
Ты что, убегашь от нас далеко?
Так спросят кресты золочёные глав,
Веками недвижные, чтяще устав.

В ГЕРАСИМОВО

Эта русская изба —
Как прострелянное сердце.

Свет навывлет. Двери ветром
Верно вырвала судьба.

Стрелами сквозь темень крова
Пролетают журавли.
Овны, лошади, коровы
Сквозь порог в туман прошли.

Он поднялся — заklubились
Бесприютные числом —
Больше, больше: тучи бились,
Гасли в небе грозовом.

Сердце русское довольно
И, простреляно насквозь,
Говорит оно: «Не больно,
Дам приют скотине в дождь.

Эта воля, эта буря
Далеко на небесах,
Будто счастье — славно будет
Вспоминать её размах»

ДОРОГОЙ ОТ СТАНЦИИ

Хотелось нежданно забыться,
Сквозь серые тучи уйти...
Так что может вдруг пригодиться
На дальнем холодном пути?

То легкое и невесомое,
Что чувством земным назвалось.
То, чашей тумана несомое,
Что с синим и дальним слилось.

Так сильно забыться хотелось,
Когда я брела сквозь пургу
К избушке на росстани белой,
Следы оставляя в снегу.

Повсюду роились снежинки,
Ненастья тоскующий бес
К оконному свету стремился
И в дверь обветшалую лез.

Тут вышел рождественский мальчик,
Стал мир и уютен, и нем,
Раздвинулся занавес фальши,
Открылось святое взамен.

* * *

Ослепительно-белая степь
В голубом и молочном тумане.
Плавных гор невесомая цепь
Дымкой застила скальные грани.

И алмазные чаши - поля
И прозрачные ленты — дороги
Уплывают сквозь дни февраля
Под заросшие лесом отроги.

Ждут, когда бубенцы зазвелят,
И закупают капли дневные.
Той порой за поселком стоят
В серебре куржака вороные.

Тесно сгрудились против волков,
Будто Русь во всемирной пустыне.
Сталь булатная новых подков
Не видна и не звучна под ними.

Как пройти к ним сквозь лед и снега?
Как позвать в молчаливом виденье,
Да умчаться на те берега,
Что для гордых и верных спасенье...

* * *

Мир — миллиарды глаз.
У каждого под прицелом.

Немедленно судят о нас.
Такое их славное дело.
Такое их славное дело,
Что им не страшны расстояния.
Им — призрачные пределы.
Нам — темные ночи страдания.
Как нервы гудят провода,
Сближая и разлучая.
И что наша жизнь тогда?
Надрывно кричащая чайка.
И — ширится пустота,
Чем дольше года осужденья.
Не знаешь, как вдруг, но устал
От белых зрачков провиденья.
Зайдешь ли в сверкающий храм —
Глядят настороженно лики.
И шепчешь уже: «Аз воздам,
Я тоже всемирно великий.
Я тысячи пыток прошел,
Я был под судом перекрестным.
Но жив, и души моей шелк
Сродни светлокудрым березам»

* * *

В разлуке лет возноситесь главами,
Ступеньками сбегаете в народ...
Я прохожу со сжатыми устами,
Меня покой торжественный влечёт.
Меня покой торжественный спасает.
Я подтверждаю уверенность шагов.
Но вот их звук под сводом замирает,
В глазах святых тревога и любовь.
И долго-долго ждёт, не угасая,
Меня на улице неспешная звезда.

Приводит в дом, где я одна без края
И печь топлю веселую всегда.

* * *

Отогрелось русское небытьё,
Косточки могил святых пророков.
Проросло зеленое бытьё
Из весенних, устремлённых соков.
Отогрелась синяя душа
Зимних сумерек с огнистою прохладцей.
Прилетела древность, не спеша,
Птицей семицветной улыбаться.
И открылось время: смерти нет,
Храмы падают и высоко взлетают.
Падает Россия в смуту лет.
Бездну бездной в бездну выметает.
Старичок на лавочке сидит.
Из могилки вышел бестревожно.
Листья прогорают, и горчит
Русским небытьём по бездорожью.

* * *

Примешался запах мяты
В легкий танец забытья.
Перекрасили закаты
В сумрак розовый поля.
Одичалая их воля
Крепко клонит ивняки.
Поднимись до колоколен
Тихим ропотом реки.
Чуть качнутся, забываясь,
Новые колокола.
Темной медью окропляя
Голубиные крыла.

А голубушкам под вечер
Ладно будет у корыт.
В сильный ветер, в сильный ветер
Коршун скальником укрыт.

Чуть качнутся, оплывая
В бег течений ледяных.
Медь блеснет, чуть голубая
В редких каплях дождевых.

В храм придут четыре брата
С четырех земных сторон.
Глянет им в глаза, что свято,
С позолоченных икон.

И обратно со ступенек
Тихо кинутся они
В шелест вечера весенний,
В неслучившиеся дни.

Январь 2013

* * *

За пределом круга кукол
Нету детям ничего.
Встаньте, дети, в глупый угол
И оставьте волховство.

Вы играли, вы галдели,
С вами мишка, лев и слон.
Дед качался в колыбели —
В бело-красном платье гном.

Вам же этого всё мало,
Оживить пытались вы
Куклу Машу, краски бала,
Бег лошадок, сон совы.

Постучите в деревяшку —
Тук да тук, да тук, да тук.
Пейте сливки, ешьте кашку,
Очертите малый круг.

Не испытывайте жажды
В кратковременном краю.
Подражайте, подражайте,
Подражайте бытию.

Высоко паренье птицы,
Птицы крики вслед времён.
Дети, вы на колеснице
Птиц среди и среди волн.

* * *

Ничего себе вид из окна!
Дым из труб, уходящая вечность.
Отдаляюсь от вас я одна.
Ни себя и ни вас я не встречу.

Разве так, по-простому нельзя:
Мимо идя и шествовать мимо
В эту синь, что так нежит глаза
И собой велика нестерпимо...

Этот на реку вид — в тридцать лет,
Но увидела будто впервые.
Разве есть я — ни капельку нет.
Сыплет снег, и огни золотые.

Погружённая в вечность жила
И не чуяла дней непогоды.
Был бы друг — я б его позвала
В путешествия и хороводы.

Ну, а так — всё одна да одна,
И дорога во поле без края.
Видишь, камешки светят со дна?
Это я их бросала, играя.

* * *

Я закроюсь в комнате, и со мной империя.
А короны царства нету у меня.
Волны, волны радио — дружно ходят мерные
В ожиданье света, мира и огня.

Как-то раз шагнули из такой пучины
Тридцать три солдата с дядькою своим.
Оказались парни просто молодчины,
Основали Третий и последний Рим.

Я закроюсь в комнате, слушаю симфонию —
Имперскую музыку, мировой оркестр.

За окном безлика, праздная агония,
В платице ленивом снулый полубес.
В сквере — император, возвышён и бронзов.
Здесь существование не для сил живых.
Правь же, правь надменно, весело и грозно,
Озирая земли без границ иных.

01.01.13

* * *

Я надену на лице маску,
Чтобы вы все меня узнали.
Я пройду в новогоднюю сказку
На доподлинном карнавале.
Я была не собой — это точно.
Когда маску я не носила.
Искаженно жила, заочно,
И ненужное говорила.
А теперь — узнают меня люди.
И под маской покой лица.
И, давайте-ка, мы не будем
Договаривать до конца...

5.01.13

* * *

Не имея ни круга, не друга,
Я не знала уже ничего.
Снеговеем укрылась округа
Выше облака самого.
То душа была или удушье,
Не понять в ожидании снов.
Но то было всё только лучшее —
Снег да снег и цветы облаков.

* * *

Клевали зёрна птицы за стеной,
Насыпанные мною в полвосьмого.
Движенья жизни не было иной,
Как стук глухой, и не было иного.
Создатель птиц привел, мне дал зерна.
Тайги темнеет шумная стена.
Я нахожусь в несметной глубине.
И эта глубина как раз по мне.

* * *

Оставить белый лист для будущих веков,
Пока на нем слова да не проступят.
Немой квадрат полей черней черновиков,
Священный старый дуб, что свыше неподкупен.
Лист окунёшь в раствор - в сияющий простор,
И он, возможно, лучшее проявит.
А это значит, что, верней наивсего,
Тут снидет ветерок и паруса расправит.

04.01.13

* * *

Куда ухожу — в непознанное.
Откуда — из непознаваемого.
А кто познакомил? Познание.
А кто я? Молчание? Крик?
Слово.

8.01.13

* * *

Мой дед был всадник на коне,
Но на коне колхозном.
Был пулеметчик на войне
Он в сорок первом, грозном.

Не верилось в Христа ему,
Но о земле мечтая,
Ее он сердцу своему
Предсказывал без края.
Чтоб только править на коне,
Не уставая слишком.
Он добыл мира на войне
И вдовам, и детишкам.
Теперь он ветер, снег и дождь,
Ну и земля сырая.
Чего так долго-долго ждешь,
Окажется без края.
Мы здесь одно — всегда свои,
Но круг очерчен узко.
Касаясь дедовой земли
Стоим на поле русском.

10.01.13

FREEDOM FOREVER

Солнце светит в моё окно.
Я свободна уже давно.
Я никому не должна
И никто не должен мне.
Это свобода в моём окне.
Никто не знает, где я.
Никто не слышит меня.
И я никого не слышу.
И я никого не вижу.
Это длится уже полдня.
Полдня достаточно для меня?
Теплее оденусь — зима, и пойду.
Дорогой свободу я тоже найду.

12.01.13

ПРОБЛЕСК

Мне больше нравилась эта картинка:
Несутся планеты, а сверху кубок.
Теперь там елка, на ней снежинка,
Там водопад из ёлкиных юбок.

Такое пустое, по краю проблеск:
Кипит золотого ума отражение,
Не содержащего тела и облик
Ради движенья...

Померк — равномерно приблизилась туча.
И лучшее — хмурость сосредоточья,
Упало наземь с кружащейся кручи.
И все что ни есть, превратилось в точку.

И разом сказалось Бога присутствие.
Пусть описания этому нет.
Из небылого, мерцая без устали,
Пыльцой опускался легкий свет.

... ..

Другого времени запах смолистый
Наполнил память мою без слов.
Мы на земле на своей сибирской
Пашем гранитную крепость основ.

И я слышала голос Бога,
И то, что надо из кедра вырезать
Смолистого, маленького и крутолобого
Идола.

Давно это было в распадке горном,
Мы в котелке варили шишки.
Тайга шумела всевластно, просторно,
Но поезд вдруг из долины вышел.

13.01.13

В НЕПОГОДУ

Душа ли то бунтует,
Или ветер
Бушует в дебрях,
Сучья обломав?
Душа, во всяком случае, без прав.
А он? О нём ли думать, иль о ветках,
Что сном вегетативным дремлют вольно?
Когда бушует ветер, на душе
Становится безбольно,
Безмятежно.
Она — другая грань.

* * *

В Москве есть люди умнее нас.
Они рассуждают о нашем хлебе.
Там накопитель гнусных пролаз,
Глас вопиющего к власти хвалебен.
У нас Сибирь, где глубокий снег.
Тайгу срубили и вывезли валом.
Здесь не в страну убегает век,
А из нее, и грозит пожаром.
Зарево в небе московском — леса.
Мысли и время умных балуют.
Дыбом поднимутся волоса —
Шапку надень Мономаха старую.

22.01.13

* * *

Места, которые мы покидаем:
Флигель с камином, осенние листья.
Если и этого вдруг не хватает,
Покинем историю сумрачных истин.

На площади мы покидаем ветер.
Уходим от линий дождя в междометья.
Кто мы, — мы всех покидаем на свете.
С листьями, с ветром играют дети.
Сыплут песок между маленьких пальцев.
Прячутся в тень, или в свет от тени.
Холодно здесь для несчастных скитальцев.
Листья останутся, чтоб осыпать поколения.

26.01.13

* * *

Сегодня область давления низкого.
Все плачут — дети и старики.
По улице едут с карьера близкого
Грузовики.
Снег грязен. Вороны грязные.
На люке грязные воробьи.
Ракеты вспыхнули. Затворы лязгнули.
Но это мирное. Здесь все свои.
Здесь не хватает свечи пурпуровой
И комнат с темным налетом дней.
Не налядишься в ворота хмурые.
Зайди и время из чаши пей.
Пей, пей, немедля пей, до дна до самого.
Фарфор, сверкающий белизной,
Покоит формы округло плавные.
Не море пить же в палящий зной.

* * *

Глухое ворчание зверя в пещере.
Что, мысль тревожит? И ветер, позёмкой текущий?
И кто разбудил в пещере этого зверя?
А мысль разбудила, и ветер, и слёзы берёзы.

Проснулось закрепощенье,
Заныли держащие кости.
Куда бы уйти в непокое, в тоске, ожиданье и злости?
А в дебри. А в дебри тоски, ожиданья и злости.
Чтоб вся откликнулась природа, и ныли держащие кости.

* * *

Моя душа — песчинка в море тайн.
И столь проста, что никому не видно.
Но это ей нисколько не обидно,
Она скрывается от неуёмных стай...
Всегда я помню своего отца:
Он щедр был и стоек до конца.
Где вижу свет, добро и щедрость я,
Там для меня знакомая семья.
Но не открою я своей души,
Хоть свет включай, и хоть его туши.
Лишь там, где поит вечность Бог-Отец,
Для прочей власти все-таки конец.

Солнце-Россия

* * *

Едва в приоткрытую дверь вечерняя мгла просквозила,
Другая такая же мгла тот час же вспомнилась мне.
Она возникала, когда родители в дом проходили.
И видно было еще деда на рыжем коне.
О, где все теперь: это призраки времени скрыли,
Нового вечера мгла и тысячи вечеров.
Лето за старую дверь тихо сквозит синевой:
Не закрывай на засов, и снова войдет неизвестность.
И тысячи вечеров,
И тысячи вечеров.

* * *

Причудливо блюдя обломки,
Сгорает наше бытие.
И отдаленные потомки
Глядят на таинство сие.
Усевшись птицами по краю
Водой наполненного рва,
Они придирчиво взирают,
Как там пылают эти два.
С тобою были мы не детны,
Но плавится в кругу огонь.
И лип кольцо сомкнуто смертно,
Стекаая дымом на ладонь.
Огонь затейливо томится,
Давно уже на два один.

Он круг покинуть не стремится,
Вовнутрь себя собой стремим.

И отдаленные потомки
Не на галактики глядят,
А на бредовые обломки
И на корявый белый сад.

Они о прошлое болеют,
Что мы им не отец и мать.
Но всех огонь Гипербореи
Вдруг может истово объять.

* * *

Было красивое,
Было бесстрашное, было мое.
Белой стрелою летело домашнею
Ночи и дни напролет.

Там, на Ольхоне,
Ветер догонит, ветер догонит —
Сарма.
Серый кораблик на море потонет,
Я в небосклоне сама.
Небо родное, небо востока,
Сладко тобою дышать.
А выскочит сокол
И скажет жестоко,
Чтоб душу когтями порвать.

На то оно тело
Броней беспощадной,
Чтоб истуканом стоять.
Дары подносите,
Песни курите —
Мать-перемать-перемать.

Кораблик на море,
Я же на горе —

ЖЕЛТЫЕ ПЕСКИ

19.09.14

С ТЕЛЕФОНОМ

Ловя шумов далекое звучанье,
Одно свое далекое возьми.
Вон-то за синей дымкой мирозданье,
Мелькнувших величин вселенских миг.

И, голову перехватив руками,
Запомни зной, что долго снова ждать.
Вон-то за дымкой синей предсказанье,
Что людям никогда не прочитать.

Но от него к ногам река змеится,
Без меры поглощая облака.
И от него забывчивая птица,
Что будет не поймать тебе пока.

И слушай с этим очень тихий голос,
Упавший от антенн на телефон.
Быть может, его ловят каждый волос
И каждый атом гибнущих времен.

И, голову перехватив руками, —
Клубясь, в ней исчезают времена,
Сиди у синей речки под ногами,
И с целым миром, но совсем одна.

11.10.14

* * *

Снежинки падают
в открытую ладонь.
Для них она, что нам
костра огонь.

Снежинки стали
понимать мы лучше.
Убрали руки и закрыли уши.
Смотри, какие ровные следы.
Смотри, какие белые сады.

Мы стали лучше понимать друг друга
И между нами верст небесных вьюга.
И бездна между нами пониманья,
И дрожь, и смерть, и тишина отданья.
Когда толпою уходили дни,
Не говорила я тебе:
Верни.

* * *

Свечи прячу, прячу свечи
Зиму зимовать.
Будет, будет, что живого
Ночью ночевать.
Фонари двора большого
Будут в окна бить.
Где бы в память дорогого
Свечку затеплить?
В том углу, холодном темном,
Где иконы лик.
Свечи прячу, прячу свечи,
Будто солнца блик.
В тихом сумраке квартиры
Буду зимовать.
Холодны поля Сибири,
Есть, что вспоминать.

* * *

Все знают, что нынче в стране происходит,
Но слова для этого вдруг не находят.
Раз слово у Бога, а дело безбожно,
То в слове его описать невозможно.

НА БАЙКАЛЬСКОМ ТРАКТЕ
Творцы ваяли День и Ночь,
А нынче будто тени бродят,

На то ответа не находят,
Что знают все, и мы не прочь.

Предшественники
Атлантиды,
Откуда вышел Аполлон,
Видали не такие виды
И не один разбитый челн.

Мы их потомки и неясно
Предошущаем зыбкий круг.
Там совершенное ужасно
Искажено налетом мук.

Окованные всем незнанием
И знанием поработаны,
Прорвали каменные ткани
И предопределения сны.

Всё отодвинув, мы предстали
Друг перед другом, чтоб потом
Ветра и штормы враз стихали
И в глыбе камня Аполлон.

Мы дольше, чем он сам молчали.
Мы дольше жизни не дышали.
Ну, а потом наоборот —
Внимая ужасу, рот в рот.

Предсумеречные герои,
Остались на причале двое
Всем на погляд.
Не жалко было близ прибоя
Чужих ребят,
Обрызганных водой холодной
Небытия.
И этот час уплыл сегодня
В свои края.
Туда, где сумрак и прохлада,

И всё любовь.
А кромка жизни — для распада
На плоть и кровь.
В ней происходит разрушение,
Но мастерство
И самый добрый, добрый гений
Не зрят его.

Качнулись темные вершины,
Асфальтом просвистели шины,
Но в мимолет
Того, что вечностью стояло
И все почти опровергало,
Чем жизнь живет.

Провалом тени в гущу леса
Взгляд падал быстро и отвесно,
По камню вброд.
Но тут же видел мост и реку,
Потом бредущего калеку,
Потом залив,
Потом корабль и лесосеку,
И зелень ив.

Но то осталось, что творенье —
Застывшее одно терпенье.
Подобно ужасу и чуду
Оно везде — оно повсюду.

И. как с тобою в расставанье,
Остались скалы в предстоянье,
Все позади.
Как хорошо, что им не крикнешь,
И снова в прошлом не возникнешь,
И стук в груди.

Так недоступной оказалась
Родная близь.

И с тем в порты и на вокзалы
Перебрались.
Чтоб позабыть допрежде жизни
Неясный миг,
Когда урочищ хвойных призрак
К стеклу преник.
И отшатнулся, ослепляясь
Потоком фар.
Небытие живым осталось
От лучших в дар.

19.07.14

* * *

Стала я думать о трансцендентном.
Варилась картошка и печь топилась.
Шла отовсюду высокая милость,
И прыгал котенок одномоментно.
Пласты сдвигались, и грезил ребенок,
Раскинув руки, о бесконечном.
И неподвижная мысль непреклонно
Ждала, когда чайник вскипит беспечно.
Это все было, когда я любила
Думать о том, что мне недоступно.
И трансцендентное за этим следило,
Будто за солнцем моря совокупно.
Прищулив безглазье, хранило молчанье.
От неба безрукости, чай я сама наливала.
Тихо бренчал электрический чайник.
Ему, неживому, я жизни желала.
В силу намерений тучи клубились,
Светом туманов полня сознание.
Несуществующие толпились,
Такие близкие, как расстоянья.

2.12.14

РОВНЫЙ ТОН

Он охватил века и дали,
Любви покров.
Я вижу взглядом колоссальным
Предел миров.

Мне очень нужно, чтобы длился
Предвечный миг,
И, чтобы он не повторился,
И вновь возник.

Обратным ходом проникая
На глубину
Того, что мы не понимаем,
Я не пойму.

Вдруг резкий высоко раздался
Орлиный крик.
Благословлять земные дали
Орел привык.

Глыб камень, речку и тропинку,
Меня одну.
Довольна каждою травинкой,
В полях тону.

Впечатываю след и образ
Того, что есть.
Их размывают дождь и грозы,
И это честь.

Надмирный светом упиваться
Предрешено.
Даст ровный тон мне с тем равняться,
Что вручено.

* * *

Солнце-Россия
На хмурые тучи глядит.

Сеять — рассеять?
Хлеба в небесах посадить?
Гляжу на восток я:
Солнце-Россия
Восходит высоко
И сумрак росой оросила.
Гляжу я на запад:
Там птица
В хвойные хмурые лапы,
В чаши и чащи садится —
Солнце-Россия.
Утром на юг и на запад
Прольет золотые лучи:
То, что посеял, пожнешь.
Свет и жар получи.

20.10.14

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Ясникова Татьяна Викторовна родилась в с. Кабанск Кабанского района Бурятской АССР. Родители в это время — студенты-очники факультетов журналистики (отец) и филологического (мать) УрГУ. Недолго жила в Свердловске (Екатеринбурге), затем в Бурятии, где отец (В.П. Секерин) работал редактором районной газеты, а мама (В.Н. Секерина) ее ответственным секретарем. После защиты отцом кандидатской диссертации по социологии печати семья жила в г. Красноярске, где Татьяна окончила среднюю школу с золотой медалью. Поступала на философский факультет МГУ, но не добрала 0,5 балла; в целях получения рабочего стажа, дающего льготы для поступления в МГУ, работала на Красноярских заводах комбайнов и Радиотехническом слесарем механосборочных работ. В 1981 г. семья переезжает в г. Иркутск, где поступила в Иркутское училище искусств (живопись), затем в Институт им. И.Е. Репина (г. Санкт-Петербург) на факультет теории и истории искусства, который окончила в 1993 г. В 1988 и 1989 гг. родились дети — Николай и Виктор Ясниковы, в связи с этим находилась в трехлетнем академическом отпуске.

В Иркутске работала в Иркутском областном художественном музее (1983-84), после окончания института — корреспондентом газеты «Русский Восток», затем заместителем директора ООО «Журнал «Сибирь» в Доме литераторов. Затем секретарем — завхозом там же. Первый сборник стихотворений вышел в 1992 г., второй в 1995 г., и т. д. (см. краткий список публикаций). С 2002 г. по 2011 — заведовала ИГОО Бюро пропаганды художественной литературы (официально с 2004 г.), была секретарем Иркутского регионального отделения СПР. С 2010 г. после полу-

чения Домом литераторов статуса областного государственного автономного учреждения — главным специалистом по связям с общественностью и по организации мероприятий. В ноябре 2011 г. перешла из ИРО СПР в Иркутскую областную писательскую организацию с должностью ответственного секретаря, в октябре 2014 г. избрана председателем правления.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ*

1. «Тень вечеров». Сборник стихотворений. Иркутск, 1992
2. Журнал «Сибирь», №1, 1992. Стихи
3. «Стихотворения». Сборник. Иркутск, 1995
4. Журнал «Сибирь», №1-2, 1996. Стихи
5. «На острове». Сборник стихотворений. Иркутск, 1999
6. Антология иркутской поэзии. 20 век. Иркутск, 2000, стихи
7. Литературный каталог к выставке «Третий глаз»: стихи. Каталог живописи: живопись, сентябрь, 2000
8. Журнал «Сибирь», №6, 2000. Картинная галерея. «Суровая лирика — сибирский стиль», очерк
9. Журнал «Сибирь», №1, 2001. Стихи
10. Журнал «Сибирь», №4, 2001. Картинная галерея. «Начало бесконечной дороги», очерк
11. Журнал «Москва», №9, 2001. Стихи
12. Журнал «Первоцвет», №2, 2003, Иркутск. Стихи
13. Журнал «Сибирские огни», №11, 2003, Новосибирск. О романе Кима Балкова «Берег времени»
14. «Возвращение». Сборник стихотворений. 2003
15. Журнал «Сибирь», №2, 2004. «Архипкин. Архив», статья
16. В книге Цыдып Будаев. «Восхваление жизни на земле с пламенем чистой любви»: предисловие, переводы стихов

17. Газета «Культура: вести, проблемы, судьбы», август, 2005. «От вышней премудрости». Пребывание в Иркутске старообрядческого епископа Силуяна
18. Газета «Культура»: вести, проблемы, судьбы, ноябрь-декабрь 2005. «Слова для вечности...», «От пещеры до космоса», «Самоцветы ДК «Горняк», «Свет вечерней Игирмы», «Сказки братского леса» «Улица имени художника», «Коршуновские самородки», «Соловей, наш соловей», «Музей — дом дружбы поколений», «Вещей бездушных не бывает», «Осень художников»
19. Альманах «Созвездие дружбы», №3, 2007, Иркутск. Стихи
20. Журнал «Панорама Сибири», №1, 2008. 1. Стихи. 2. «Взгляд из дома на склоне холма»: о творчестве художника В.А. Голенева
21. «Ключи», сборник стихотворений. Иркутск, 2008
22. Журнал «Сибирь», №2, 2009. «Кипрей»: о сборнике Л. Юрьевой
23. Газета «Русская беседа», апрель-май 2008. «Смертельный триумф», очерк
24. В литературном сборнике «Как чудно устроен наш мир... Впечатляет...»: стихи. Иркутск, 2008
25. В книге Владимира Скурихина «Улыбки литературного дома»: предисловие. Иркутск, 2009
26. «Иркутские сказки»: волшебная повесть «Митя и пси-частица». Иркутск, 2010
27. «Иркутский альманах», №1, 2010. Стихи
28. «Иркутский альманах», №2, 2010. Стихи
29. В наборе открыток Александра Маджарова «Автографы Байкала»: текст. Иркутск, 2010

30. Газета «Народный контроль Сибири», август, 2010. «Что на-зревает в тепличном хозяйстве», статья
31. «Женщина в истории России»: восьмые щাপовские чтения. 2010. «Вещь в себе», очерк
32. В поэтическом сборнике «Жизнь — дорога, ведущая к храму», 2011. Стихи
33. Журнал «Педагогический имидж», октябрь-декабрь 2011. «Мои первые учителя», очерк
34. Предисловие к каталогу живописи «Дар Диониса», ноябрь 2011
35. «Иркутск. «Бег времени». Антология поэзии. 2011
36. Альманах «Тобольск и вся Сибирь», 2011 г., книга 15, том 2, «Сибиряки в битве за Москву». Виктор Секерин «В сорок первом под Москвой»: послесловие
37. В книге стихов Карлоса Баляна «Любовь моя»: переводы. Иркутск, 2012
38. В книге очерков Александра Маджарова «Мелодии моей души»: предисловие. Иркутск, 2012
39. В книге рассказов Кима Балкова «Куда подевалось небо»: послесловие. Иркутск, 2012
40. Журнал «Сибирь», №4, 2012. Картинная галерея. «Пишу суровый Байкал», очерк
41. В альбоме живописи Алексея Муравьева: предисловие. 2013
42. Журнал «Слово Забайкалья», №1, 2013. «Народ просыпается», пьеса абсурда
43. Журнал «Педагогический имидж», апрель-июнь 2013. Стихи
44. В альбоме «Радуга усадьбы», текст. 2013

45. Журнал «Северо-Муйские огни», №1, 2013. Стихи
  46. Журнал «Иркутский писатель», №1, 2013. "Imagine&poesia", «Страницы жизни Иркутской областной писательской организации», «Книжные новинки», «Художественный салон»
  47. «Приангарье». Календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области. №47, 2013. «75 лет Б.В. Дмитриеву», краткий очерк
  48. «Суперборея Владимира Рака», ВСП, 22.04.2014
  49. «Не скоро сказка сказывается», ВСП, 27.05.2014
  50. Журнал «Наш современник», №9, 2014. «Это я и огромный простор». Стихи.
- Частичный архив. Первая публикация: 1987, газета «Восточно-Сибирская правда», обзор выставки всесоюзного конкурса на памятник декабристам в Иркутске

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
-----------------	---

Родник

«Уходя далеко...»	9
«Дышит прохладой бор...»	9
Стихия.....	9
«Дальше и дальше уйдя от истоков...»	10
«Мы связаны темною тайной глубин...»	10
15 июля	11
«Помимо зыбкого мира лжи...»	12
В Посольске	12
«Проходят ветра сквозь деревню...»	13
«У мира всего на виду...»	14
В степи	14
Родник.....	14
«Привыкнуть думать о себе...»	15
На Байкале	16

В горах

«Брусничный лист...»	17
«У тебя-то и нет ничего...»	18
«Нагромождение глыб, суровые уста...»	18
«Ближние стали дальними...»	19
«Скованы мы и угрюмы?...»	20
«Народы кинутые мечутся...»	20
«Духовные горы эти кто-то воздвиг...»	21
«Свет лежал на скалах мягкий...»	22
«Далеко посылаю я свой еле видимый свет...»	22
«Как быстро гаснут своды дня...»	23
«Я принимаю чашу пространства...»	23
«Омыло снегом желтые листы...»	24
«Днем собирала я шишки и бусы брусник...»	24
«Я искала свое «я» и везде находила...»	25

«Эта гора проступает, как дальний день...»	25
«Прошное вечно темно...»	25
«Время сыплется верное сквозь циферблат...»	26
«Это моя пролетела жизнь...»	26
Шумак	26
«Вместе с меркнувшей природой...»	30
Идол и песня	31
«Нам ирреальное затем...»	32
«Что случилось с тем...»	33
В поезде на восток	34
«Мне нравится серого мрака...»	34
«Фотоны сверкающей лавой ...»	35

Млечный путь

«Ушедшие древние...»	37
«На малой родине...»	37
«Перед тобой на ровном снежном поле...»	38
«Я нахожусь все время не там, где я нахожусь...»	38
«Моты прясть...»	39
«Из вод этой горной, бурливой реки...»	39
Воспоминание о войне	40
«Жемчугом дома над лугом и трава...»	41
«В этой области давней...»	42
«За окном избенка старая...»	42
Детская энциклопедия	43
«Не могут над белым полем...»	44
«В сумерках ни буквы не видать...»	44
Посещение села	45
«Красными волнами ходит...»	45
«Волна набегала...»	46
«За семью печатями...»	46
«Я с детства видела...»	47
«Судьба приходит в пламени одежды...»	48

«Так почему гляжу я на восток...»	48
«Встали бело-синие ...»	49
«Однообразный жизни стон...»	49
«Для обычной жизни...»	50
«Сколько праздников виделось, виделось...»	51
«Свою судьбу узнаю я...»	52
«Страницей ходила белая метель...»	53
«Манит золото, золото, золото...»	53
«Тихий вечер, кругом невозвратное...»	54
Осень в деревне	54
«Голуби, голуби, к курам летите!»	55
Сплетникам	55
Поля ромашек	56
Ab ovo	57
Подснежник	57
«Медленной, мелкою рябью...»	58
«Тоска любви...»	59
«Ком скользнул и обдал холодком...»	59
«Кончились тяжелые...»	60
«Ночная музыка Вивальди...»	60
«Мерцанье слов — моя звезда...»	61
«Пожили в деревне...»	61
«Низкий лиственничный лес...»	62
«Между прошлым и будущим мост...»	63
Из вашего детства	63
«Вы говорите все: Байкал...»	64
Дороги	
«На долгожданный дружества пир...»	66
«Спокойная глубокая река...»	66
«Еще ты рядом...»	67
Дороги	67
«Лег самый первый белый снег...»	68

«Здесь низкие барабинские степи...»	68
Духи местности	69
«Расстаться с тобою...»	69
«Спешила я домой...»	70
В ноябре 2013	70
«Сверкнули зелены...»	71
«Как здесь легко ветвям...»	71
«Сквозь солнечный день проступал...»	71
Олень	71
«В небесах такая благодать...»	72
«Если будет ветер очень сильный...»	73
«Рядом с вывеской...»	74
«Вспышкой: враги на другом берегу...»	74
«Юная осень...»	75
«Дней череда...»	75
«Одна, ни с кем я не делила...»	75
«Будто слеплены детской рукой...»	76
«С нами горы наших мыслей...»	76
«Скрыло мглой пейзажи прародины...»	77
«Так пристало ли нам...»	78
«Травы — открытые книги...»	79
«В сумеречную старину...»	79
«Дорога — жизнь человека...»	80
«Долгие ночи — зимой...»	81
«Окликнут из тьмы и тумана...»	81
«Все покровы кожи сняты...»	82
«На семи ветрах распята...»	82
«На охране тоннеля...»	83
Владыка Дождь	83
«Очень рассеяно капает дождь...»	85
Крещенский звон	86
«Распахнутый веер...»	88

«Стала думать о том, что имею...»	89
«Задумала трудное дело...»	89
«Чем укреплюсь...»	90
«Маленький и грустный огонек...»	91
«Мы покинули Русь...»	91
«Когда я покидала этот город...»	92

Гул турбин

«В клубящемся облаке пара...»	94
Обсчитанные люди	94
19.06.13,8 рт.М, на восток	95
«Светятся громады облаков...»	95
«Быть потерянной в Москве...»	96
«Все не хватало времени...»	97
«Ты промолчишь, и я промолчу...»	98
«Столь скучна была дорога...»	99
«Поселилась тайна...»	100
«Какие руины переживаем...»	100
Однажды вечером	101
Из Бодайбо	101
«Синий вечерний листок...»	102
«Цветов не рожденных вместилище...»	103
«В алый космос заката пустынного...»	104
«Сине-бело-звездно-чист...»	104
«Нет направлений дорог...»	105
«В настороженной мгливой тишине...»	105
Бангкок-Иркутск	106
«В городе одноэтажных домов...»	106
В аэропорту Суварнабхуми	107
Будда на закате	108
Байон	108
«Что несет весна...»	108
«Здесь у печки...»	109

«Я проходила высокой стеной...».....	109
«Мне нравилось быть далеко...»	110
На соборной площади	110
«Воля — вольному...»	111
«Я бросилась тайно лететь...».....	112

В холода

Andante	113
«Весомо льется русская свобода...»	113
«Стелился дым...»	115
У печки.....	115
«Я тебя, светоносная куща...»	115
«Я мыслью удалялась высоко...»	116
«Когда идешь в толпе людей...»	116
«Быть только здесь...»	116
«С другими себя не сравню...»	117
«Восходящее солнце...».....	117
«Дымы над городом...»	118
Есть в терпенье	118
Остойчивость осени	119
«Серое небо — упругие голые кроны...»	120
«Ушли поколения в просвет вечеров...»	121
Бред величия	122
На «прости»	122
«Все слишком узнаваемо...»	123
«Я делаю то и это, и снова то...».....	123
«Навстречу северной заре...»	124
«Творец, потоком вихрей управляя...»	124
«Короткое лето катится сквозь сон изобилья...»	125
«Тускнела утренне луна...»	125
«Быть человеком — пора покоя...»	126
Утопия.....	126
Без имени	127

Ветер.....	127
«Естественность, которую можно читать...»	128
«Уходит эпоха...»	128
«От чада цивилизации...»	129
«Завывало в вышине...»	130
«Хор в черно-белом...»	131
«С востока я гляжу на запад...»	131
«О стойкости, силе...»	132
«Фольгою дрожат фонари...»	132
«Белым метет без конца...»	133
«Что это было...»	133

Обещание

«Поневоле думаешь о покое вечном...»	135
После бани	135
«Дарю тебе чашу с открытым сознанием...»	136
«Мы прощались на белом снегу...»	136
«В дом сумеречный войду...»	137
«За то, что не случится никогда...»	137
«Колышется ветки холодная прядь...»	137
В пади.....	138
«Голос тихий...»	139
Прогулка вдвоем.....	140
Весной.....	140
«Тьма раскалилась добела...»	141
«Ты мне всегда говори...»	142
На четырехеста.....	142
Шквал	143
«Все напряжение дня...»	143
«Не будем мы читать...»	144
В Академсаде.....	145
«Я слишком отрешилась от всего...»	145
«Я собственностью не обзавелась...»	145

«Я помню детский дождь...»	146
«В августе оделись горные вершины...»	146
«Ты стрелу поднимешь...»	146
«Никогда не окончится наш разговор...»	147
Утром здороваюсь с маской	148
На сцене	148
У стен Кремля	149
«Глядя на Ваше лицо...»	149
Прощание	150
«Брезжит еле день холодный...»	150
«Рассвета свежее дыхание...»	152
«Льда кусок...»	152
«Диким я лесом бреду...»	152
«В тених голубых сумеречных...»	153
«Говорил о прошедшей войне...»	153
«Вы меня наделите свободой...»	154
«Ты уходишь...»	154
3 июля	155
«Ты мое безумие...»	156
«Я бы не нашла...»	157
«Я внутри метели воя...»	157
В Бурятии	158
В Листвянке	158

На нашей улице

«Весною в государственном архиве...»	160
Вечерняя прогулка по Провиантской	160
В непогоду призрак «Двенадцати»	161
«Любая древность...»	162
«Неизъяснимой белизны...»	162
«Такой, такой разросся клен...»	163
«В сером просвете неба...»	163
Воробьиная страна	164

«Со всех сторон...»	165
«Застыли дома на посту...»	165
«Одной моей давнишнею рукою...»	166
«Кого бы мне не видеть никогда...»	166
Ангара	167
«Вечером солнце искала не с той стороны...»	168
«Позолотило верхушки...»	169
На Провиантской	169
«Поближе к земле...»	169
На Покров	171
Шапка боярка	171
В старом Иркутске	172
«Присыпаны старинные деньки...»	173
Однажды	174

На появление фонаря

На появление фонаря в нашем дворе	176
Утром пьянчужки порадовали	177
Читателю	178
Сутрапьян	178
Я слушала вождя, скрываясь от дождя	179
«День тянулся всепрощенья...»	179
«В этом городе лунные корни...»	180
В ИДЛ	180
Шоу Син, божок долголетия	181
Старый костел	182
«На синий берег Ангары...»	183
«Таинство знаков светит судьбе...»	184
«Я развешивала чувства...»	184
«Люди бормочут под шапками снега...»	185
«Говорить о себе...»	186
Стихотворение, написанное при виде милиционера и Солнца	186

«Стали строить дом у окон...»	187
«Ты обойдешься малым...»	187
Ф-ой	189
«Я опустила в туманы Иркутска...»	189

Академсад

2 мая	191
В Академсаде	191
«Сколько было самых тайных...»	192
«Быстро в небе гаснет след инверсионный...»	192
«Число в пространстве непрерывном...»	193
«Я угождаю червяку...»	194
«Я слишком много видела вне слов...»	195
«Вечер этот — сырая дорога...»	195
Читая Блока из 1907-го	196
«И прозревать не надо: преданы...»	197
«Как жить? Я на краю всего...»	197
«Черные вишни с блеском луны...»	198
Нарцисс	198
«Туча густела...»	199
«Когда едва закатывается...»	199
«В сияющую чистоту...»	200

Поэт и поэзия

«Лечил морозом утонченный нрав...»	201
«Я книжку бросила небрежно...»	201
Как пишутся стихотворения	202
Читателю	202
«Я выхожу за пределы круга...»	202
«На юге расцветают орхидеи...»	203
«Я для вас далекая звезда...»	203
«Нет ни имени, ни угла...»	204
«В покорном мире невезенья...»	205
Камни писателей	205

«Что с моей головой...»	206
Клеветникам	206
В Рождество.....	207
«Что за новость откровенья...»	208

Символ

«Символ не знает тленья...»	209
Это я	210
«Книги — это пространные письма...»	210
«Последние — они и первые...»	211
«Скоморошиной припорошено...»	211
Ученому	212
«Здесь равно строят из небытия ...»	212
К портрету	213
В воскресенье	214
«За поводья я крепко держала слова...»	214
«Для нашего дела...»	215
«Кто там впереди...»	216
«Опустилась шапка месяца...»	216
«Жизнь тебе — ниточка...»	217
«Мне стали любые смыслы доступны...»	217
«Все слова — то сознания бред...»	218
«Двигаюсь вместе с тучей...»	218
«Я на дне времен...»	219
«Быть лицом во внешнем мире...»	219
«Мы не в тоннеле...»	220
Листая книги	221
«Своей мыслью образ творим...»	222
«К добру и злу привычен человек...»	222
На службе	223
«Дышу я далекою мыслью...»	223

Что делать?

«Солнце дневное...»	224
---------------------------	-----

«В природе страха нет...»	224
«Сама растет трава...»	224
«Листья считай...»	224
«Все дожди как один дождь...»	225
Из монолога садовника	225
«Что-то потеряно...»	225
«Нет мертвых...»	225
«Помню вечно...»	226
«В пустых сосудах...»	226
«Ничтожным стало звание человек...»	226
«Речь призрачна, летит к небытию...»	226
«Черный лед и природы немилость...»	226
«Мы устоялись в своем представленье...»	227
«Кто для чего...»	227
«Цельно, несвязно, свободно...»	228
«Эти люди, которые все сосчитали...»	228
«Полушарие южное мозга...»	228
«В день первого снега ...»	228
«Что пятница, что четверг...»	229
Ветренный берег	229
«Когда поэт, создав поэму, спит...»	229
«Я ни к кому не ходила за одобреньем...»	229
«Чем жила, как жила...»	229
К фотографии	230
«Метнулась тень я...»	230
«Сыпал теплый майский снег...»	231
«Культура...»	231
«Они мне в спешке совали старые книги...»	231
«Под небом огромным...»	231
«Ты о чем мечтаешь, рыбка?...»	232
«Как степи уходят далеко...»	232
«Время думать о чистоте стиля...»	232

Подстрочник для будущего поэта.....	232
На Ст. Разина	232
«Немного всеобщего...»	232
«Моя судьба — мои стихи...»	233
«Здесь своя трын-трава...»	233
«Люди, как листья...»	233
Из 1995-го	233
«В сияние грязи...»	234
Нашим стихунам	234
«Это было такое время...»	235
«Я обхватила голову свою...».....	235
«Ради мистерии вечера...»	235
В дацане	235
«День пуст и чист...»	236
«В тишине текстов...».....	236
«Блеклый, белёсый порхал мотылёк...».....	236
Урман	237
«Каждую снежинку...»	237
«Свобода мысли...»	237
«Прошное — это карман...»	238
«Облачный сфинкс...»	238
«Медленно остановись...».....	238
«Всякое мгновение кажется вечным...»	238
Глаза устали.....	239
Полнолуние.....	239
«Утро жизни пустынно...»	239
Осень кентавра	239
«Ключи потерял...»	240
«Я хочу побывать там...»	240
Нескладуха	240
«Дайте мне точку опоры...».....	240
«Когда я взглянула на звезды...»	240

«До последней капли...»	241
«Не две березы рядом стояли...»	241
«Лицо то ли...»	241

Корабль Лорена

«Корабль Лорена...»	242
Мадонна в гроте	242
Я одна во всем просторе	243
«Все наполняя значением...»	243
Жизнь — время	244
«О, как бы дням...»	245
«Зарницы пляшут...»	245
«В громадных зеркалах озер...»	246
Ответ	247
«Восходящее солнце...»	247
Каменные весы	248
Сам собою воздвигся	249
«В труде...»	249
Дом на берегу	250
«Волноломом скат означен...»	251
«Вечность в облике гиганта...»	252
«Всей бесцельностью луча...»	252
«Утром осветило солнце темницу...»	253
«Как высоко и серебряно тополи пели...»	253
«Со мной все статуи...»	254
«Я с тобой говорила бы вечером...»	255
«Солнце восходит над черной отеческой грязью...»	255
«Всего земля производит с избытком...»	255
«Моя семья — это мышка с кошкой...»	256
«Преображает время людей...»	256
«Один человек живет во дворце...»	257
А и я	257
Менины	258

«История — была...»	258
«Человек, гонимый чувством...»	259
«Жить одной минутой должен...»	260
«На древнем пиру...»	260
ЯЕОУ	261
Канатоходец	262
«Фонари, рекламы, фары...»	262
Утюг еще был горячий.....	263
Элегия.....	264
Охотники на снегу	265

Чудотворная страна

«Иконы лик — мечта цветов...».....	266
На Руси.....	267
«Гнете состояние мира...»	267
И идет снег	268
«О несбыточной жизни...»	268
«Над черным сводом белый свод...»	269
Бегство	269
«Его благо безгранично...».....	270
В тени привокзального храма	270
«Летит на родину «Христос воскрес»...».....	271
Дари	271
Тератология	272
«Закутались тучи в парчу и атлас...».....	273
В Герасимово.....	273
Дорогой от станции	274
«Ослепительно белая степь...»	275
«Мир — миллиарды глаз...»	275
«В разрухе лет возноситесь главами...»	276
«Отогрелось русское небытьё...»	277
«Примешался запах мяты...»	277

Январь 2013

«За пределом круга кукол...»	279
«Ничего себе, вид из окна...»	280
«Я закроюсь в комнатах...»	280
«Я надену на лице маску...»	281
«Не имея ни круга, ни друга...»	281
«Клевали зерна птицы за окном...»	282
«Оставить белый лист...»	282
«Куда ухожу — в непознанное...»	282
«Мой дед был всадник на коне...»	282
Freedom forever	283
Проблеск	284
В непогоду	285
«Москве есть люди умнее нас...»	285
«Места, которые мы покидаем...»	285
«Сегодня область давления низкого...»	286
«Глухое ворчание зверя в пещере...»	286
«Моя душа — песчинка в мире тайн...»	287

Солнце-Россия

«Едва в приоткрытую дверь...»	288
«Причудливо блюда обломки...»	288
«Было красивое...»	289
Желтые пески	290
С телефоном	291
«Снежинки падают...»	291
«Свечи прячу...»	292
«Все знают...»	292
На Байкальском тракте	292
«Стала я думать о трансцендентном...»	295
Ровный тон	296
«Солнце-Россия...»	296
Краткая биография	298
Список публикаций	300

Татьяна Викторовна Ясникова

РОДНИК

Стихотворения

В авторской редакции.

Компьютерная верстка С.А.Ефименко.

Подписано в печать   г.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано ??